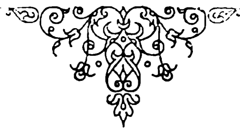
Н. Янчукъ.

ПО МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ

(замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году).

МОСКВА.
Типографія А. Левенсонъ и К°. Петровка, Рахмановскій пер., домъ Левенсонъ.
1889.

Изъ IX кн. „Трудовъ Этнографич. Отдѣла Имп. Общ. люб. Естествозн., Антроп. и Этнограф. при Моск. университетѣ.

Многоуважаемому Николаю Ильичу Стороженку от автора

По Минской губ. (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 г).

I.

Предисловіе. Цѣль и условія поѣздки. Раскопки. Антропологическія наблюденія. Затруднительность изслѣдованій въ Бѣлоруссіи.

Бѣлоруссія, эта настоящая падчерица въ семьѣ славянскихъ народностей, много потерпѣвшая отъ судьбы-мачехи, и до сихъ поръ остается какимъ-то забытымъ, заброшеннымъ краемъ, никого не интересующимъ и какъ будто не заслуживающимъ вниманія. Не говоримъ уже о вопросахъ, касающихся администраціи, экономическаго положенія бѣлорусскаго народа, судовъ, народнаго образованія и т. п.: это вопросы такого рода, что ими не всегда удобно заниматься. Но удивительно, что даже отвлеченная наука, свободная отъ всякихъ злобъ дня и не могущая никого обидѣть и задѣть за живое, сторонится этого края. Мы не знаемъ языка бѣлоруссовъ, не смотря на то, что чуть-ли не десятки молодыхъ лѣтъ тратимъ на изученіе лингвистическихъ тонкостей мертвыхъ языковъ и даже начинаемъ охотно изучать „всякіе „волапюки“; мы не знаемъ міросозерцанія бѣлорусса, его религіозныхъ воззрѣній, его взглядовъ на семейныя и родовыя отношенія, хотя беремся широко трактовать о какой-то народной религіи, о народномъ правѣ, нерѣдко навязывая нашему народу такія мысли и взгляды, отъ которыхъ истинный представитель народа открещивался-бы обѣими руками.

Если весь народъ вообще представляется намъ, такимъ образомъ, какою-то жалкою единицею, которою всякій считаетъ себя въ правѣ помыкать, вовсе не зная ея, то еще болѣе незавидна роль отдѣльныхъ частей этого народа, отличающихся своими спеціальными особенностями быта, языка и характера. Теоретическія разглагольствованія людей, берущихся рѣшать общіе вопросы на народной подкладкѣ, къ сожалѣнію, мало помогаютъ дѣлу настоящаго изученія народной жизни какъ внѣшней, такъ и духовной, и самый этотъ народъ такъ и остается для насъ какою-то неопредѣленною величиною, какимъ-то таинственнымъ незнакомцемъ. А что касается въ частности Бѣлоруссіи, то мы, кажется, не далеко ушли отъ того времени, когда греки, эти носители цивилизаціи, были убѣждены, что всякій бѣлоруссъ обязательно долженъ одинъ разъ въ годъ пробѣгать извѣстное время по лѣсамъ въ видѣ волка. Мы и теперь готовы представлять себѣ бѣлоруссa какимъ-то полудикаремъ, полузвѣремъ, живущимъ въ лѣсу, и только наука, только правильное, систематическое изученіе типа, характера и быта этого народа, а также самой страны, въ которой онъ живетъ, можетъ пролить истинный свѣтъ на эту темную страницу нашего народовѣдѣнія и позволитъ со временемъ сдѣлать какіе-нибудь общіе выводы и заключенія.

Но гдѣ-же эта наука и каковы ея силы? Силъ много, но наука въ этомъ смыслѣ покамѣсть только въ зародышѣ. При отсутствіи систематичности, силы эти дѣйствуютъ крайне разрозненно, а кромѣ того, такъ какъ нѣтъ вѣрнаго руководствующаго начала, нѣтъ основательнаго знакомства съ требованіями положительной науки, то почти каждый, ктобы ни взялся трактовать о народности, осмѣливается считать только себя авторитетомъ въ разбираемомъ имъ вопросѣ, выставлять только свое мнѣніе справедливымъ. Бѣлоруссію изучаютъ и изучали давно и русскіе изслѣдователи, и

польскіе, но всѣ эти труды такъ разбросаны, что́ рѣдко одинъ изслѣдователь знаетъ то, что сдѣлано другимъ въ той-же области, а человѣку, принимающемуся вновь за изученіе этого края, приходится тратить много времени на разысканіе этихъ крохъ, что притомъ не всегда оказывается возможнымъ. Кромѣ того, имѣющійся на лицо матеріалъ не всегда надеженъ, такъ какъ, во-первыхъ, собиратели его не всегда имѣли должную подготовку къ этому дѣлу, а во-вторыхъ, они часто приступали къ изученію этого края съ предвзятыми мыслями, не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ партійныхъ взглядовъ, національныхъ предубѣжденій, вражды и шовинизма, который такъ не присталъ людямъ науки. Еще въ 1840 г. была издана, напримѣръ, интересная книжечка на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Białoruś“, но авторъ ея, эмигрантъ А. Рыпинскій, такъ глубоко ненавидитъ все русское, что эта ненависть доходитъ иногда до смѣшного, и сквозь призму этой ненависти онъ представляетъ многое въ ложномъ свѣтѣ, глубоко вѣруя, что бѣлоруссъ и полякъ — одно, что Бѣлоруссія никогда не была русскимъ краемъ и не должна считаться таковымъ. Съ другой стороны, наши изслѣдователи доходятъ до противоположной крайности: когда дѣло коснется культурнаго вліянія Польши на Бѣлоруссію, они всегда стараются кстати или некстати выразить всю свою непримиримую ненависть и вражду ко всему польскому даже въ такихъ мелочахъ, которыя кажутся смѣшными, и, какъ будто желая вычеркнуть изъ исторіи Бѣлоруссіи цѣлые вѣка, стремятся представить бѣлоруссовъ не только болѣе русскими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, но даже болѣе, чѣмъ какими они могутъ быть. Однимъ словомъ, почти на всѣхъ трудахъ, касающихся изученія Бѣлоруссіи, лежитъ печать отрывочности, случайности, научной несостоятельности, или же, что еще хуже, печать тенденціозности, мѣшающей

вѣрно смотрѣть на дѣло какъ самому автору, такъ и читателю.

Остается послѣдняя надеждана болѣе безпристрастные авторитеты, именно на ученыя общества; наступила ихъ очередь ввести порядокъ въ томъ хаосѣ, какой представляетъ собою нынѣшнее состояніе изученія того края, о которомъ мы говоримъ; имъ слѣдуетъ постараться поставить дѣло на должную почву и взять на себя руководство надъ разрозненными учеными силами. Мы не станемъ подробно говорить, въ чемъ должно состоять это вмѣшательство ученыхъ обществъ; необходимость этого вмѣшательства и тѣ пути, по какимъ должно идти настоящее научное изученіе народности, ясно указаны людьми авторитетными и болѣе насъ компетентными, напр. А. Н. Пыпинымъ въ его недавнихъ статьяхъ о задачахъ русской этнографіи [1]). Вы спросите: какія-же именно эти общества? Главный очагъ нашей этнографической науки — петербургское Русское Географическое Общество; его задача — изученіе отдѣльныхъ странъ Россіи въ физическомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, надо признаться, что для изученія Бѣлоруссіи имъ сдѣлано весьма немного. Въ прежнее время появлялись довольно цѣнныя работы о Бѣлоруссіи въ изданіяхъ этого общества, напр. о Виленской и Гродненской губерніяхъ; но, на сколько извѣстно, въ этихъ трудахъ участвовала болѣе иниціатива частныхъ лицъ, принимавшихся за изученіе края, чѣмъ иниціатива самого общества Въ послѣднее время труды П. В. Шейна тоже являются, такъ сказать, счастливою случайностью и результатомъ неутомимой личной энергіи собирателя. Изъ всего этого нельзя усмотрѣть, чтобы Геогр. Общ. задавалось какимъ-нибудь болѣе широкимъ планомъ всесторонняго изученія Бѣлоруссіи. Между тѣмъ, если бы была сна-

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1885 г. Апрѣль и Май.

ряжена въ этотъ край ученая экспедиція, она убѣдила бы всѣхъ, что онъ представляется совершенно нетронутымъ наукою.

Есть еще въ Москвѣ младшее ученое Общество, состоящее при университетѣ; это Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Въ этомъ Обществѣ давно уже ясно сознавалась необходимость подвергнуть изученію обитателей Бѣлоруссіи съ антропологической и этнографической стороны. Но при всемъ искреннемъ желаніи пополнить сколько нибудь этотъ пробѣлъ въ отечественной наукѣ, Обществу не всегда оказывается возможнымъ приводить въ исполненіе свои планы въ виду скудости матеріальныхъ средствъ, имѣющихся въ его распоряженіи; а всякія экспедиціи и экскурсіи сопряжены прежде всего съ большими денежными затратами: и есть кого послать, да не на что.

Въ 1886 году, благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ лицъ, сочувствующихъ начинаніямъ Общества, ему оказалось возможнымъ сдѣлать попытку командировать двухъ своихъ членовъ, К. Н. Икова и меня, на лѣтнее время въ Бѣлоруссію.

Цѣль этой поѣздки была двоякая: антропологическая и этнографическая. Съ одной стороны, имѣлось въ виду изученіе типа бѣлорусской народности, ея особенностей въ физическомъ строеніи; съ другой стороны, хотѣлось при случаѣ пополнить запасъ свѣдѣній относительно народнаго быта бѣлоруссовъ, ихъ обычаевъ, обрядовъ, міровоззрѣнія, а также языка, что̀ достигается личнымъ ознакомленіемъ съ разговорнымъ языкомъ, а равно какъ точнымъ записываніемъ пѣсенъ, повѣрій, суевѣрій, обычаевъ и т. п. Для первой цѣли нужно было, во-первыхъ, собрать сколько удастся антропометрическихъ свѣдѣній, иначе говоря, произвести подробныя измѣренія головы, лица и всего тѣла бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ и въ различныхъ

мѣстностяхъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ можно было сдѣлать какіе-нибудь выводы касательно типа нынѣшнихъ бѣлоруссовъ. Но подобныя данныя, добытыя изъ наблюденій надъ современными жителями страны, не всегда позволяютъ заключать отъ настоящаго къ прошедшему. Мы не можемъ быть увѣрены, что современный типъ бѣлорусса есть его исконный типъ; скорѣе онъ представляетъ собою результатъ многихъ смѣшеній и перерожденій. Въ какой степени и какъ именно происходили послѣдовательныя измѣненія типа подъ вліяніемъ вѣковыхъ историческихъ и бытовыхъ условій,—объ этомъ могли бы намъ сказать только прежніе обитатели Бѣлоруссіи, но ихъ не вызовешь изъ могилы и не поставишь живьемъ подъ аршинъ или измѣрительный циркуль. Остались отъ нихъ только черепа и нѣкоторыя другія полусгнившія кости въ могилахъ и курганахъ, которые повсемѣстно въ Бѣлоруссіи встаютъ мрачно передъ нашими глазами, напоминая о быломъ. Наука осмѣливается заглянуть своимъ испытующимъ окомъ внутрь этихъ могилъ и потревожить покой ихъ обитателей. Черепа и костяки она подвергаетъ своему изслѣдованію, и хотя по мертвой головѣ нельзя судить ни о цвѣтѣ глазъ, ни о характерѣ и цвѣтѣ волосъ того, кому она принадлежала, что представляется первостепенною важностью при опредѣленіи типа, тѣмъ не менѣе измѣренія череповъ, добытыхъ изъ старыхъ кургановъ и изъ старинныхъ, завѣдомо бѣлорусскихъ кладбищъ, могутъ дать весьма важныя антропологическія свѣдѣнія относительно исторіи бѣлорусскаго типа, въ сравненіи съ типами другихъ народностей.

Для антропологической науки бѣлоруссъ представляется чрезвычайно важнымъ. Во первыхъ, является вопросъ: кто такіе бѣлоруссы въ самомъ своемъ основаніи? къ какому племени, къ какой народности принадлежали отдаленные предки нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, совсѣмъ исчезнувшіе съ лица земли? Высказывалось

даже сомнѣніе, дѣйствительно-ли бѣлоруссы чистые славяне по своему происхожденію и нѣтъ-ли въ нихъ примѣси иноплеменной крови, сказывающейся и въ настоящее время въ косыхъ глазахъ и въ большихъ скулахъ. Кромѣ этого принципіальнаго вопроса, важно также историческое перерожденіе типа. Бѣлоруссы съ незапамятныхъ временъ поставлены судьбою на перепутьи между разными народностями: великоруссами, малоруссами, поляками, литовцами; отсюда понятно, что въ теченіе вѣковъ они претерпѣвали самыя разнообразныя вліянія и смѣшенія. Слѣдить за всѣми этими измѣненіями значитъ уяснять себѣ причины и условія образованія видоизмѣненныхъ, такъ сказать, вторичныхъ и третичныхъ типовъ и наблюдать законы примѣненія, приспособленія основнаго типа къ извѣстнымъ условіямъ, представляемымъ исторіею и культурою.

Безъ сомнѣнія, задача, изложенная нами, слишкомъ обширна и слишкомъ трудна, что-бы она могла быть легко и скоро рѣшена. Поэтому, благоразумный читатель не станетъ тотчасъ требовать отъ насъ отвѣта на затронутые нами вопросы. Для рѣшенія каждаго болѣе или менѣе сложнаго вопроса необходимо прежде всего возможно больше данныхъ, а ихъ-то у насъ и нѣтъ еще въ достаточномъ количествѣ. Для собиранія необходимаго матеріала нужно немало времени, а за собираніемъ данныхъ должна далѣе слѣдовать ихъ разработка, для которой тоже требуются не мѣсяцы, а годы и десятки лѣтъ. Для примѣра возьмемъ хоть вопросъ о языкѣ. Образцы бѣлорусской рѣчи стали записываться еще съ начала сороковыхъ годовъ, въ видѣ пѣсенъ, загадокъ и т. п., а между тѣмъ до сихъ поръ нѣтъ полныхъ основательныхъ изслѣдованій въ области этого языка. Недавно появился интересный трудъ г. Карскаго о бѣлорусскомъ нарѣчіи, но и этотъ опытъ, при всей его научности, далеко не исчерпываетъ воп-

роса. Этнографическихъ свѣдѣній точно также собиралось и записывалось довольно много въ Бѣлоруссіи, но всѣ они недостаточны для того, чтобы можно было по нимъ нарисовать полную картину народнаго быта, чѣмъ и объясняется отсутствіе такихъ общихъ очерковъ, касающихся всей Бѣлоруссіи. Можно развѣ упомянуть прекрасные очерки знатока этого края, покойнаго А. Киркора, помѣщенные въ „Живописной Россіи" (т. 3), изящно изданной Вольфомъ; но они имѣютъ болѣе популярный, чѣмъ чисто научный характеръ, такъ какъ предназначались для болѣе широкаго круга читателей. Новѣйшіе „Матеріалы" П. В. Шейна задуманы по довольно широкому плану, но въ программу этого изданія, повидимому не входитъ внѣшній бытъ бѣлоруссовъ. Археологія края также довольно усердно съ давнихъ поръ разрабатывается мѣстными учеными и любителями, и по этой части есть хорошія работы на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Археологическія разысканія продолжаются и до сихъ поръ, и съ результатами ихъ можно отчасти ознакомиться не только по ученымъ изслѣдованіямъ, но и по тѣмъ коллекціямъ, которыя имѣются у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а также въ разныхъ музеяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, какъ напр. при губернскихъ статистическихъ комитетахъ, въ особенности же въ виленскомъ музеѣ древностей. При всемъ томъ и въ этой области, можно сказать, сдѣлано только начало. Еще въ болѣе заброшенномъ состояніи находится антропологія бѣлоруссовъ, тѣмъ болѣе, что эта наука и вообще очень молода у насъ въ Россіи. Если по другимъ отраслямъ науки относительно Бѣлоруссіи дѣлаются даже попытки нѣкоторыхъ обобщеній, подведенія итоговъ собранныхъ данныхъ, то по части антропологіи не можетъ быть объ этомъ и рѣчи: не чему подводить итогъ. Всѣ данныя по вопросу о Бѣлоруссіи, какими располагаетъ антропологическій отдѣлъ московскаго Общества

Любителей Естествознанія, ограничиваются чуть-ли не нѣсколькими десятками череповъ, добытыхъдвумя—тремя мѣстными изслѣдователями при археологическихъ раскопкахъ въ Минской губ. и присланныхъ гр. К. Тышкевичемъ и Р. Игнатьевымъ на бывшую въ Москвѣ въ 1879 г. антропологическую выставку. Въ нынѣшнемъ году Минскій Губернскій Статистическій Комитетъ предоставилъ въ распоряженіе Общества около 30 череповъ, добытыхъ при раскопкахъ въ послѣднее время Г. Татуромъ и другими. Благодаря этому, хотя нѣсколько пополнятся необходимыя данныя по краніологіи бѣлоруссовъ. Но краніологія непремѣнно должна идти рука объ руку съ антропометріею, т. е. съ точнымъ измѣреніемъ живыхъ субъектовъ, а въ этомъ отношеніи для Бѣлоруссіи до сихъ поръ ничего не было сдѣлано.

Въ виду всего сказаннаго, въ виду крайней скудости свѣдѣній, касающихся бѣлорусскаго края и его обитателей, нужно дорожить всякими, даже самыми ничтожными свѣдѣніями, какія при удобныхъ обстоятельствахъ удается получить. Только подъ этимъ условіемъ я и рѣшаюсь говорить о своихъ занятіяхъ и наблюденіяхъ во время моей командировки, которая, замѣчу кстати, продолжалась весьма короткое время, всего одинъ мѣсяцъ.

Скажу прежде всего о произведенныхъ мною раскопкахъ. Первую болѣе продолжительную остановку я сдѣлалъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ Юревичской волости. Тамъ, на берегу рѣчки Усы, подъ лѣсомъ есть урочище подъ названіемъ Городище, а при немъ курганы. Оно представляетъ изъ себя довольно большой окопъ, съ одной стороны круто спускающійся къ рѣчкѣ, имѣющій въ своемъ валѣ два входа или въѣзда съ востока и запада и окруженный рвомъ. Внутренняя его площадь была нѣкогда заросшая лѣсомъ, но крестьяне, поселенные помѣщикомъ на Городищѣ, срубили

лѣсъ, землю вспахали, въ валу настроили погребовъ; курганы также большею частью распаханы. При паханіи площади городища, по разсказамъ, находили нѣмецкія монеты первой половины XVIII в., большія, довольно оригинальныя стальныя шпоры, черепки посуды толщиною въ палецъ и притомъ иногда съ признаками лѣпки безъ помощи гончарнаго станка, наконецъ, много желѣзнаго нагара, по мѣстному „дзындры", и еще какія-то вещицы — небольшіе, немного сплюснутые шарики изъ обожженной глины, въ родѣ огромныхъ бусъ, съ дырой посрединѣ. Изъ этого видно, что здѣсь остались слѣды разныхъ эпохъ, какъ болѣе древняго, такъ и болѣе поздняго времени. Въ особенности загадочны эти шарики. Ихъ находили изслѣдователи и въ другихъ частяхъ Бѣлоруссіи, напр. въ Витебской губ., и по поводу ихъ были высказываемы различныя мнѣнія: одни видѣли въ нихъ принадлежности рыболовныхъ сѣтей, что врядъ-ли вѣроятно, такъ какъ шарики слишкомъ легки; другіе считали ихъ принадлежностью наряда языческихъ жрецовъ, а можетъ быть и простыхъ смертныхъ, на подобіе того, какъ теперь цыгане увѣшиваютъ себя разными костяными, мѣдными, желѣзными шариками, бубенцами. Что-бы не захватывать слишкомъ отдаленныхъ временъ, во всякомъ случаѣ лучше предположимъ, что эти вещицы имѣли какое то назначеніе въ обыденномъ, домашнемъ быту; можетъ быть, ихъ вѣшали на шею животнымъ для украшенія или для отмѣтки; быть можетъ, подобные шарики разныхъ величинъ служили для счета. Какъ бы то ни было, разъ существовала довольно хлопотливая ихъ выдѣлка, они должны были составлять какой-то предметъ необходимости; при томъ, такъ какъ и старики-крестьяне не знаютъ и не помнятъ ихъ примѣненія, то эти вещи все-таки довольно древнія. Мѣстный священникъ, почтенный старичекъ, прожившій едва-ли не все время своего священства на этомъ приходѣ, настаиваетъ на

томъ убѣжденіи, что, по народному преданію, на мѣстѣ Городища нѣкогда было языческое капище; то-же самое, вѣроятно, по догадкѣ батюшки, утверждаютъ и крестьяне. Впрочемъ, у нихъ есть и другое преданіе, повидимому, удачнѣе объясняющее происхожденіе и назначеніе Городища. Умершій лѣтъ 10 тому назадъ въ глубокой старости крестьянинъ Ковга̀нъ разсказывалъ, что онъ слышалъ отъ своего дѣда, будто окопъ на Городищѣ устроенъ былъ какимъ-то княземъ *Мечéемъ*, который защищался въ немъ вмѣстѣ съ своею дружиною противъ другого князя, но не устоялъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Объ этомъ событіи прежде была извѣстна даже пѣсня, но теперь ея никто не знаетъ' и самъ Ковга̀нъ помнилъ только ея начало:

„Якъ узяли Мечеенькy
Коло Новой Нивы“...

Новая Нива — ближайшая деревня. Кто же такой этотъ Мечей и съ кѣмъ онъ воевалъ, достовѣрно нельзя сказать. Можетъ быть, онъ даже не былъ владѣтельнымъ княземъ, а только простымъ предводителемъ извѣстнаго отряда, превратившимся въ народномъ преданіи въ князя. Хотя, съ другой стороны, малоли было русскихъ и литовскихъ князей и князьковъ, имена которыхъ не записаны на страницахъ исторіи? Всѣ они когда то жили и дѣйствовали, воевали и мирились, а мы ничего не знаемъ о ихъ жизни. Жители мѣстностей, ознаменованныхъ ихъ дѣятельностью, хранили нѣкоторое время въ своемъ преданіи ихъ имена, но мало по малу и этотъ источникъ исторіи изсякъ, прежде чѣмъ какой-нибудь ученый успѣлъ имъ воспользоваться. И сколько такихъ преданій гибнетъ безвозвратно!... Съ своей стороны, я бы предложилъ догадку, не скрывается ли подъ Мечеемъ какой-нибудь Мечиславъ, или-же украинскій Нечай. Раскопки самаго Го

родища, можетъ быть, бросили-бы какой нибудь свѣтъ на этотъ темный вопросъ; но для этой работы у меня не было достаточно средствъ, и притомъ не хотѣлось вводить въ убытокъ крестьянъ, засѣявшихъ площадь Городища.

Я долженъ былъ ограничиться раскопкою вблизи лежащихъ кургановъ; три изъ нихъ были у самаго Городища, еще два - три—въ лѣсу, наконецъ, нѣкоторые совсѣмъ распаханы. Что они довольно стары, видно хотя-бы изъ того, что на нихъ уже успѣли отжить свой вѣкъ такія долголѣтнія деревья, какъ дубъ. Курганы были довольно большіе, съ опавшими вершинами: всѣ насыпи изъ песку и окружены рвами. Интересно, какъ сами крестьяне объясняютъ происхожденіе кургановъ, или „копцо́въ", какъ ихъ называютъ бѣлоруссы Минской губерніи. Большинство кургановъ, по мнѣнію народа, осталось отъ разныхъ войнъ, и въ нихъ зарыты тѣла убитыхъ воиновъ; но есть и такіе курганы, которые сыпались и въ мирное время надъ тѣлами отдѣльныхъ умершихъ. Въ старину, говорятъ крестьяне, когда наши прапрадѣды были еще некрещеные, если кто умиралъ, то при его похоронахъ каждый родственникъ былъ обязанъ принести на его могилу подолъ земли; потомъ, каждый годъ, когда совершались поминки, повторялось тоже самое, и такъ длилось черезъ нѣсколько поколѣній, пока память объ умершемъ не успѣла загладиться. Чѣмъ больше было у покойнаго родственниковъ, тѣмъ больше выходилъ курганъ; этимъ и объясняетъ народъ различіе въ величинѣ кургановъ. Когда умиралъ великій панъ или князь, то указанная обязанность лежала не только на родственникахъ, но и на всѣхъ ему подвластныхъ; отсюда, чѣмъ богаче и знатнѣе былъ умершій, тѣмъ большій курганъ насыпался на немъ, и въ этомъ другая причина различія въ величинѣ кургановъ. Во всемъ этомъ есть значительная доля правды; по крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно,

что почетныхъ и богатыхъ покойниковъ очень часто отличали большими курганами въ то время, когда эти насыпи были единственными памятниками славы предковъ. Что-же касается вышеупомянутаго обычая поминанія съ присыпаніемъ, то очень вѣроятно, что онъ также существовалъ въ той или другой формѣ, и этимъ, можетъ быть, объясняются въ иныхъ случаяхъ разные слои земли въ могильныхъ насыпяхъ. И теперь бѣлоруссы черезъ годъ послѣ чьей-нибудь смерти совершаютъ такъ называемыя „прикла̀дины“ т. е. кладутъ на могилу доску, иногда съ выгибомъ, чтобы она обхватывала могилу, какъ сѣдло, что̀, можетъ быть, находится въ связи съ предполагаемымъ обычаемъ присыпанія.

Всѣ эти разсказы о курганахъ и о самомъ Городищѣ еще болѣе подстрекали мое любопытство, и я разрылъ три кургана. Въ каждомъ изъ нихъ оказалось по одному человѣческому скелету, чему крестьяне не мало дивились: они были увѣрены, что это курганы отъ какой-нибудь войны и что въ каждомъ зарыто нѣсколько человѣкъ. Давность кургановъ доказывается уже тѣмъ, что при костяхъ не осталось и признаковъ одежды или амуниціи и даже самыя кости уже начали перегнивать; а кромѣ того на давность указываетъ и способъ погребенія. Всѣ покойники были, очевидно, положены прямо на землю безъ всякаго углубленія, головою къ юго-западу, и прикрыты досками, а за тѣмъ уже на нихъ насыпались курганы. Что доски были положены только сверху, ясно изъ того, что снизу къ костямъ прямо прилегалъ чистый песокъ, а сверху и между костями былъ рыжеватый слой отъ истлѣвшаго дерева и одежды. Всѣ кости оказались приблизительно въ одинаковомъ состояніи, и на основаніи этого можно бы заключить, что всѣ три покойника были погребены приблизительно въ одно время. Если это такъ, то скорѣе всего эти курганы остались отъ какой-нибудь бит-

вы, и такъ какъ остальные курганы давно распаханы,— вѣроятно потому, что были меньшихъ размѣровъ, — то эти, оставшіеся въ цѣлости, должны бы обозначать могилы болѣе важныхъ лицъ, напр. полководцевъ. Странно только одно, что въ курганахъ не оказалось никакого оружія, кромѣ остатка небольшого ножа съ костяной ручкой; кромѣ этого, изъ вещей было найдено только одно серебряное, плетеное, неспаянное колечко и больше ничего. Въ добытыхъ мною изъ этихъ кургановъ черепахъ бросается въ глаза одна особенность, которая вовсе не составляетъ отличительной черты нынѣшнихъ жителей этой мѣстности; это, именно, слишкомъ низкій и притомъ довольно покатый лобъ съ сильно выдавшимися впередъ бровными костями; врядъ-ли это бѣлорусскій лобъ.

Дальнѣйшимъ мѣстомъ моихъ раскопокъ было село Языль, Бобруйскаго уѣзда, Горковской волости, гдѣ мнѣ оказано было просвѣщенное вниманіе со стороны мѣстнаго священника, уважаемаго о. протоіерея І. Пигулевскаго. Село Языль довольно старинное, что́ уже видно хотя бы изъ того, что въ немъ три кладбища. На одномъ изъ этихъ кладбищъ, лежащемъ на возвышенномъ мѣстѣ, часть площади занята курганами, которыхъ теперь только 10, но прежде, по разсказамъ, было больше; именно, за границею кладбища, гдѣ теперь пашня и гдѣ уцѣлѣлъ только одинъ курганъ у самой канавы, замѣняющей ограду кладбища, были еще курганы, но они распаханы. Интересно это кладбище въ историческомъ отношеніи, если вѣренъ тотъ взглядъ, какой я себѣ составилъ о немъ. Повидимому, здѣсь было нѣкогда языческое кладбище. Впослѣдствіи, изъ укоренившагося уваженія къ этому мѣсту, продолжали тутъ же хоронить и христіанъ, вслѣдствіе чего размѣры кладбища увеличились въ одну сторону, и границы его измѣнились. Прежнее кладбище, вѣроятно, было исключительно курганное и не имѣло точно опре-

дѣленной границы. По мѣрѣ того, какъ приростало христіанское кладбище, старые курганы осѣдали, и со временемъ часть прежняго кладбища обращена подъ пашню; вокругъ кладбища сдѣлана канава, при чемъ въ чертѣ нынѣшняго кладбища оказались и всѣ оставшіеся курганы, кромѣ одного. Замѣчательно то, что въ той части кладбища, гдѣ находятся курганы, теперь почему-то избѣгаютъ хоронить, не смотря на то, что мѣста свободнаго около кургановъ и между ними много, въ остальной-же части кладбища могилы чрезвычайно скучены. Изъ кургановъ два очень малы, остальные же размѣрами гораздо больше юревичскихъ. Всѣ они имѣютъ круглую форму, точно также съ осѣвшими вершинами; около кургановъ замѣтны канавы, откуда брали для нихъ землю. При мнѣ раскопано шесть большихъ кургановъ, въ томъ числѣ и находившійся за чертою кладбища, а также одинъ маленькій. Въ послѣднемъ ничего не оказалось, кромѣ весьма малаго количества угольевъ и остатковъ сожженныхъ костей, которые были не на днѣ кургана, а недалеко отъ поверхности и при томъ какъ-то съ боку. Въ бѣлорусскихъ и литовскихъ курганахъ не рѣдко находили ясные признаки древнѣйшаго погребальнаго обычая, именно сожиганія мертвыхъ: отрывали даже остатки костра съ обожженными костями, или же сосуды съ пепломъ отъ сожженнаго трупа и т. д. Но въ данномъ случаѣ трудно усматривать подобные признаки, и вотъ почему. Во всѣхъ остальныхъ, тутъ-же находящихся курганахъ, оказалось по одному скелету, при томъ въ нѣкоторыхъ, приблизительно на половинѣ высоты, показывалась также сажа. Поэтому надо думать, что въ маленькомъ курганѣ также былъ скелетъ, но онъ успѣлъ совершенно истлѣть и превратиться въ прахъ, потому-ли, что этотъ курганъ древнѣе прочихъ, или потому, что въ немъ былъ зарытъ ребенокъ, чѣмъ можно объяснить и меньшую величину кургана. Что-же касается обго-

рѣлыхъ косточекъ, угольковъ и чернаго пепла не далеко отъ поверхности кургана, то все это, можетъ быть, остатокъ поминальныхъ тризнъ. Положеніе покойниковъ было такое-же, какъ и въ юревичскихъ курганахъ; только у двухъ черепа были повернуты вправо, на бокъ, что́ могло случиться и отъ напора земли; кости точно также почти на столько же истлѣли, какъ и въ юревичскихъ курганахъ, такъ что на основаніи этого можно отнести тѣ и другіе курганы приблизительно къ одному времени. Изъ вещей здѣсь точно также найдено весьма немного. Въ курганѣ, находившемся за чертою кладбища, была, очевидно, похоронена женщина богатой семьи: на рукахъ у нея было нѣсколько колецъ, хотя и плохого серебра; на шеѣ — шнурокъ бусъ не дурной работы: однѣ серебряныя, другія стеклянныя, съ позолотою внутри между двумя слоями стекла. Эти бусы никакъ не мѣстнаго приготовленія, а очевидно привозныя. Съ юга и съ сѣвера черезъ Балтійское море, этого товару въ древнія времена шло много къ латышамъ, литовцамъ и бѣлоруссамъ, какъ это показали раскопки. Кромѣ этихъ вещей, въ одномъ курганѣ былъ еще найденъ перержавѣвшій ножъ, подобный тому, какой найденъ въ одномъ изъ юревичскихъ кургановъ. Они оба имѣютъ величину и форму нынѣшнихъ охотничьихъ ножей, если только дѣйствительно ихъ можно принимать за ножи; это могутъ быть и наконечники копій или остатки другихъ орудій: за ржавчиной нельзя сказать опредѣленно. Никакихъ преданій о язывльскихъ курганахъ я не слышалъ; только одна старуха разсказывала, что кому-то изъ сосѣдей снилось, будто въ одномъ изъ этихъ кургановъ зарыты деньги, а въ другомъ крайнемъ—рукавицы, хотя и никто не могъ объяснить значенія этихъ рукавицъ; можетъ быть, по народному представленію, онѣ служатъ символами рукъ, оберегающихъ кладъ. Когда въ маленькомъ курганѣ, одномъ изъ крайнихъ, ничего не

было найдено, то крестьяне рѣшили, что въ немъ-то и были рукавицы, но сгнили; а относительно клада они убѣждены, что онъ находится въ одномъ изъ тѣхъ трехъ кургановъ, которые остались не расопаны, хотя въ каждомъ изъ нихъ, очевидно, зарыты покойники, такъ какъ всѣ они имѣютъ впалыя вершины.

Въ той-же Горковской волости, но уже въ другой мѣстности, именно въ урочищѣ Нижеровкѣ, въ лѣсу, въ 4 верстахъ отъ м. Урѣчья, былъ раскопанъ мною еще одинъ большой курганъ, носящій названіе „князевой могилы.“ Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ какимъ-то неизвѣстнымъ княземъ, при томъ, какъ увидимъ, довольно древнимъ; значительная величина кургана указываетъ на его знатность, или славу. Есть еще и другіе курганы въ томъ-же лѣсу, но всѣ они меньше; кромѣ того, въ разстояніи полуверсты на полѣ, поросшемъ теперь лѣсомъ, разсѣяно болѣе 80 маленькихъ кургановъ, оставшихся, несомнѣнно, отъ войны и не очень древнихъ. „Князева могила“ стоитъ особнякомъ у рѣчки Нижеровки въ глухомъ лѣсу; на немъ росла когда-то вѣковая ель, но она срублена. Надъ могилой князя, или около нея, по преданію, висѣла стальная сабля, принадлежавшая ему; но потомъ она пропала и была замѣнена деревянной, которая тоже лѣтъ 40 тому назадъ неизвѣстно куда дѣвалась. Въ курганѣ отрытъ мною мужской скелетъ, сильно сгнившій. Покойникъ былъ положенъ прямо на землѣ головой къ западу; у лѣваго бока была у него сѣкира или бердышь, древко котораго совершенно сгнило, а на ржавчинѣ самаго бердыша видны слѣды ткани одежды, отъ которой найдены также куски пряжекъ, или застежекъ. Въ ногахъ покойника былъ поставленъ большой горшокъ съ поминальной кашей, которая обратилась въ сѣрый, бѣловатый пепелъ. Этотъ то именно погребальный обычай и указываетъ на значительную древность. Горшокъ, къ сожалѣнію, оказался раздавленнымъ отъ на-

пора земли; онъ, очевидно, имѣлъ форму широкой, осадистой кубышки, съ довольно тонкими стѣнками, безъ ручекъ, безъ поливы, сдѣланъ при помощи станка; никакихъ изображеній, ни мѣтокъ на черепкахъ не оказалось.

Тѣмъ и закончились мои раскопки на этотъ разъ. Разумѣется, это была только попытка, одна капля въ морѣ, особенно въ виду того безчисленнаго множества кургановъ и городищъ, которыми переполнена Минская губернія, какъ и вся Бѣлоруссія съ Литвою. Всѣ эти археологическіе и историческіе памятники ждутъ еще систематическаго изученія. На первыхъ порахъ хорошо было бы покрайней мѣрѣ привести ихъ всѣ въ точную извѣстность путемъ описанія и перечисленія. По Минской губерніи въ этомъ отношеніи уже сдѣлано доброе начало по иниціативѣ Губернскаго Статистическаго Комитета. Въ 1876 г. тогдашнимъ губернаторомъ Чернышевымъ былъ розосланъ по волостямъ циркуляръ, предписывавшій доставить въ Комитетъ подробныя свѣдѣнія о находящихся въ губерніи курганахъ, городищахъ и другихъ памятникахъ этого рода съ описаніемъ ихъ по особой программѣ. Результатомъ этого распоряженія явились довольно значительные матеріалы, которые окажутъ изслѣдователю незамѣнимую помощь. Однимъ изъ членовъ Комитета, г. Генр. Христ. Татуромъ, сдѣлана также попытка распредѣленія собранныхъ свѣдѣній на картѣ, которая хранится въ Комитетѣ. Будемъ надѣяться, что начатое дѣло найдетъ продолжателей.

Въ ближайшей и непосредственной связи съ раскопками, имѣющими цѣлью разысканіе останковъ представителей прежнихъ поколѣній бѣлорусской народности, должны быть поставлены изслѣдованія надъ живыми субъектами, какъ представителями современнаго типа, нынѣшняго поколѣнія. Я разумѣю изслѣдованія,

производимыя путемъ точныхъ измѣреній всего корпуса, головы, конечностей.

Антропометрія и краніометрія—наука новая, молодая не только у насъ въ Россіи, но и заграницею. Появленіе ея можно отчасти приравнять къ появленію статистики, какъ науки. Было время, когда разные финансовые, экономическіе и многіе другіе вопросы рѣшались на основаніи общихъ данныхъ, поверхностныхъ наблюденій, неправильныхъ обобщеній отдѣльныхъ случаевъ и т. д. Съ развитіемъ болѣе строгихъ и серьезныхъ пріемовъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и науки потребовалась провѣрка общепринятыхъ выводовъ при помощи точныхъ цифровыхъ данныхъ и таблицъ, воплощающихъ въ себѣ группировку фактовъ изъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, явилась настоятельная необходимость въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Точно также антропологи нѣкогда довольствовались общими разсужденіями о расахъ, о типахъ, о народностяхъ, основывая эти разсужденія на поверхностныхъ наблюденіяхъ, довѣряясь, такъ сказать, глазу. Но когда это оказалось недостаточнымъ для серьезнаго обоснованія научныхъ выводовъ, касающихся человѣчества вообще и разныхъ племенъ въ отдѣльности, на помощь наукѣ явились цифры, таблицы съ ихъ итогами, пропорціональными и процентными отношеніями и т. д.; явилась, однимъ словомъ, своего рода статистика, безъ которой въ настоящее время немыслима и сама наука о человѣкѣ.

Эти цифровыя данныя, необходимыя для антропологическихъ выводовъ, добываются постепенно путемъ измѣреній. У насъ починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Императорскимъ Обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ, и благодаря такимъ даровитымъ и энергичнымъ дѣятелямъ, какъ нынѣшній президентъ этого Общества, профессоръ Анатолій Петровичъ Богдановъ и

нѣкоторые другіе, это дѣло поставлено на должную высоту, и заслуги русскихъ антропологовъ признаны и оцѣнены по достоинству и заграничными учеными. Прежде всего, конечно, Обществомъ обращено было вниманіе на главное племя — великорусское, и антропометрическимъ изслѣдованіямъ подвергались жители центральныхъ губерній; а такъ какъ, по установившемуся общему мнѣнію, на типъ великоруссовъ оказали не малое вліяніе разные инородцы, какъ то: татары, финны, монголы и др., то для, уясненія степени этого вліянія, подвергнуты изслѣдованію и инородцы, населяющіе Россію *). Затѣмъ, наступила очередь малоруссовъ и, наконецъ, бѣлоруссовъ, которыхъ и мнѣ пришлось измѣрять въ эту поѣздку.

Измѣренія эти для начала производились мною, такъ сказать, между прочимъ, и кромѣ того, имѣя въ виду непродолжительность срока и другія занятія, пришлось ограничиться лишь измѣреніями головъ бѣлоруссовъ разныхъ половъ и возрастовъ; при этомъ также отмѣчался цвѣтъ волосъ и глазъ и другіе наружные признаки, наконецъ мѣсто рожденія, лѣта, происхожденіе, родъ занятій, мѣсто и время наблюденія. Эти краніометрическія и другія данныя собраны мною въ разныхъ волостяхъ четырехъ уѣздовъ Минской губерніи: Минскаго, Игуменскаго, Слуцкаго и Бобруйскаго, причемъ, конечно, попадалось также немало уроженцевъ и другихъ уѣздовъ и волостей. Въ теченіе іюня мѣсяца, при постоянныхъ переѣздахъ, мнѣ удалось измѣрить такимъ образомъ 160 человѣкъ, въ числѣ которыхъ попалось также 8 евреевъ, 5 поляковъ, 1 великоруссъ, 1 татаринъ и 1 цыганъ, остальные же 134 мѣстные бѣлоруссы, которые главнымъ образомъ и имѣлись въ виду при поѣздкѣ. Цифра эта, конечно, слишкомъ недоста-

---

*) Въ этомъ отношеніи не мала заслуга и другихъ ученыхъ обществъ, напр. Казанскаго Общ. Естествоиспытателей.

точна для общихъ выводовъ; эти данныя имѣютъ значеніе только въ совокупности съ другими, какъ имѣющими еще быть собранными въ будущемъ, такъ и уже отчасти собранными въ томъ же году К. Н. Иковымъ, посѣтившимъ почти одновременно со мною нѣкоторыя части Бѣлоруссіи исключительно съ этою цѣлью. Покамѣстъ я могу только слегка коснуться вопроса о бѣлорусскомъ типѣ, основываясь на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ и надѣясь въ будущемъ при случаѣ пополнить эти свѣдѣнія новыми данными.

Человѣческое племя, какъ извѣстно, раздѣляется на нѣсколько расъ, при чемъ въ основаніе этой классификаціи кладутся чисто внѣшніе признаки, каковы: цвѣтъ кожи, цвѣтъ волосъ и ихъ характеръ, форма и цвѣтъ глазъ, форма черепа и еще нѣкоторые признаки. О цвѣтѣ кожи бѣлоруссовъ говорить нечего, такъ какъ въ этомъ отношеніи бѣлоруссъ не отличается отъ великоруса или малоруса. Въ цвѣтѣ волосъ уже можетъ быть больше различія, такъ какъ извѣстно, что народы живущіе въ сѣверныхъ странахъ отличаются болѣе свѣтлыми волосами, чѣмъ живущіе на югѣ, хотя бы и тѣ и другіе принадлежали къ одному и тому же племени. У бѣлоруссовъ преобладаютъ русые волосы, при чемъ свѣтлорусыхъ больше, чѣмъ темно-русыхъ, приближающихся къ чернымъ, такъ что вообще у нихъ замѣтна сильная склонность къ свѣтловолосости, и между тѣмъ, какъ настоящіе брюнеты почти не встрѣчаются среди чистыхъ бѣлоруссовъ, блондиновъ довольно много. Это преобладаніе свѣтлаго элемента въ цвѣтѣ волосъ, а также глазъ и даже одежды бѣлоруссовъ служитъ, по мнѣнію ученыхъ, нѣкоторымъ объясненіемъ самаго названія „бѣлоруссъ“ въ противоположность, напримѣръ, черноруссамъ, у которыхъ замѣчается большая склонность къ темному цвѣту. Рыжеволосыхъ бѣлоруссовъ почти не встрѣчается, хотя на первый взглядъ казалось бы, что рыжій цвѣтъ близокъ къ бѣлому и дол-

женъ бы во всякомъ случаѣ считаться свѣтлымъ. Но дѣло въ томъ, что рыжеволосость имѣетъ свое особое значеніе: рыжіе волосы, особенно вмѣстѣ съ темными глазами, по изслѣдованіямъ ученыхъ, указываютъ на примѣсь финской крови, которую въ бѣлоруссахъ врядъ-ли можно допустить. Что-же касается характера волосъ, то они у бѣлоруссовъ почти всегда прямые, невьющіеся, иногда слегка волнистые и довольно мягкіе.

Глаза у бѣлоруссовъ, какъ я уже замѣтилъ, точно также преобладаютъ свѣтлые: голубые, сѣрые и голубоватые. Но очень много и сложныхъ глазъ, являющихся слѣдствіемъ смѣшеній, скрещиваній болѣе чистыхъ представителей типа; таковы глаза съ сѣрымъ или голубымъ полемъ, по которому идутъ желтые или каріе штрихи или пятнышки, что издали нерѣдко придаетъ глазамъ зеленоватый цвѣтъ; но настоящіе зеленые глаза почти не встрѣчаются у бѣлоруссовъ. Карихъ глазъ довольно много, настоящихъ-же черныхъ почти не бываетъ, а если и бываютъ то очень рѣдко. По своей формѣ глаза у бѣлоруссовъ чаще бываютъ узкіе и какъ бы вдавленные, рѣже круглые, широкіе и открытые. Г. Сементовскій указывалъ даже именно въ этомъ рѣзкое отличіе бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ *). Надо еще прибавить, что у бѣлоруссовъ нерѣдко замѣчается прорѣзъ глазъ не горизонтальный, а приподнятый наружными углами нѣсколько кверху. Узкіе глаза вмѣстѣ съ приподнятыми наружными углами ученые привыкли считать характеристичными чертами монгольскаго типа; но ничѣмъ не доказано, чтобы эти черты не могли появиться и независимо отъ расовыхъ смѣшеній, такъ что на основаніи этихъ чертъ еще рисковано было бы утверждать въ бѣлоруссахъ присутствіе монголизма, примѣсь монгольской крови.

---

*) Сборникъ въ память 1-го статист. съѣзда въ 1870 г., т. I (статья; „Этногр. обзоръ Витеб. губ.“).

Несомнѣнно, что часть типическихъ чертъ нынѣшнихъ бѣлоруссовъ нужно отнести на долю того народа, который нѣкогда обиталъ въ мѣстахъ, заселенныхъ впослѣдствіи бѣлоруссами, и слился мало-помалу съ послѣдними; но какой это именно былъ народъ и вообще съ какими народцами приходилось еще въ доисторическое время сталкиваться и смѣшиваться той славянской отрасли, изъ которой произошелъ бѣлорусскій народъ, этого опредѣленно сказать нельзя, и потому единичныя черты монголизма такъ и остаются пока единичными, мало говорящими. Можно, впрочемъ и еще кое-что къ этому прибавить. Такъ, напримѣръ, скуластость также считается признакомъ монголизма, а у бѣлоруссовъ очень часто попадаются выдающіяся скулы, пожалуй чаще, чѣмъ у великоруссовъ; при этомъ скулы нерѣдко выдаются именно въ бока, такъ что характеристической чертою бѣлорусскаго лица является значительная ширина его у скулъ, т. е. посрединѣ, съ замѣтнымъ суженіемъ книзу. Но тутъ можетъ явиться вопросъ, не есть ли эта скуластость слѣдствіе вліянія польскаго типа, въ которомъ эта черта также замѣчается, хотя тамъ она не такъ ярко выступаетъ при сравнительно болѣе короткомъ лицѣ поляка. Далѣе, въ характерѣ лица не маловажную роль играетъ переносица, т. е. вѣрнѣе разстояніе между глазами, или такъ называемое межглазничное пространство. Чѣмъ шире пространство между глазами, чѣмъ дальше глаза удалены одинъ отъ другого, тѣмъ болѣе это придаетъ лицу какое-то татарское выраженіе. Несоразмѣрная же ширина межглазничнаго пространства особенно тогда бросается намъ въ глаза, когда она очень приближается къ ширинѣ носа въ его нижней части, или даже превосходитъ ее. При сравненіи ширины носа съ шириною межглазничнаго пространства у изслѣдованныхъ мною бѣлоруссовъ оказалось, что не рѣдки случаи, когда эти величины равны между собою, а еще

чаще вторая больше первой, хотя въ большинствѣ случаевъ все-таки ширина носа больше, чѣмъ разстояніе между глазами. Интересно, что у дѣтей въ этомъ отношеніи замѣчается меньшее колебаніе, чѣмъ у взрослыхъ.

По формѣ черепа, среди бѣлоруссовъ въ числѣ моихъ наблюденій оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, громадное большинство короткоголовыхъ какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, но значительный процентъ приходится также и на долю длинноголовыхъ и еще болѣе среднеголовыхъ. Между дѣтьми, которыхъ впрочемъ измѣрено мною немного, длинноголовыхъ я вовсе не встрѣчалъ. Такимъ образомъ, бѣлоруссы, при громадной склонности къ короткоголовости, все-таки представляютъ довольно большое разнообразіе относительно формы головы. Замѣтимъ кстати, что такое же разнообразіе въ этомъ отношеніи замѣчено и среди малоруссовъ, напримѣръ, въ Кобелякскомъ уѣз. Полтавск. губ. *).

Чтобы не утруждать читателя сухими выкладками, я не буду останавливаться на другихъ измѣреніяхъ, касающихся лица, лба, носа и пр., такъ какъ эти данныя для неспеціалиста представляютъ меньше интереса. Взамѣнъ этого скажу нѣсколько словъ о тѣхъ затрудненіяхъ, на которыя придется наталкиваться всякому, кто будетъ имѣть дѣло съ бѣлоруссами. Во-первыхъ, иногда немалую трудность представляетъ опредѣлить, дѣйствительно-ли изслѣдуемый субъектъ есть бѣлоруссъ, тѣмъ болѣе, что названіе „бѣлоруссъ" — книжное, сочиненное, а сами бѣлоруссы никогда не называютъ себя бѣлоруссами. Въ народѣ существуетъ только подраздѣленіе на русскихъ и поляковъ; но не слѣдуетъ думать, что это различие дѣйствительно основано на національности: это—дѣленіе по вѣроисповѣданію. На-

*) В. Эмме, Антропологія и Медицина Полтава, 1882.

родъ отожествляетъ вѣроисповѣданіе съ происхожденіемъ, и всякій бѣлоруссъ, числящійся католикомъ, считается уже, благодаря этому, полякомъ, и на оборотъ, исповѣдующій православіе считается уже русскимъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ.

Правда, иногда и изслѣдователи склонны къ такому неправильному отожествленію. Такъ, напримѣръ, Р. Ф. Эркертъ, издавшій „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“ (сначала на франц. яз. 1863 г., а потомъ на русскомъ. Спб. 1864 г.), замѣчаетъ: „Ничто въ западныхъ губерніяхъ Россіи не опредѣляетъ черты, отдѣляющей русскую народность отъ польской такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій.“ Но, зная исторію тамошняго края, конечно, смѣшно было бы признавать всякаго православнаго бѣлоруссомъ, хотя бы онъ былъ и коренной мѣстный житель, а всякаго католика считать полякомъ. Поэтому при вопросѣ о національности нерѣдко приходится выспрашивать всю родословную лица, чтобы составить себѣ хоть приблизительно вѣрное понятіе о томъ, кто такое оно по народности, и всетаки не всегда можно быть увѣреннымъ въ безошибочности, особенно, когда имѣешь дѣло съ городскимъ населеніемъ. Языкъ, какимъ говорятъ дома, въ семьѣ, можетъ иногда помочь въ этомъ вопросѣ, хотя и этому указанію не всегда слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе, такъ какъ съ одной стороны, напримѣръ бѣлоруссы-мѣщане большею частью говорятъ по-польски, съ другой стороны, мелкая польская шляхта, живущая среди крестьянъ-бѣлоруссовъ, говоритъ очень часто побѣлорусски.

Другое затрудненіе происходитъ оттого, что на мѣстномъ языкѣ, а тѣмъ болѣе на польскомъ, нерѣдко смѣшиваются въ названіи Бѣлоруссія и Литва, бѣлорусскій языкъ и литовскій, т. е. по старинной памяти о тѣхъ временахъ, когда Бѣлоруссія и Литва составляли

одно цѣлое, все бѣлорусское называется литовскимъ. Спросите вы, напримѣръ, какую нибудь мѣщанку, кто она такая? — Polka, отвѣтитъ она вамъ. — Откуда родомъ?—Z Litwy.—Какъ говорятъ дома?—Po litewsku. Между тѣмъ, по наведеніи болѣе точныхъ справокъ оказывается, что ни сама она, ни ея родные ни слова не понимаютъ по-литовски, а исключительно говорятъ по-бѣлорусски. Такъ и за Бугомъ, напр. въ Сѣдлецкой губ., бѣлорусса иначе не назовутъ, какъ литвиномъ. Слишкомъ довѣрчиваго изслѣдователя подобные случаи очень легко могутъ вводить въ обманъ.

Точное опредѣленіе возраста также иногда затруднительно, какъ это бываетъ вообще, когда имѣешь дѣло съ простымъ народомъ. Приходится опредѣлять приблизительно, или же, по крайней мѣрѣ, въ очень сомнительныхъ случаяхъ, справляться съ метрическими записями, паспортами, что не всегда удобно, а иногда и невозможно. Между тѣмъ въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ антропологическія, лѣта имѣютъ первостепенную важность, такъ какъ организмъ въ разныхъ фазисахъ своего развитія можетъ представлять тѣ или другія особенности.

Но всего болѣе затрудненій встрѣчаетъ изслѣдователь вслѣдствіе недовѣрчиваго отношенія народа къ нему. На всѣхъ такихъ господъ, посѣщающихъ деревни съ научною цѣлью или по дѣлу службы, деревенскій людъ смотритъ съ большимъ подозрѣніемъ, и, сколько бы вы ни объясняли настоящую цѣль вашего пріѣзда, народъ всегда подозрѣваетъ другое. Въ данномъ случаѣ и объяснять-то было не особенно легко. Какъ растолковать въ самомъ дѣлѣ крестьянину цѣль и значеніе этнографическихъ, а тѣмъ болѣе антропометрическихъ изслѣдованій? Приходилось измышлять сколько-нибудь понятныя и подходящія объясненія въ родѣ того, напримѣръ, что измѣренія нужны для докторовъ, чтобы они могли успѣшнѣе лѣчить людей, когда изучатъ

побольше разнородныхъ формъ человѣческаго тѣла. Такъ какъ это былъ первый опытъ измѣреній среди бѣлоруссовъ, то самая новизна дѣла какъ-то запугивала ихъ и заставляла ихъ ожидать для себя какихъ-нибудь дурныхъ послѣдствій, какъ напримѣръ, новыхъ налоговъ, выселеній и т. п. Такъ, въ одной волости распространилась легенда, что Царь хочетъ заселить какую-то дикую страну, а для того, чтобы народъ тамъ былъ однокалиберный, выберутъ всѣхъ, у кого мѣрки сходятся, и поселятъ въ одномъ мѣстѣ, притомъ свѣтловолосыхъ особо, а темноволосыхъ особо, или же голубоглазыхъ отдѣльно отъ черноглазыхъ и т. д. Я пересталъ записывать имена и фамиліи измѣряемыхъ, говоря, что если бы и захотѣли кого-нибудь выселить, то не найдутъ; на это мнѣ замѣтили, что по мѣркѣ всегда разыщутъ кого надо и безъ фамиліи. Проѣзжая черезъ г. Слуцкъ, я обратился къ г. смотрителю мѣстнаго тюремнаго замка съ просьбою позволить мнѣ производить измѣренія надъ арестантами. Это была очень счастливая мысль, потому что въ тюрьмѣ оказалось, конечно, не мало бѣлоруссовъ и притомъ изъ разныхъ мѣстностей губерніи, такъ что, сидя на одномъ мѣстѣ, можно было брать для себя матеріалъ отовсюду, чѣмъ я и воспользовался, благодаря любезности смотрителя. И вотъ тутъ-то особенно ясно сказалось, какое значеніе придавалъ народъ моему пріѣзду. Каждый арестантъ, котораго я измѣрялъ, былъ увѣренъ, чтосъ этимъ связана какая-то перемѣна въ его судьбѣ. Каждый считалъ своею обязанностью разсказать мнѣ исторію своей жизни, хотя его объ этомъ и не спрашивали, объяснить, за что онъ арестованъ, и выставить себя совершенно невиновнымъ. Всѣ эти бытовыя картинки чрезвычайно интересны, но мнѣ, къ сожалѣнію, некогда было все это выслушивать съ должнымъ вниманіемъ. Охотнѣе всего измѣрялись тѣ, которые присуждены къ ссылкѣ, каторгѣ и т. п.: все равно, дескать, хуже не будетъ.

Иной мужичекъ, оторванный отъ семьи, отъ хозяйства и тяготящійся болѣе другихъ бездѣльемъ, тоже становится подъ мѣрку, махнувъ рукой: „одно изъ двухъ, говоритъ, или выпустятъ, или повѣсятъ, — все же лучше, чѣмъ тутъ томиться". На другой день я узналъ, что иные со слезами на глазахъ просили смотрителя вычеркнуть ихъ изъ числа измѣренныхъ.

Существуетъ еще въ народѣ одно суевѣріе, которое также заставляетъ его бояться измѣреній: измѣренный человѣкъ, по мнѣнію бѣлорусса, или заболѣетъ или даже умретъ. Снятіе мѣрки съ человѣка сближается въ этомъ случаѣ со снятіемъ его портрета, а по исконному народному вѣрованію, все, что ни дѣлается надъ изображеніемъ человѣка или его тѣнью, все это испытываетъ онъ самъ, какъ будто это производилось надъ нимъ самимъ. Поэтому, напримѣръ, въ средніе вѣка существовалъ преоригинальный юридическій обычай подвергать наказанію не самого виновнаго (особенно, если это было знатное лицо), а только его тѣнь. На этомъ же основаны многія чары, заговоры, заклинанія, которыя производятся или надъ полнымъ изображеніемъ человѣка въ видѣ куклы, рисунка, тѣни, или же только надъ его частью, напр. надъ слѣдомъ, т. е. оттискомъ, изображеніемъ ноги на землѣ. Страхъ передъ чарами, колдовствомъ до сихъ поръ такъ великъ въ народѣ, что уже одно сниманіе мѣрки, хотя бы и съ самою невинною цѣлью, наводитъ суевѣрнаго человѣка на мысль о болѣзни и смерти.—Одинъ старикъотказался отъ измѣреній, и всѣ свои доводы онъ выразилъ въ одной лаконической фразѣ: „Якъ умру, тагды и безъ васъ помѣряюць". Смыслъ тотъ, что только мертвыхъ мѣряютъ, когда нужно сдѣлать гробъ, и слѣдовательно измѣряющійся заживо какъ бы заранѣе обрекается на смерть. Женщины не даютъ измѣрять дѣтей еще и потому, чтобоятся, чтобы не прекратился ихъ ростъ. Былъ со мною, впрочемъ, и такой слу-

чай, что баба сама просила измѣрить ея больного сына, не будетъ-ли онъ послѣ этого здоровѣе. Однимъ словомъ, приходится безпрестанно наталкиваться на самыя курьезныя неожиданности, которыя иногда даже не знаешь, какъ устранить. Опытъ показалъ, что лучше всего начинать изслѣдованія съ лицъ, имѣющихъ въ деревнѣ особое значеніе, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, напр. старшинъ, священниковъ, писарей, урядниковъ. Содѣйствію этихъ лицъ я много обязанъ. Вниманіе, оказанное мнѣ во время поѣздки разными лицами и учрежденіями, конечно, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что у меня былъ открытый листъ отъ г. губернатора. Поэтому, прежде всего я приношу мою глубокую благодарность Его Сіятельству Князю Николаю Николаевичу Трубецкому за оказанную помощь; затѣмъ, считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе словомъ или дѣломъ.

II.

Этнографическія набдюденія: характеръ страны; костюмъ; языкъ; экономическій бытъ; народное образованіе; вѣрованія; „прощи", „присвятки"; отношенія къ раскольникамъ и къ евреямъ; пьянство.

Наблюдатель-этнографъ обыкновенно находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ антропологъ: уже одно то, что онъ можетъ собирать свой этнографическій матеріалъ, такъ сказать, издали, со стороны, не подвергая никакимъ особеннымъ манипуляціямъ изслѣдуемыхъ субъектовъ, очень облегчаетъ ему дѣло. За то у него есть свои трудности. Антропологъ, куда бы ни направился, вездѣ для него найдется живой матеріалъ; этнографъ же долженъ изыскивать для себя матеріалъ; ему нужно умѣніе и особенная наблюдательность въ подмѣчаніи фактовъ и явленій, которыя легко могутъ ускользнуть отъ его наблюденія; ему часто приходится подолгу выжидать удобный случай, чтобы быть свидѣтелемъ того или другого интереснаго явленія въ народной жизни; ему, однимъ словомъ, нужно время при его изслѣдованіяхъ, такъ какъ безъ этого не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было систематичности въ наблюденіяхъ,—что̀ и сказалось во время моей поѣздки.

Двойственность задачи, которую я имѣлъ въ виду, не мало мѣшала мнѣ въ болѣе или мѣнѣе успѣшномъ ея

выполненіи. Именно, для того чтобы собрать побольше антропологическихъ свѣдѣній, мнѣ хотѣлось захватить пошире районъ для наблюденій, такъ какъ въ антропологическомъ отношеніи одна отдѣльная мѣстность, казалось мнѣ, представляетъ менѣе интереса, чѣмъ отдѣльные уголки разныхъ мѣстностей, хотя бы взятые на удачу. Въ виду этого я не могъ засиживаться долго въ одномъ мѣстѣ, но долженъ былъ дѣлать частые переѣзды. Между тѣмъ, для этнографическихъ наблюденій этотъ способъ менѣе всего удобный. Чтобы присмотрѣться къ нравамъ, обычаямъ и быту народа, необходимо подольше пожить въ одной мѣстности, потомъ въ другой и т. д., потому что, только сжившись до извѣстной степени съ той или другой мѣстностью, можно вѣрно подмѣтить ея этнографическія особенности; при частыхъ же переѣздахъ наблюдатель принужденъ ограничиться одними отрывочными случайными свѣдѣніями, краткими замѣчаніями, по которымъ очень трудно составить сколько-нибудь полную и интересную картину народной жизни съ ея отличительными особенностями.

Это общее правило приложимо ко всѣмъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, въ какихъ бы странахъ они ни производились; но для Бѣлоруссіи оно въ особенности важно, такъ какъ эта страна чрезвычайно разнохарактерна. Разнохарактерность же эта, быть можетъ, всего рѣзче выступаетъ именно въ Минской губерніи. Уже по своей обширности эта губернія не можетъ отличаться однообразіемъ: если же мы обратимъ вниманіе на ея физическое устройство и природу, то еще болѣе убѣдимся въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ сѣверная и сѣверо-восточная ея часть занята лѣсами, среди которыхъ не мало находится болотъ; къ серединѣ лѣса рѣдѣютъ, почва становится суше, возвышеннѣе; къ югу опять больше лѣсовъ, а ужъ болота тутъ непроходимыя. Здѣсь то, въ котловинѣ Припети, обитаетъ та-

инственный-полѣшукъ, не признающій себя даже за человѣка. Существуетъ такой анекдотъ: когда полѣшука спросили, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „а какой я человѣкъ? я полѣшукъ!“ Каждая изъ этихъ трехъ полосъ имѣетъ свои отличительныя черты, во многомъ обусловливаемыя именно природою: „въ лѣсу“ вы увидите иное, чѣмъ „наполѣ“ или „на болотѣ“. Привыкшій жить въ лѣсу, положимъ, игуменецъ или борисовецъ, выскажетъ вамъ даже съ убѣжденіемъ такой парадоксъ, что только въ лѣсу и можно жить безопасно, потому что тамъ никого нѣтъ, кромѣ звѣря, а звѣрь не подожжетъ, не ограбитъ; отъ звѣря можно защититься оружіемъ, а отъ злого человѣка—ничѣмъ. Напротивъ, живущій „на полѣ“ случанинъ или новогрудецъ какъ будто боится лѣса и весь привязанъ къ землѣ. Пинчукъ, въ свою очередь, не можетъ представить себѣ, какъ можно жить безъ воды и болота, гдѣ такое раздолье въ отношеніи рыбы и дичи: многія озера не замерзаютъ, и дичь живетъ на нихъ круглый годъ.

Кромѣ различія въ характерѣ, даже и относительно внѣшности существуютъ коренныя отличія у бѣлоруссовъ разныхъ мѣстностей. На сѣверѣ и с.-востокѣ Минской губерніи вы видите, напримѣръ, характерную для бѣлорусса бѣлую одежду, свиты изъ бѣлаго сукна, шапки зимой изъ бѣлаго барашка, и если вы спросите, почему тамъ держатъ почти исключительно бѣлыхъ овецъ, вамъ прямо скажутъ, что черныя здѣсь не ведутся. Удаляетесь вы къ югу и замѣчаете, что этотъ бѣлый цвѣтъ постепенно темнѣетъ, переходитъ въ сѣрый и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, замѣняясь чернымъ и красноватымъ. Такъ и видите постепенный переходъ отъ Бѣлой Руси къ Черной и Красной или Червоной. Само собою разумѣется, что точно также мѣняется по мѣстностямъ и покрой платья, и форма головныхъ уборовъ, какъ мужскихъ, такъ и жен-

скихъ, и пр., но объ этомъ говорить подробнѣе мы здѣсь не станемъ.

Что касается языка, то въ этомъ отношенiи также нѣтъ какого-нибудь единства даже и въ той небольшой области, которую я ближе наблюдалъ. Такъ, напримѣръ „дзѐканье", т. е. произношенiе мягкихъ *д* и *т*, какъ и *ць*, повидимому, слабѣетъ по мѣрѣ приближенiя къ Могилевской губ., гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ эти звуки, какъ мнѣ извѣстно, выговариваются уже, какъ въ великорусскомъ. Особенность, которую мнѣ впервые случилось здѣсь подмѣтить и которой я не зналъ по записямъ другихъ собирателей, касается произношенiя ударяемаго *ѣ*, *о*, *ё*, какъ *іе*, *уо*, *юо*, съ ударенiемъ на первый изъ каждыхъ этихъ двухъ гласныхъ, напр. *сіено* (сѣно), *ву̀олъ* (волъ), *мюодъ* (медъ). Эта черта для меня, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно важна, потому что она связываетъ минскiй говоръ съ однимъ малорусскимъ говоромъ въ Польшѣ, который я имѣлъ случай характеризовать при изданiи пѣсенъ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго уѣзда *). Такое произношенiе въ Минской губ. я слышалъ въ уѣздахъ: Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ; но опять-таки я долженъ замѣтить, что къ сѣверу, къ востоку и отчасти къ ю.-востоку эта особенность постепенно исчезаетъ, и даже очень легко подмѣтить, какимъ образомъ происходитъ этотъ переходъ. Именно, въ сѣверной части Игуменскаго уѣзда и въ восточной и ю.-восточной Бобруйскаго ударенiе въ названныхъ дифтонгахъ, или двугласныхъ, ставится уже не на первой, а на второй части: *сіено, вуол, мюод*, и такимъ образомъ дается перевѣсъ первоначальной, основной гласной, между тѣмъ, какъ первая часть дифтонга остается только въ видѣ слаба-

---

*) Въ „Извѣстiяхъ Имп. Общ. Любит. Естествознанiя Антр. и Этногр." т. 48 и отдѣльный оттискъ: „Малорусская свадьба въ Константиновск. уѣзд. Сѣдлецкой губ." Москва, 1886 г.

го призвука; еще далѣе — и этотъ призвукъ совсѣмъ исчезаетъ, такъ что, напримѣръ, въ Борисовскомъ и Рѣчицкомъ уѣздахъ, а также на восточной окраинѣ Бобруйскаго уѣзда слышится уже прямо *ѣ* (*е*), *о*, *ё*. Что касается „àканья", т. е. произношенія неударяемаго *о* какъ *а*, то въ этомъ отношеніи трудно установить какія нибудь обобщенія. Какъ-то очень неаккуратно произносятъ бѣлоруссы этотъ звукъ *о*, когда на немъ нѣтъ ударенія. Достаточно того, что одинъ и тотъ-же субъектъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же или аналогичномъ случаѣ произноситъ то *о*, то *а*; большею же частью слышится нѣчто среднее между *о* и *а*. Но во всякомъ случаѣ *а* вмѣсто *о* рѣзче выступаетъ по сосѣдству съ настоящей Бѣлоруссіею. Еще на одну характерную особенность я обратилъ вниманіе, именно на употребленіе твердаго *л* вмѣсто *ль* въ Игуменскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ; тамъ говорятъ, напримѣръ: ***силно***, ***болно***, ***палцы*** и т. п., хотя, впрочемъ такое произношеніе не составляетъ общаго правила даже и для этихъ мѣстностей. Въ этой особенности какъ будто замѣтно стремленіе къ нѣкоторому уравновѣшиванію звуковъ: твердое *л* во многихъ случаяхъ въ устахъ бѣлорусса перешло въ полугласное *ў* или даже въ *в* (*воўкъ пашоў*— волкъ, пошелъ и т. п.), и чтобы пополнить образовавшійся пробѣлъ, бѣлоруссъ дѣлаетъ твердое *л* изъ *ль*, хотя опять-таки только въ извѣстныхъ случаяхъ, чтобы это было не въ ущербъ мягкому *л*, которое все-таки употребительно у бѣлоруссовъ. Въ какихъ случаяхъ эта замѣна возможна, этого я здѣсь касаться не стану, потому что это сцеціально-филологическій вопросъ. Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губерніи, въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый

типъ языка съ большой примѣсью польскаго и малорусскаго. Въ рѣчицкихъ говорахъ я знаю одну интересную особенность, которая на первыхъ порахъ можетъ показаться странною; это именно употребленіе *у* вмѣсто *ы*, на пр. *му, сунь, букъ, буйстрый*—мы, сынъ, быкъ, быстрый и т. п. Это можно объяснить филологически родствомъ этихъ звуковъ (*у* и *ы*), такъ какъ, напримѣръ, наше слово *сынъ*=санскритск. sûnus и проч. Но какъ понять самое это родство? Конечно, причина его чисто физіологическая и прослѣдить ее весьма легко на иностранцахъ. Заставьте, напримѣръ, француза сказать *быкъ*: онъ или скажетъ *бикъ*, или, понатужившись, произнесетъ *буйкъ*, т. е чтобы произнести трудный для него звукъ *ы*, онъ прибѣгаетъ къ хитрости, именно, начинаетъ какъ будто произносить *у* вмѣсто *ы*, а затѣмъ быстро сворачиваетъ на *и*; это мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать надъ иностранцами. Можетъ быть въ вышеприведенномъ словѣ *буйстрый* такъ и объясняетсядвугласная *уй*, хотя вставка *й* въ этомъ случаѣ можетъ быть объяснена и трудною для произношенія группою согласныхъ *стр.*, какъ это бываетъ и въ другихъ случаяхъ, напр. *войстрый*—вострый (Могилевской губ.). Но вмѣсто того, чтобы утомлять читателя теоретическими объясненіями, я лучше сошлюсь на подлинные образцы языка бѣлоруссовъ Минской губ., именно на пѣсни, записанныя мною въ эту поѣздку и приложенныя въ концѣ этой статьи.

Понятное дѣло, что пѣсни не всегда могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для изученія языка, потому что съ одной стороны онѣ удерживаютъ многія традиціонныя формы, слова и выраженія, не употребляемыя въ настоящее время, но твердо сохраняющіяся въ пѣсняхъ, по пословицѣ: „изъ пѣсни слова не выкинешь“; съ другой стороны, пѣсни не передаютъ всѣхъ особенностей и тонкостей обыденной рѣчи. Самую вѣрную характеристику живого народнаго языка можно

составить только на основанiи разговорной рѣчи, и въ этомъ случаѣ могутъ быть болѣе полезны другiе памятники народнаго творчества, какъ напр. сказки, преданiя, легенды, и т. п., записываемыя прямо со словъ народа, въ которыхъ разсказчикъ не стѣсненъ традицiонными формами и болѣе придерживается языка разговорнаго. Говоря о языкѣ бѣлоруссовъ, необходимо еще отличать языкъ чисто народный отъ языка тѣхъ бѣлоруссовъ, которые, хотя и очень близко стоятъ къ народу и большею частью сами вышли изъ народа, однако уже, такъ сказать, нѣсколько вкусили плодовъ, хотя и мнимой, цивилизацiи. Во всѣ времена и у каждаго народа языкъ людей полуобразованныхъ составлялъ и составляетъ нѣчто среднее между языкомъ литературнымъ и чисто-народнымъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отожествляемъ съ послѣднимъ. Когда мы теперь читаемъ, напримѣръ, старинные акты или грамоты, писанныя, по общепринятому выраженiю, на бѣлорусскомъ языкѣ, то мы не должны думать, что и весь бѣлорусскiй народъ того времени говорилъ именно такимъ языкомъ. Это было бы ошибочно по отношенiю къ далекому прошлому, какъ и по отношенiю къ настоящему. Кто бывалъ въ Бѣлоруссiи, тотъ вѣроятно имѣлъ случай прислушаться, какимъ языкомъ говорятъ писаря, старшины, помѣщичьи управляющiе, экономы и т. п. *)

---

*) Для характеристики этого особаго типа бѣлорусскаго языка я приведу одинъ интереснѣйшiй документъ, который кстати, можетъ быть, нѣсколько развеселитъ того, кто имѣетъ терпѣнiе читать мою сухую статью. Это, именно, письмо влюбленнаго помощника волостного писаря къ своей возлюбленной, дочери фельдшера. Такъ какъ это письмо досталось мнѣ черезъ третьи руки, то я не стану упоминать фамилiй; въ остальномъ же точно послѣдую оригиналу, который относится къ 1876 г. и хранится у меня. „Милая Юлька! Скучно! скучно! не только на сердцу, но и всюдую. Поглядите на надворье, наветъ и тое скучае по васъ, солнце зайшло за горку, помнице за тую, что кала церкви и пойшовъ такiй великiй снѣгъ

Конечно, это языкъ не народный и не литературный а нѣчто среднее; но въ то же время это языкъ разговорный, употребляемый извѣстнымъ классомъ людей въ обыденной рѣчи.

Итакъ, съ какой бы мы стороны ни взглянули на Бѣлоруссію, намъ представится картина пестроты и разнообразія. И только одна черта въ этой картинѣ повторяется повсемѣстно, это – бѣдность населенія, доходящая до нищеты, и невѣжество. Очень невзрачно смотрятъ бѣлорусскія хижины. Почти всѣ онѣ очень маленькія, въ видѣ квадрата, съ маленькими окошечками; большая часть изъ нихъ и до сихъ поръ не имѣетъ трубъ; сложены онѣ кое-какъ, дрань навалена на крышу часто въ безпорядкѣ и даже не приколочена гвоздями. И страннымъ кажется, что тамъ, гдѣ больше лѣсу, тамъ избы гораздо хуже чѣмъ тамъ, гдѣ его меньше или совсѣмъ нѣтъ. Но это понятно. Во-первыхъ, гдѣ мало лѣсу, тамъ крестьянинъ привыкъ дорожить

што не можно изъ хаты вылесци. Нетое было у Заболоцьи, коли вы были у насъ, Слонце всегда такъ весело играло на небѣ, а я на гармонику, а якъ пойшли вы скакаць польку, такъ было радостно глядѣть якъ вевіорочка (*бѣлочка*) скикъ скикъ, помнице тогды якъ приѣхали отъ N и коли говорили што выпили три бутельки вина и тогды на другій дзень написали на цыгарной попѣрцѣ што любице менѣ, яжъ тую попѣрку сховавъ сабѣ напамяць у штаны въ кишеню, не думайце кабъ я вздумавъ кампузоваць (*конфузить*) васъ сохраны Богъ, я ее такъ счира люблю што ни коли не закуру еѣ. А якъ успомню вашъ взглядъ якій хорошенькій такъ и пронизвае менѣ, стрѣлки вашихъ миленькихъ очекъ (и) упились въ мои грудзи. Богъ свидзѣцель якъ яны мнѣ боляць и скажу вамъ!.. коли не буду васъ довга бачиць такъ умру. Горизетъ (*горизонтъ*) нашъ цеперь пахмурный што васъ нима, а може не знаеце што такое гаризетъ, ета Мардафара (*метафора*) ?.. такъ выражаютца только разумные людзи и я думаю што колись буду разумный человѣкъ.

Съ исциннымъ почитаніемъ вашего добродушія остаюсь поклонникъ вашего благоутробія и целуя ваши малиновые уста Искрѣнейшій другъ и доброжелатель NN.

Хоть ето письмо написавъ не даштыху (*нескладно*), Алешъ смѣшна. N. (postscriptum самого же автора)".

каждой щепкой, и уже при постройкѣ дома онъ, конечно, употребитъ все старанiе, чтобы домъ вышелъ прочнѣе; притомъ, у него и средствъ къ этому больше, потому что „на полѣ" живется крестьянину лучше, такъ какъ земли больше и она лучше. Въ лѣсистыхъ же мѣстахъ лѣсъ не имѣетъ никакой цѣны; его жгутъ цѣлыми участками, лишь бы только раздѣлать лишнiй клочекъ земли подъ пашню. Собственный лѣсъ крестьяне большею частью уже давно извели такимъ образомъ, и теперь они снимаютъ въ аренду или покупаютъ участки лѣса вмѣстѣ съ землей у помѣщиковъ, которые иногда не прочь воспользоваться стѣснительнымъ положенiемъ крестьянъ при ихъ малоземельности. Если крестьянинъ пожелаетъ арендовать нѣсколько десятинъ готовой пашни, то съ него требуется вдвое большая плата, чѣмъ за такойже участокъ, поросшiй лѣсомъ. Понятное дѣло, что крестьянинъ возьметъ лѣсной участокъ: ему важнѣе всего, чтобы отдавать меньше денегъ, а сколько онъ положитъ труда на разчистку и распашку, этого онъ въ счетъ не ставитъ; бѣлоруссъ до сихъ поръ не привыкъ цѣнить свой личный трудъ на деньги. То-же самое бываетъ и при покупкѣ земли въ собственность. Заплативъ 40—60 руб. за десятину, поросшую лѣсомъ, крестьянинъ, только на второй или на третiй годъ получаетъ плоды своихъ трудовъ; а готовая пашня цѣнится опять вдвое дороже и доходитъ до 80 руб. за десятину и болѣе.

Бывшiя казенныя деревни смотрятъ болѣе приглядно: домики исправнѣе, выстроены въ линiю, а не разбросаны; на крышахъ виднѣются трубы, большею частью желѣзныя. Но жалобы на безземелье вездѣ повторяются. Семейные раздѣлы, раздробленiя надѣловъ на мелкiе участки между сыновьями по мѣрѣ ихъ наростанiя еще болѣе усиливаютъ это бѣдственное положенiе. Понятно поэтому, что малѣйшая хотя бы и ложная надежда на улучшенiе экономическаго быта можетъ про-

извести броженіе среди мѣстныхъ крестьянъ. Неудивительно, что, напр., въ Игуменскомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ явился какойто бродяга, выдававшій себя за тайнаго посла отъ Царя и приглашавшій всѣхъ желающихъ получить землю записываться у него съ извѣстной платой. Много народа онъ смутилъ: иные, какъ передаютъ, поспѣшили даже продать свое имущество въ надеждѣ скораго переселенія на Амуръ.

При такихъ условіяхъ жизни гдѣ уже тутъ думать бѣлоруссу объ образованіи, задаваться какими-нибудь отвлеченными вопросами. Умъ его до сихъ поръ продолжаетъ питаться обломками старинныхъ воззрѣній, остатками отъ древней системы вѣрованій. Школа пока только начинаетъ давать утѣшительные результаты. На духовенство то-же нельзя много разсчитывать. Трудность сообщеній не мало мѣшаетъ въ этомъ отношеніи. Иной крестьянинъ по мѣсяцамъ не можетъ посѣщать церковь, находящуюся за нѣсколько верстъ. Какъ же можно ожидать исправнаго посѣщенія школы маленькими дѣтьми? Болѣе дѣятельные священники многаго ожидаютъ отъ церковно-приходскихъ школъ, и онѣ дѣйствительно принесли бы здѣсь громадную пользу, еслибы ихъ программа не была такъ узка. Но и священниковъ такихъ, правду сказать, не много. Бѣлорусскій батюшка часто самъ раздѣляетъ съ народомъ всѣ его предразсудки или же, которыйпо смышленѣе, не прочь извлечь изъ нихъ кое-какую выгоду для себя. Положимъ, на полѣ крестьянина во ржи злой человѣкъ сдѣлалъ за̀витку или зало̀мъ. Чтобы избѣжать бѣдствія, которое ему грозитъ отъ этой козни, онъ немедленно приглашаетъ священника, который за извѣстную плату читаетъ извѣстную молитву противъ бѣсовскаго навожденія, торжественно вырываетъ за̀витку и предаетъ сожженію. Впрочемъ, священники не могутъ похвастать, что они одни властны въ этомъ. И до сихъ поръ часто крестьянинъ предпочитаетъ призвать знахаря, кото-

рый къ тому-же разгадаетъ, съ какою цѣлью сдѣлана была зȁвитка: на скотъ, на поле, или на самого хозяина, или его дѣтей, чего священникъ, конечно, не въ состояніи сказать; а иногда знахарь укажетъ даже виновника злого умысла, и тогда онъ беретъ зȁвитку и переноситъ тайкомъ на поле этого виновника со всею бѣдою, какая должна произойти отъ зȁвитки; конечно, это дѣлается съ тою мыслью. что другой тоже пригласитъ того-же знахаря и заплатитъ за развивку зȁвитки. Иногда приглашаютъ сначала знахаря, колдуна для разъясненія зȁвитки, а потомъ уже священника для ея уничтоженія, такъ что здѣсь вы видите уже маленькое превосходство христіанскаго элемента надъ языческимъ, хотя оба они, такъ сказать, уживаются еще рядомъ.

Такъ какъ я заговорилъ объ остаткахъ язычества, то прибавлю еще кое-что въ этомъ родѣ и, прежде всего, упомяну о такъ называемыхъ „прȍщахъ“.

Прȍща—собственно моленіе о прощеніи грѣховъ съ приношеніемъ пожертвованій въ какомъ нибудь святомъ или чудесномъ мѣстѣ. Но въ обыденной рѣчи прȍщею называется самое это мѣсто, прослывшее почему-нибудь въ народѣ, который въ опредѣленные дни стекается туда въ большомъ числѣ на богомолье. Итти на прȍщу, значитъ итти на богомолье. Такими прȍщами бываютъ ключи, источники, особенные камни, горки, наконецъ старинные кресты и т. п. Съ каждою изъ такихъ прощъ связано преданіе о какомъ-нибудь необыкновенномъ событіи или совершившемся здѣсь чудѣ, въ которое народъ вѣритъ безусловно. Эти прȍщи открываются и до сихъ поръ по поводу разныхъ случаевъ. Представьте себѣ, напримѣръ, деревенскую бабу, у которой тяжелое горе на душѣ; вотъ она, пася скотъ, заснула на пригоркѣ и видитъ во снѣ исполненіе всѣхъ ея мечтаній, видитъ, что горе ея прошло, и ей даже представляется, что сама Богородица явилась возвѣ-

стить ей эту радость. Какъ только сонъ сбудется, хотя бы черезъ годъ или черезъ два, баба спѣшитъ на пригорокъ съ приношеніями, кладетъ на мѣстѣ видѣнія деньги, свѣчи, воскъ, лёнъ, полотно, молится, наконецъ, оповѣщаетъ объ этомъ сосѣдокъ, мѣсто огораживается — и прѡща готова. Съ тѣхъ поръ ежегодно въ этотъ день, а также одинъ разъ въ мѣсяцъ и во всякіе богородичные дни, сюда стекается народъ, и каждый разъ все въ большемъ количествѣ; они молятся, приносятъ „офіеры" (офіера, польск. ofiara — приношеніе). Эти приношенія потомъ раздаются нищимъ или собираются въ ближайшій монастырь или церковь. Въ концѣ концовъ духовенство принимаетъ такую прѡщу подъ свое покровительство; тогда вмѣсто ограды или навѣса строится часовенька, мѣсто освящается, служатся въ извѣстные дни молебны, а мелкіе торговцы къ этимъ днямъ привозятъ туда разный товаръ: пряности, игрушки, посуду и пр., и открывается нѣчто въ родѣ ярмарки. Если мѣстный священникъ вздумаетъ останавливать это поклоненіе, то онъ самъ рискуетъ потерять уваженіе у прихожанъ, и если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, то ее тотчасъ объясняютъ наказаніемъ Божьимъ за его противодѣйствіе Божьей волѣ. Такой случай былъ, напр., въ д. Евличахъ, около Ивани, гдѣ священникъ скоропостижно умеръ, будто бы за то, что не хотѣлъ признать новой прѡщи на горкѣ, гдѣ дѣвушка видѣла сонъ на счетъ урожая и своей судьбы, который вскорѣ исполнился. Замѣчательно, что всего усерднѣе посѣщаются прѡщи въ каждое первое воскресеніе послѣ новолунія. Вообще, эти новолунныя воскресенія въ большомъ уваженіи у бѣлоруссовъ. Считается большимъ грѣхомъ не быть за обѣдней въ такое воскресеніе; иные старики даже считаютъ долгомъ въ этотъ день исповѣдываться и причаститься. Думаютъ объяснять почитаніе новолунныхъ воскресеній вліяніемъ католичества, которое совершало въ эти дни

крестные ходы, или же вліяніемъ іудейства; но эти объясненія несостоятельны: культъ луны былъ, конечно, извѣстенъ и древнимъ обитателямъ Бѣлоруссіи и онъ достаточно ясно выступаетъ въ другихъ обрядахъ и пѣсняхъ, напр. свадебныхъ, гдѣ этихъ вліяній нельзя подозрѣвать. Надо замѣтить еще, что отъ новолуній бѣлоруссы ожидаютъ атмосферическихъ перемѣнъ: хорошей погоды послѣ дождя, дождя послѣ засухи, и дѣйствительныя измѣненія погоды по четвертямъ мѣсяца еще болѣе поддерживаютъ уваженіе къ лунѣ. Когда бѣлоруссъ долго ожидаетъ перемѣны погоды, онъ возлагаетъ послѣднюю надежду на молодой мѣсяцъ: „увидзимъ, што маладзикъ покаже", говоритъ онъ въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ. Завидѣвъ впервые серпокъ молодика, онъ крестится и говоритъ вполголоса:

„Маладзичокъ маладый, рогъ залатый, великій князь, поздаравляй насъ; дай намъ способъ и раду до жиця, сабіе на прибытокъ а намъ на спасене", а затѣмъ читаетъ „Отче нашъ" и другія молитвы. Однимъ словомъ, культъ луны, проявляющійся въ прôщахъ и въ другихъ случаяхъ жизни бѣлорусса, это древнѣйшій культъ, который въ Бѣлоруссіи опять таки замѣчатель нымъ образомъ уживается съ христіанскими догматами.

Кстати, въ параллель къ только что приведенной молитвѣ я позволю себѣ привести здѣсь еще одну такую же апокрифическую молитву „на сонъ грядущи", хотя это и будетъ маленькимъ отступленіемъ. Одна старуха, которой теперь болѣе 90 лѣтъ, ложась спать и осѣняя крестнымъ знаменіемъ постель, себя и все кругомъ, говоритъ: „Лажуся спаць; Пречистая, придзи ка мніе начеваць зъ дванадцацью ангѐлами, съ тринадцатымъ апостоломъ. Ангѐлы майіе (мои), старóжи майіе, сцережиця душу маю до поўночи, Пречистая до свіета, апостолъ до конанія віека, пакўль будзе маѐ павѣдане. Самъ Гасподь знае, дзѣ маю душу падзіеци". Надо замѣтить, что старуха эта вывезена еще

въ молодости, при крѣпостномъ правѣ, изъ Румыніи и совсѣмъ обрусѣла, хотя свой языкъ нѣсколько помнитъ, и если очень разсердится, то начинаетъ бормотать по своему. Неизвѣстно, гдѣ она научилась этой молитвѣ, но во всякомъ случаѣ можно спросить себя, не есть ли эта молитва переложеніе или переводъ какой нибудь румынской молитвы. Это очень интересно было-бы знать, потому что, какъ извѣстно, въ Румыніи была нѣкогда сильно распространена богомильская ересь (первые ея послѣдователи, впрочемъ, отвергали почитаніе Богородицы), подъ вліяніемъ которой явилось тамъ много ложныхъ молитвъ и цѣлыхъ книгъ и сочиненій, которыя, между прочимъ, не остались безъ вліянія и на нашу апокрифическую или отреченную литературу, особенно черезъ посредство болгарской. Впрочемъ, и среди коренныхъ бѣлоруссовъ есть не мало подобныхъ молитвъ, прямо сочиненныхъ или представляющихъ только искаженія общеизвѣстныхъ. Измѣряя одного парня, которому предстояло итти на призывъ и который хвасталъ передо мною, что онъ учился въ школѣ, я спросилъ у него изъ любопытства, знаетъ ли онъ „Отче Нашъ".

— Чамужъ ня знаць? отвѣчалъ онъ, нѣсколько обиженный: „Отче нашъ, иже вездѣсый и вся исполняй...".

— А „Царю небесный"?

— А Царю небесный — такъ само-жъ, толька починаетца трохи ня такъ. — Вотъ вамъ примѣръ искаженія молитвы.

Но вернемся еще къ прощамъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ прощъ, извѣстныхъ мнѣ, упомяну прежде всего Марьину горку въ Игуменскомъ уѣздѣ. Проѣзжая по Либаво-Роменской жел. д., вы видите здѣсь, на 3-й станціи отъ Минска, прекрасную каменную церковь на пригоркѣ, среди рощи. Эта церковь вся построена на приношенія богомольцевъ и еще часть оставшихся суммъ пошло на устройство здѣсь-же

прекраснаго ремесленнаго училища. Предметомъ поклоненія теперь здѣсь служитъ икона Божьей Матери, но по преданію тутъ была прôща на холмѣ. Въ другомъ мѣстѣ, около мѣстечка Смиловичи того-же уѣзда, есть Святая горка; тамъ находится камень со знакомъ, похожимъ на человѣческій слѣдъ. Этотъ камень долго служилъ предметомъ поклоненія, а теперь тамъ церковь. Преданіе гласитъ, что шли нѣкогда три Богородицы, ища себѣ мѣста, гдѣ бы объявиться. Одна пошла въ Дудичи, другая въ Новоселки, а третья въ Ляды (въ поименованныхъ мѣстахъ теперь находятся чудотворныя иконы Богородицы). Послѣдняя, т. е. Лядàнская, остановилась отдыхать на горкѣ между Смиловичами и Лядами, гдѣ и оставила свой слѣдъ на камнѣ. Первымъ чудомъ ея здѣсь было исцѣленіе помѣщика, случайно ослѣпшаго. Онъ спалъ на этой горкѣ и видѣлъ во снѣ, будто къ нему подошла Богородица, коснулась его глазъ, и онъ проснулся зрячимъ. Увѣряютъ, что это неожиданное исцѣленіе — фактъ дѣйствительный и не особенно давній. — Подобнымъ уваженіемъ пользуется камень, находящійся около Новогрудка, съ изображеніемъ какихъ то слѣдовъ, какъ будто пятки и пальцевъ. Пальцы — это, по народному вѣрованію, слѣдъ Богородицы, а пятка — слѣдъ чорта, который гнался за нею, но не могъ догнать: она скрылась въ ближайшій монастырь, гдѣ стала оказывать чудеса. Къ этому камню также стекаются крестьяне на поклоненіе, кладутъ деньги, воскъ, лёнъ и т. п., молятся и цѣлуютъ слѣдъ Богоматери, а на слѣдъ чорта плюютъ, при чемъ нерѣдко происходятъ ошибки: гдѣ нужно цѣловать, туда плюютъ, и наоборотъ. Другіе иначе объясняютъ знаки на этомъ камнѣ: будто во время нашествія шведовъ передовой шведскій отрядъ оставилъ этотъ знакъ, чтобы послѣдующіе отряды знали, куда направились шведы. Камень съ подобіемъ человѣческаго слѣда есть еще на полдорогѣ изъ г. Слуцка въ мѣ-

стечкѣ Грозовъ. Увѣряютъ, что это слѣдъ св. Николая, который, шелъ въ ближайшую церковь, чтобы тамъ творить чудеса.

Въ разныхъ мѣстахъ западной окраины, въ особенности въ Виленской губерніи, существуютъ подобные камни съ болѣе или менѣе явственными знаками, похожими на оттискъ человѣческой ноги, чаще всего принимаемый народомъ за слѣдъ Богородицы; напримѣръ: въ Ошмянскомъ у., при большой дорогѣ изъ Трокъ въ Ольшаны, въ Лидскомъ у. при д. Мейры, въ Трокскомъ у. въ имѣніи Микишки на правомъ берегу Виліи, въ Виленск. у. Эти камни были когда-то описаны А. Киркоромъ въ его этнографическомъ описаніи Виленской губ. (Этнографич. Сборникъ, изд. Имп. Рус. Географич. Общества, вып. 3. Спб. 1858). Были случаи, что эти камни разбивались на куски по приказанію властей, но народъ опять ихъ складывалъ, или же приписывалъ каждому обломку такую же чудесную силу.

Немалымъ уваженіемъ и почитаніемъ польуются также камни съ надписями, въ особенности если надпись непонятна для народа. Такіе памятники называются „писанными камнями“. Мнѣ встрѣтился такой камень по дорогѣ изъ г. Слуцка въ Бобруйскъ въ Новодорожской волости, близь деревни Пастовичи. Онъ довольно большихъ размѣровъ и кругомъ покрытъ высѣченными надписями, которыя никому до сихъ поръ, равно какъ и мнѣ, не удалось прочесть. Около него крестъ, на камнѣ икона.

Кромѣ камней, большимъ почитаніемъ пользуются еще ключи, источники.

По дорогѣ изъ Бобруйска въ Могилевъ при р. Алѣ, въ урочищѣ Вольскъ, Качеричскаго прихода, есть приписная церковь съ мѣстночудотворной иконой Божьей Матери. Преданіе говоритъ, что жили два брата Кондрата по прозванію Сокоры; младшій былъ тяжко боленъ. Во снѣ ему Богородица указала ключъ (крыницу),

отъ котораго онъ получилъ исцѣленіе, въ память чего и поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ. Открылась прбща, посыпались приношенія, и въ 63 г. выстроена здѣсь большая церковь на одни эти пожертвованія. Въ Минскомъ уѣздѣ, у мѣстечка Ракова, есть прбща-ключъ. Слѣпой старикъ нашелъ его по тайному голосу Богородицы и исцѣлился отъ него. Въ Слуцкомъ у., около села Доросина, находится прбща-колодецъ. Два раза въ годъ, 1-го авг. (Маккавей) и въ Преполовеніе, здѣсь бываетъ громадное стеченіе народа, совершается служба съ водосвятіемъ, и каждый беретъ себѣ запасъ цѣлебной воды. Можетъ быть, дѣйствительно нѣкоторые изъ этихъ ключей, почитающихся святыми, имѣютъ цѣлебныя свойства, такъ-же какъ и нѣкоторыя озера, напр. оз. Свитязь въ Новогрудскомъ уѣз., воспѣтое Мицкевичемъ, куда привозятъ больныхъ для купанія, иногда даже въ холодную пору. Нѣтъ возможности перечислить всѣ подобныя мѣста; если бы имъ составить списокъ по всей губерніи, то ихъ навѣрно оказались бы десятки, если не сотни.

Рядомъ съ этимъ множествомъ мнимо святыхъ мѣстъ существуетъ въ Бѣлоруссіи такое же множество мнимосвятыхъ дней, въ которые считается грѣхомъ работать, несмотря на то, что эти дни не освящены церковью и называются „присвятками“, т. е. полупраздниками при большихъ праздникахъ; въ иные же дни, какъ напр. въ середу и пятницу послѣ новолунія, не приступаютъ только къ особенно важнымъ дѣламъ. Вообще эти празднованія больше всего выпадаютъ на долю середы и пятницы, слѣдующихъ за большими праздниками. Такъ, напримѣръ, на Святой празднуется „градовая“ середа и пятница (иначе ледоватый день), чтобы лѣтомъ поля не страдали отъ градобитія.

Еще празднуются пятницы: 1) послѣ Рождества Хр., 2) на масляницѣ, 3) послѣ Троицы—среда и пятница, такъ называемая „семýха“, 4) на 10-й недѣлѣ послѣ

Пасхи. т. н. „дзесятýха“, также отъ града. Іезуиты сумѣли примѣнить къ этому послѣднему народному празднику свое главное церковное торжество въ честь sanctissimi cordis Jezu, и этимъ еще болѣе упрочилось уваженіе народа къ этому дню, къ „дзесятýхѣ“. Нѣчто подобное сдѣлала наша церковь, примѣнивъ къ народному празднованію девятаго четверга, или „дзевятника“, церковное торжество въ память возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковью. „Дзевятникъ“ — важный праздникъ еще и потому, что въ этотъ день народъ приноситъ въ церковь травы и вѣнки для освященія къ Ивану-Купалѣ. Католики и уніаты праздновали девятникъ въ честь тѣла Господня и совершали крестные ходы съ большими церемоніями. Празднуется также и десятый четвергъ по Пасхѣ — „дзесятникъ“.

Среда и пятница, какъ дни, посвященные воспоминанію страданій и смерти Спасителя, всегда почитались и церковью, и народомъ. Но у народа это почитаніе уже съ давнихъ поръ имѣло нѣкоторый нехристіанскій оттѣнокъ. По пятницамъ, по народному повѣрью, не должно ни прясть, ни пахать, чтобы не запылить матушку Пятницу и не засорить ей глаза кострикой и пескомъ. Здѣсь видимъ олицетвореніе пятницы, о чемъ будетъ сказано еще ниже. Въ „Регламентѣ“ указывается на существовавшій обычай „водить простоволосую жонку, подъ именемъ Пятницы, въ церковномъ ходу и воздавать ей честь и дары“. Во времена Грознаго, какъ видно изъ Стоглава, ходили „по погостамъ и по селомъ и по волостемъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія (съ греч. воскресеніе) и велятъ имъ заповѣдати крестьяномъ кануны завѣчивати; они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и пятницу ручнаго

дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменья (камина) не разжигати, и иные заповѣдаютъ богомерзскіе дѣла творити". Соборъ предалъ проклятію всѣхъ этихъ лжепророковъ, но почитаніе дня пятницы этимъ не прекратилось, да и не могло быть прекращено.

По рукамъ старинныхъ грамотныхъ людей ходило множество списковъ такъ называемаго преданія о 12 пятницахъ. Въ этомъ апокрифическомъ писаніи перечислялись 12 пятницъ въ году, въ которыя будто бы не слѣдуетъ работать подъ страхомъ тяжкаго грѣха; это именно пятницы: 1) 6-го марта, 2) предъ Благовѣщеньемъ, 3) на Страстной недѣлѣ, 4) предъ Вознесеніемъ, 5) предъ Пятидесятницей, 6) предъ Петровымъднемъ, 7) предъ Успеньемъ, 8) предъ Усѣкновеніемъ главы Предтечи, 9) предъ Воздвиженіемъ, 10) предъ днемъ Михаила Архангела, 11) предъ Рождествомъ Христ., 12) по Рождествѣ. Съ каждою изъ этихъ пятницъ соединяется какое-нибудь воспоминаніе преимущественно о ветхозавѣтномъ событіи, и въ этомъ нельзя не видѣть слабаго отголоска іудейства; между прочимъ, имя Параскевы Пятницы объясняется также тѣмъ, что Параскева по гречески значитъ „приготовленіе", а у іудеевъ пятница есть именно приготовленіе къ празднованію субботы. Перечисленныя пятницы, по словамъ того-же ложнаго писанія, „подобаетъ блюсти постомъ и молитвою и пѣніемъ, единою днемъ хлѣба вкусити, аще мощно, то и милостыню творити убогымъ. А отъ плотскыхъ похотій грѣховныхъ сохранитися; аще ли кто въ ты пятницы зачнется, нездравъ бываеть: любо хромъ, любо слѣпъ, или иною вещію прокаженъ, или тать, или разбойникъ, злу начальникъ" и пр. Въ настоящее время особенно въ ходу такіе листки у раскольниковъ, при чемъ тамъ указывается цѣль празднованія каждой пятницы отдѣльно. Вотъ какія могутъ быть самыя разнообразныя причины, обусловливающія то или другое явленіе въ духовной жизни народа.

Интересно то, что, по понятіямъ народа, большинство присвятковъ имѣютъ прямое отношеніе къ землѣ, къ пашнѣ; работая на ней въ праздникъ, можно накликать на нее бѣду въ видѣ неурожая, градобитія, засухи и т. п. Но при этомъ имѣется въ виду только земля, принадлежащая христіанину. Работать на собственной землѣ въ неважный полупраздникъ нельзя, но на еврейской можно. Если на землѣ, принадлежащей христіанину, но арендованной евреемъ, работаютъ въ христіанскій праздникъ, хотя бы только сами евреи, то это все таки можетъ навлечь гнѣвъ Божій на собственника земли. До того доходитъ иногда это уваженіе къ землѣ, что, напримѣръ, католики, поселившіеся на землѣ, принадлежавшей русскимъ, считаютъ долгомъ совѣсти хранить, хотя отчасти, русскіе праздники и посты, а равно и давать въ церковь на поминовеніе прежнихъ владѣльцевъ, обливавшихъ своимъ потомъ ихъ землю; православные, осѣвшіе, такъ сказать, на католическомъ грунтѣ, поминаютъ прежнихъ его собственниковъ въ костелѣ. Это бывало особенно часто въ прежнее время, когда въ Бѣлоруссіи было болше костеловъ и вообще польское вліяніе было сильнѣе.

Въ числѣ наказаній за несоблюденіе праздниковъ самое страшное — это обращеніе виновнаго въ камень. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Житина въ Осиповичи, около с. Кринки указываютъ камень, называемый „волами". Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ вышелъ пахать въ Свѣтлый праздникъ и обратился въ камень вмѣстѣ съ волами и сохой. Впрочемъ этотъ разсказъ варьируется на разные лады. Въ безформенномъ камнѣ народъ усматриваетъ фигуру пахаря, воловъ и т. д. Указываютъ тутъ-же и другіе камни, имѣющіе какъ будто форму птицъ, напр. утки, и считающіеся таинственными, обладающими какою-то силой. Разсказовъ и преданій объ окаменѣніи за ослушаніе волѣ Божьей живетъ не мало среди бѣлорус-

совъ и всѣ они, безъ сомнѣнія, составляютъ отголосокъ далекой старины, такъ какъ этотъ мотивъ мы знаемъ и изъ ветхаго завѣта, изъ окаменѣнія жены Лота. Слѣдуетъ замѣтить еще, что по понятіямъ бѣлоруссовъ, не столько Богъ наказываетъ за ослушаніе его волѣ, сколько мститъ самый праздникъ за неуваженіе къ нему. Каждый праздникъ и даже дни недѣли бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ олицетворенномъ видѣ. Въ высшей степени характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій разсказъ, который мнѣ случилось услышать отъ одной старухи. Шли три женщины: св. Пятница, св. Суббота и св. Недѣля. Самая красивая, нарядная и веселая изъ нихъ была именно Суббота, между тѣмъ, какъ двѣ другія были грустны, заплаканы и отрепаны; Пятница была вся въ ранахъ, истыкана, исцарапана, а о Недѣлѣ ужъ и говорить нечего: на ней живого мѣста не оставалось,—одни раны и синяки, а платье все въ клочкахъ. Всему этому причиною люди; они не чтятъ, какъ слѣдуетъ, пятницы и воскресенья и этимъ заставляютъ страдать свв Пятницу и Недѣлю. Шьетъ-ли баба въ пятницу; она колетъ св. Пятницу; работъетъ-ли крестьянинъ топоромъ въ воскресенье или заводитъ драку въ пьяномъ видѣ — онъ наноситъ раны и побои св. Недѣлѣ. Одна только св. Суббота живетъ весело и спокойно, потому что евреи во всей строгости хранятъ посвященный ей день.

Кромѣ обращенія въ камень есть еще и другіе способы наказанія за несоблюденіе праздниковъ. Болѣзнь и смерть—это второй послѣ окаменѣнія самый страшный родъ наказанія ослушниковъ воли Божьей; иногда эти наказанія распространяются даже на все семейство виновнаго и на скотъ. И вообще это самое обычное, по понятіямъ бѣлорусса, наказаніе за всякое тяжкое преступленіе. Такъ, напр., если кто украдетъ съ поля соху у сосѣда или другое хозяйственное оружіе, то у виновнаго подохнутъ волы, не будетъ вестись скотъ въ

теченіе семи лѣтъ и наконецъ самъ онъ заболѣетъ или умретъ. Поэтому-то такъ рѣдки случаи воровства среди бѣлоруссовъ: ульи въ лѣсахъ стоятъ безопасно, хлѣба въ копнахъ никто не тронетъ подъ страхомъ смерти, лошади спокойно остаются ночью на дворѣ. Конечно нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не было кражъ; еслибъ не было такихъ случаевъ, то не за чѣмъ было бы придумывать бѣлоруссу такое страшное наказаніе ворамъ. Добрые старые обычаи и патріархальныя отношенія начинаютъ сильно рушиться и въ глухой Бѣлоруссіи.

Въ послѣднее время особенно часто слышатся жалобы на старовѣровъ, въ особенности въ Игуменскомъ у., гдѣ ихъ поселилъ на своей землѣ б. рижскій губернаторъ, генералъ Шевичъ. Они очень часто попадаются въ дерзкихъ кражахъ и грабительствахъ, и крестьяне-бѣлоруссы ненавидятъ ихъ до глубины души. Когда встрѣчается старовѣръ, котораго они тотчасъ узнаютъ по длиннополой одеждѣ и бородѣ, они пальцами въ него тыкаютъ и ругаютъ въ голосъ „кацапомъ“ и другими бранными словами.

Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Кояловичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлоруссіи высказывалъ какъ-то жалобы на уменьшеніе великорусскаго элемента среди населенія этого края. Если рѣчь идетъ о выселеніи оттуда старовѣровъ, то объ уменьшеніи этого вреднаго элемента сожалѣть нечего. Не думайте, однако, чтобы я хотѣлъ представлять самого бѣлорусса безпорочнымъ, хотя бы даже относительно воровства. Онъ, конечно, не пойдетъ въ домъ красть деньги, не взломаетъ амбаръ, не уведетъ лошадь, развѣ за рѣдкими исключеніями; но, напримѣръ, чужое дерево, если оно не загорожено, трава чужая, особенно въ лѣсу, не считаются неприкосновенными, и въ этомъ отношеніи нерѣдко нарушаются права собственности; въ особенности помѣщики часто жалуются на кражи крестьянами стро-

еваго лѣса и дровъ изъ лѣсу, также на потраву луговъ. Нерѣдко крестьяне высказываютъ ту мысль, что вся земля должна принадлежать народу, и потому еще болѣе считаютъ себя вправѣ присвоивать себѣ собственность помѣщиковъ и казны. Впрочемъ, большею частью это дѣлается по необходимости. За скудостью собственнаго надѣла, крестьянину часто некуда дѣваться со скотомъ, и онъ пасетъ его на чужомъ участкѣ; вслѣдствіе расчистки лѣса подъ пашню, ему иногда не изъ чего возвести самую пустячную постройку. и онъ тащитъ потихоньку лѣсъ отъ помѣщика или отъ казны. Случаются иногда и бунты крестьянъ въ Бѣлоруссіи подъ вліяніемъ разныхъ подстрекателей. И не удивительно. Приведенный выше случай изъ Игуменскаго уѣзда служитъ иллюстраціей къ этому. Всякій пройдоха можетъ безъ труда провести и эксплоатировать легковѣрнаго, безграмотнаго бѣлорусса, и онъ же еще будетъ защищать предъ вами своего эксплоататора. Заговорите вы съ нимъ, напр., про какого-нибудь фактора-еврея, у котораго онъ весь въ рукахъ; онъ вамъ скажетъ: „да вѣдь еврей еще бѣднѣе меня; если бы евреи тянули съ мужиковъ деньги, то они и были бы у нихъ; а какія у еврея деньги? Иной, можетъ быть, два дня не ѣвши бѣгаетъ, а ужъ оборваны всѣ—тѣло видно! А вотъ. что жидъ во всякой бѣдѣ поможетъ,—это правда; недаромъ говорится: якъ бѣда, то до жида“. Такое разсужденіе мнѣ пришлось услышать самому отъ крестьянина въ Слуцкѣ, на ярмаркѣ.

Итакъ, пусть не удивляется читатель, если я нахожу возможнымъ, на основаніи личныхъ наблюденій, сказать прямо, что простой бѣлорусскій народъ очень рѣдко высказываетъ жалобы на то, что онъ терпитъ отъ евреевъ зло. Сознаетъ ли онъ это зло или нѣтъ,—это другой вопросъ; но мнѣ кажется, что общая нужда, постоянная борьба изъ-за насущнаго хлѣба, гнетущія экономическія условія, въ какихъ приходится жить

и крестьянину, и простому еврею, — все это какъ то приводитъ всѣхъ, такъ сказать, къ одному знаменателю, заглушаетъ всякіе другіе вопросы какъ религіозные, такъ и національные. Присматриваясь лично къ взаимнымъ отношеніямъ бѣлорусскаго народа и евреевъ, прислушиваясь къ сужденіямъ самихъ крестьянъ о евреяхъ, вы не замѣтите той непримиримой вражды, того антагонизма, о которомъ вы такъ часто привыкли слышать отъ другихъ.

Ни одинъ крестьянинъ, конечно, не станетъ отрицать отдѣльныхъ случаевъ грубаго нахальства, дерзости, обмана, явнаго обирательства со стороны евреевъ, какъ класса преимущественно торговаго; но это не мѣшаетъ добродушному бѣлоруссу миролюбиво и даже черезъчуръ довѣрчиво относиться къ евреямъ вообще. Чтобы вѣрнѣе судить объ этихъ отношеніяхъ, не надо упускать изъ виду еще одну очень характерную черту бѣлорусскаго народа. Бѣлоруссъ, какъ и малоруссъ, очень скептически и неодобрительно относится къ занятію торговлею вообще. Всю жизнь копаясь въ землѣ и изъ нея добывая себѣ пропитаніе въ потѣ лица, онъ смотритъ на торговлю, какъ на барышничество, и никакъ не можетъ одобрить такого занятія, при которомъ приходится жить исключительно „выручкою" съ другого. И согласно съ этимъ, нельзя не замѣтить, что недовольство бѣлоруссовъ скорѣе всего могутъ возбудить евреи, занимающіеся мелкою торговлею. Напротивъ, разъ еврей занимается какимъ нибудь другимъ, по понятіямъ народа, болѣе благороднымъ промысломъ, бѣлоруссъ ничего противъ него не имѣетъ и всегда отдаетъ справедливость при оцѣнкѣ честнаго труда еврея. Ремесленный классъ евреевъ, составляющій также не малый процентъ сравнительно съ торговымъ, всегда пользуется бо́льшимъ уваженіемъ со стороны бѣлоруссовъ.

Но что всего болѣе можетъ удивить посторонняго

наблюдателя, мало знакомаго съ жизнью западнаго края, это—необыкновенная довѣрчивость народа къ евреямъ. Мнѣ случалось встрѣчать лицъ, которыя, по назначеніи на службу въ Бѣлоруссію, ѣхали туда впервые ни болѣе ни менѣе, какъ съ тою мыслью, чтобы спасать бѣлоруссовъ отъ жидовства и заранѣе приготовляли, такъ сказать, свои уши и нервы, чтобы быть въ состояніи выносить народные стоны и вопли подъ заѣдающею еврейскою массою. И каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что тотъ самый мужикъ, которому они желали протянуть руку помощи, относится къ нимъ съ какимъ то подозрѣніемъ, бѣжитъ отъ нихъ и всегда охотнѣе обратится за совѣтомъ и за помощью къ знакомому еврею, чѣмъ къ какому бы то ни было „пану". Такъ или иначе, а приходится сознаться, что къ лапсердаку мужикъ до сихъ поръ имѣетъ больше довѣрія, чѣмъ къ сюртуку, подъ которымъ онъ скорѣе склоненъ подозрѣвать своего тайнаго врага. И это недовѣріе и нерасположеніе замѣчается не только къ людямъ пріѣзжимъ, чиновнымъ, оффиціальнымъ, но и къ частнымъ и притомъ хорошо знакомымъ, напр. къ помѣщикамъ, хотя бы они желали добра народу. И замѣчательно, что именно еврей служитъ большею частью для мужика какимъ то авторитетомъ. Если крестьянину придется выслушать отъ помѣщика или чиновника какой-нибудь полезный совѣтъ, услышать какую-нибудь важную новость, для провѣрки всего этого онъ отправится прежде всего къ какому-нибудь знакомому шинкарю-еврею. Если помѣщикъ будетъ самъ нанимать подводы для возки дерева, то крестьяне потребуютъ съ него рубля по полтора; если же наемъ будетъ производиться черезъ шинкаря или другого фактора-еврея, то они согласятся взять не болѣе какихъ-нибудь 75 копеекъ. Такіе факты происходили, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Еврей угоститъ мужиковъ водкой, пообѣщаетъ кое-кому вычеркнуть какой-нибудь ничтож-

ный долгъ или позволитъ повременить его уплатою, посулитъ впередъ помогать имъ, стоять за нихъ горой передъ помѣщикомъ и т. д., и они готовы исполнить за полцѣны ту-же работу, за которую желали получить вдвое больше; другая половина или хоть часть этой платы въ томъ или иномъ видѣ идетъ, конечно, въ пользу фактора, въ видѣ награды отъ помѣщика.

Во всѣхъ подобныхъ сдѣлкахъ всемогущимъ двигателемъ является водка. Водка и пьянство—вотъ второе, послѣ невѣжества, несчастье бѣлорусса, его разоръ! И всѣ, кому только нужно, съ полнымъ успѣхомъ пользуются этой гибельной слабостью бѣлорусса для своихъ цѣлей. Одна-другая чарка водки, которою деревенскій факторъ охотно угощаетъ своего сосѣда-крестьянина въ счетъ будущей уплаты, по пословицѣ: „свои люди—сочтемся", дѣлаетъ то, что нерѣдко часть крестьянскаго хлѣба еще на корню давно продана еврею или принадлежитъ ему какъ плата за выпитую водку и другіе долги, такъ какъ деньгами бѣлоруссъ не въ состояніи платить: ихъ у него нѣтъ и въ поминѣ, и продукты хлѣбопашества составляютъ для него единственно-возможный способъ расчета.

Кому случалось быть на ярмаркѣ въ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ, тотъ особенно наглядно можетъ представить себѣ, какъ сильно вкоренилась въ бѣлорусскомъ народѣ склонность къ пьянству и какъ гибельно отзывается этотъ порокъ на народномъ благосостояніи. Въ эту мою поѣздку мнѣ пришлось наблюдать въ одномъ мѣстечкѣ много печальныхъ ярмарочныхъ сценъ, которыя закончились прискорбной картиною. Была ярмарка наканунѣ шабаша, и вотъ, съ наступленіемъ захода солнца, евреи засуетились еще пуще, стали запирать лавченки; проползъ по площади старикъ, зовущій визгливымъ голосомъ въ синагогу, и ярмарка прекратилась. Я былъ за городомъ. По всѣмъ дорогамъ, идущимъ изъ мѣстечка въ видѣ радіусовъ къ деревнямъ, потяну-

лись крестьянскія телѣги и группы пѣшеходовъ. Въ каждой телѣгѣ вы видите пьянаго мужика, который уже не въ состояніи удержать вожжей; баба правитъ лошадью и заливается слезами отъ побоевъ и оскорбленій пьянаго мужа или отца, или оттого, что онъ пропилъ всѣ деньги, которыя предназначались на подать или хозяйственныя необходимости. Рядомъ ѣдетъ телѣга, нагруженная цѣлой кучею мужиковъ и бабъ; всѣ они пьяны до крайности, орутъ всевозможныя срамныя пѣсни, бранятся, ругаются и наконецъ дерутся. Присматриваетесь къ кучкѣ пѣшеходовъ и видите то-же самое: пьяные ведутъ подъ руки одни другихъ, сопровождая свое шествіе такимъ-же аккомпанементомъ, или же сваливаются въ канаву, гдѣ спятъ до утра; и это еще лучшій исходъ: по крайней мѣрѣ, домашніе спасены отъ буйства, которымъ всегда сопровождается возвращеніе съ ярмарки.

Я вошелъ въ центръ города, и тутъ опять тѣ же сцены: бабы подымаютъ съ мостовой пьяныхъ мужиковъ, или плачутъ, убиваясь надъ лошадьми; пьяные бредутъ спотыкаясь, сами не зная куда, а въ вертепахъ пьянства — трактирахъ, которые остаются незакрытыми и въ шабашъ съ наемной христіанской прислугой, идетъ неустанный гомонъ, пѣсни, брань, драка, пока наконецъ всѣхъ пьяныхъ не вытолкаютъ оттуда на улицу, хотя бы и деньги не были заплачены: онѣ не пропадутъ, шинкарь въ томъ увѣренъ. И какъ больно и тяжело на душѣ, когда рядомъ съ этимъ развратомъ видишь, какъ трезвые евреи съ книгами и своими пестрыми покрывалами подъ мышкой чинно, молча направляются вереницами въ синагогу, старые и малые, начинаютъ тамъ молиться во весь голосъ, какъ бы стараясь заглушить своимъ благочестивымъ крикомъ оргіи близлежащихъ трактировъ. И вотъ они возвращаются домой, окна освѣщаются, начинается трапеза со всею чинностью и скромностью, въ полномъ составѣ семьи

и съ гордымъ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства, своей правоты и благочестія.

— „Что-же дѣлается теперь въ тѣхъ мрачныхъ деревенскихъ избенкахъ, куда возвратились съ ярмарки пьяные члены семьи?“ думалось мнѣ, когда я въ сумерки проходилъ по улицамъ городка, освѣщаемымъ изъ оконъ шабашевыми огнями. Грубая брань, драка, плачъ испуганныхъ дѣтей, ломка и битье всего, что ни попадется подъ руку,—вотъ эпилогъ печальной драмы, разыгрывающійся уже въ избѣ, въ семьѣ. А тамъ болѣзни, какъ послѣдствія пьянства, поврежденія, нанесенныя себѣ и другимъ въ нетрезвомъ видѣ; еще далѣе—судебные процессы, наконецъ разореніе, нищенство, голоданіе...

Подъ впечатлѣніемъ всего этого невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели славянская натура бѣлорусса, не смотря на поддержку высокихъ христіанскихъ началъ, настолько все-таки дрябла и слаба, что не можетъ противостоять деморализаціи, не можетъ дать отпора заѣдающей ее средѣ? Вѣдь низшій классъ еврейства находится никакъ не въ лучшихъ, если не въ худшихъ, экономичесхихъ условіяхъ, чѣмъ нашъ мужикъ, и точно такъ-же непросвѣщенъ; а между тѣмъ бѣдность и нищета не погружаютъ его въ развратъ и не убиваютъ въ немъ энергіи и бодрости. Еврей, въ какихъ бы трудныхъ условіяхъ ему ни приходилось жить, остается вѣчно дѣятельнымъ и не только не даетъ себя забрать въ руки другому, особенно мужику, но самъ сумѣетъ при удобномъ случаѣ взять надъ нимъ верхъ и вертѣть имъ, какъ ему заблагоразсудится.

Главное преимущество еврея предъ мужикомъ это—твердое и неуклонное исполненіе своихъ правилъ и предписаній, а затѣмъ, что еще важнѣе, житейская опытность и умѣнье пользоваться обстоятельствами. Круглый день еврей, подобно древнему греку, живетъ на площади своего мѣстечка, трется между людьми вся-

каго званія и состоянія и этимъ путемъ достигаетъ такой практичности и опытности, которая ему вполнѣ замѣняетъ образованіе и до которой деревенскому мужику никогда не дойти. Онъ болѣе или менѣе знаетъ всякія правила, постановленія и законы, знаетъ, какъ приступить къ какому человѣку будетъ-ли то частное лицо или начальникъ, или чиновникъ, знаетъ чѣмъ на него подѣйствовать, и въ случаѣ возникновенія какого нибудь дѣла сумѣетъ его скорѣе выиграть при помощи своихъ многочисленныхъ друзей, изъ которыхъ каждый представляетъ собою ходячую энциклопедію свѣдѣній относительно всѣхъ и каждаго. Поэтому-то такой силою пользуются въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ бѣлорусскихъ разные ходатаи по дѣламъ и „адвокаты", большею частью изъ евреевъ. Это люди, часто получившіе только начальное образованіе, люди пытавшіеся было выбиться изъ мелкой торгашеской среды, но почему-нибудь оборвавшіеся и не имѣющіе ходу. Не смотря на свой низкій образовательный цензъ, они все-таки ведутъ дѣла, выступаютъ весьма дѣятельными и иногда полезными помощниками въ мелкихъ процессахъ, и этимъ кормятся и живутъ. Есть между ними люди болѣе или менѣе честные. Но за то, сколько же и обманщиковъ, продѣлки которыхъ даютъ матеріалъ для цѣлыхъ страницъ мѣстной ежедневной прессы, въ видѣ судебной хроники или частныхъ извѣстій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, бѣлоруссъ остается совершенно безпомощнымъ, безсильнымъ въ борбѣ съ неблагопріятными условіями жизни. Это общее впечатлѣніе, какое оставляетъ въ наблюдателѣ этотъ несчастный край,—впечатлѣніе далеко не выгодное. И какова должна быть живучесть этого народа, если вся эта совокупность отрицательныхъ условій не въ состояніи еще убить бѣлорусса, стереть его съ лица земли! Очевидно, что при всей своей нравственной дряблости, бѣлоруссъ обладаетъ доста-

точнымъ количествомъ просто силы животной, которая поддерживаетъ его существованіе и даетъ надежду на возможность совершенствованія. Кабы намъ хоть въ этомъ отношеніи помочь бѣлоруссу, постараться сохранить его физическую бодрость разумными заботами о народномъ здравіи. Я говорю именно о разумныхъ заботахъ, потому что до сихъ поръ наши старанія по части сельской медицины въ этомъ краѣ доводили часто до того, что народъ въ одинъ голосъ кричалъ на сельскомъ сходѣ: „Не надо намъ доктора! не надо больницы!“ И больницы закрывались, а вмѣсто докторовъ въ нихъ поселялись урядники и пр. Примѣры подобнаго рода печальныхъ фактовъ можетъ представить, напримѣръ, Игуменскій уѣздъ. Значитъ-ли это, что народъ не понимаетъ пользы медицинскаго лѣченія, какъ обыкновенно думаютъ? Нѣтъ, это значитъ только, что содержаніе докторовъ, фельдшеровъ и больницъ повело за собою лишніе расходы для крестьянскихъ обществъ, а всякій новый налогъ, хотя бы самый ничтожный, является для бездольнаго бѣлорусса лишнимъ ударомъ по головѣ. Лучшія доказательства въ пользу того могли бы дать тѣ молодые медики, которые, оканчивая медицинскій факультетъ, пробуютъ на каникулахъ въ деревнѣ заниматься практикой для собственнаго упражненія безъ всякаго вознагражденія: ихъ крестьяне, что называется, рвутъ на части, приглашая на перерывъ къ больнымъ или привозя больныхъ къ нимъ на-домъ. Увѣрить бѣлорусса, какъ и всякаго крестьянина, въ пользѣ медицины очень не трудно: два-три случая удачнаго излѣченія совершенно достаточны, чтобы докторъ не имѣлъ отбоя отъ больныхъ. Само собою разумѣется, что при этомъ все-таки долго будутъ держаться и разныя домашнія, симпатическія, знахарскія средства, которыя вкоренились въ народѣ, именно благодаря отсутствію дѣйствительной медицинской помощи. Употребленіе ихъ тѣмъ труднѣе можетъ быть пре-

кращено, что оно во многихъ случаяхъ тѣсно связано съ народными вѣрованіями, съ извѣстными представленіями о болѣзняхъ, и облечено таинственностью, которая невольно поражаетъ воображеніе простого, необразованнаго крестьянина. Мы должны здѣсь считаться волей-неволей съ вѣковыми традиціями, и современный медикъ, вооруженный положительнымъ знаніемъ не станетъ требовать внезапнаго искорененія этихъ традицій, помня, что даже такой великій переворотъ въ умственной и нравственной жизни народа, какъ введеніе христіанства, не могъ сразу изгладить въ народной памяти все прошлое и заставить забыть все съ чѣмъ народъ сжился. Въ понятіяхъ бѣлорусса, какъ мы видѣли, священникъ и до сихъ поръ иногда замѣняетъ знахаря, и кто знаетъ, не тѣ-ли-же полуязыческіе взгляды и убѣжденія заставляютъ бѣлорусса и въ разныхъ болѣзняхъ прибѣгать подъ охрану церкви, къ помощи священника или даже внѣшнихъ аттрибутовъ его сана такъ какъ и вообще религію онъ понимаетъ почти исключительно во внѣшнемъ, вещественномъ, осязательномъ смыслѣ. Болитъ-ли у него рука или нога, онъ жертвуетъ тому или другому святому слѣпокъ, рѣзное или шитое изображеніе болящаго члена; падаетъ-ли скотъ, онъ вѣшаетъ въ церкви изображеніе коровы и т. п. Разные священные и церковные предметы въ особенности имѣютъ для бѣлорусса цѣлительное значеніе. Такъ, во время большого выхода съ дарами, страдающіе глазами стараются протереть ихъ епитрахилью; даже прикосновеніе къ ризѣ считается часто предохраняющимъ отъ болѣзней, — обычай, явившійся, конечно, уже подъ вліяніемъ евангельскаго разсказа объ исцѣленіи кровоточивой. Не мало есть курьезныхъ способовъ лѣченія, такъ или иначе связанныхъ съ церковью. Такъ, напримѣръ, въ предупрежденіе разныхъ болѣзней бѣлоруссъ при выходѣ крестнаго хода изъ церкви ложится у церковныхъ дверей для того, чтобы

священникъ перешагнулъ черезъ него; въ великій четвергъ во время чтенія евангелій онъ завязываетъ 12 узелковъ на суровой ниткѣ и опоясывается ею отъ лихорадки. Нельзя однако не замѣтить, что постепенное исчезновеніе старинныхъ народныхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи идетъ такъ же быстро, какъ и паденіе другихъ обычаевъ старины. Школа и духовенство имѣютъ въ данномъ случаѣ самое сильное вліяніе на народные умы. Церковь вмѣняетъ въ обязанность пастырямъ искоренять всякіе отголоски язычества въ народѣ, и многіе священники дѣйствительно могутъ похвастать тѣмъ, что они вполнѣ успѣли въ этомъ; хотя съ другой стороны этотъ успѣхъ часто бываетъ только кажущійся, чисто внѣшній.

Въ видѣ небольшого отступленія приведу здѣсь мой разговоръ съ однимъ бѣлорусскимъ батюшкой по этому вопросу. Спросилъ я вообще, нѣтъ-ли у мѣстныхъ прихожанъ какихъ-нибудь особенныхъ обычаевъ. Вопросъ показался подозрительнымъ, и отвѣтъ былъ отрицательный. Батюшка, очевидно, готовъ былъ видѣть во мнѣ опаснаго человѣка, пріѣхавшаго развѣдать, насколько духовенство рачительно къ своей паствѣ, и донести куда слѣдуетъ.

— Нѣтъ-ли какихъ-нибудь остатковъ язычества?— пытаюсь я еще спросить.

— Язычества? переспросилъ батюшка съ нѣкоторымъ испугомъ. Неужели вы, пріѣхавши изъ столицы въ наше захолустье, думаете, что ужъ мы тутъ и истиннаго Бога забыли и покланяемся какому нибудь Перуну? Нѣтъ, господинъ добрый, мы помнимъ о Богѣ и вѣруемъ въ Него по простотѣ душевной; а язычники тѣ, которые мнятъ себя очень умными и говорятъ, что нѣтъ Бога. У насъ, слава Богу, такихъ нѣтъ.

— Да вы, батюшка, не такъ меня поняли. Вѣдь, знаете, есть въ народѣ вездѣ, не только здѣсь, много

такихъ обрядовъ, которые, очевидно, остались отъ очень давняго времени и которые никакъ не могутъ быть признаваемы христіанскими, хотя бы, напримѣръ, празднованіе Ивана Купалы съ обрядовыми огнями и пр.

— Иванъ Купала? Такъ это просто обычай необразованнаго народа, а не язычество. Какое-же тутъ язычество? Вы, господинъ добрый, пожалуй поѣдете тамъ куда нибудь да наговорите или напишите, чего у насъ вовсе нѣтъ, а потомъ къ намъ будутъ летѣть циркуляры съ вопросами: „какіе у васъ тамъ развелись язычники?"

— Помилуйте, батюшка, за кого же вы меня принимаете?

— Да я не про васъ собственно; а только ничего у насъ этого нѣтъ. Можетъ быть, тамъ по другимъ приходамъ и есть что-нибудь такое, не знаю; но въ моемъ приходѣ этого нѣтъ: я стараюсь все искоренить, если что такое заведется. Я вѣдь не даромъ живу на приходѣ и жалованіе получаю. Я вотъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ и, слава Богу, свои обязанности знаю, ничего такого не позволю въ своемъ приходѣ.

— А значитъ все-таки и вамъ, батюшка, приходится вести нѣкоторую борьбу?

— Да, знаете, были въ прежнее время и здѣсь разные такіе обычаи или обряды, какъ вы ихъ называете. Теперь, конечно, нѣтъ, но были, и мнѣ приходилось съ ними воевать.

— Это очень любопытно. Въ этихъ случаяхъ, мнѣ кажется, только строгостью и можно чего-нибудь достигнуть,—стараюсь я поддѣлаться къ батюшкѣ.

— Да, истинно. Съ простымъ народомъ, знаете, иначе нельзя; а поприжать немножко, онъ и оставитъ свои дурныя привычки. Вотъ вы вспомнили про Купала. У насъ тоже все это было, и огни, и купанье, и пѣсни. Такъ вотъ бывало узнаешь, что какая-нибудь дѣвушка прыгала съ парнемъ черезъ огонь—и не ста-

нешь ихъ вѣнчать, когда вздумаютъ жениться: другимъ наука. А то еще, напримѣръ, у насъ Рождество называли всегда Колядою: все Коляда, да Коляда, а по-христіански никто и не назоветъ. Я, знаете, и въ проповѣди и въ разговорахъ объяснялъ, что нѣтъ у насъ такого святого, чтобы Колядою назывался,—ничего не помогло; а какъ я не допустилъ одного-другого къ причастію за это самое названіе, такъ и стали всѣ называть Рождествомъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ боятся вспоминать Коляду.

Я хотѣлъ замѣтить, что изгнать изъ употребленія названіе обычая еще не значитъ искоренить самый обычай, но счелъ за лучшее воздержаться и продолжалъ слушать батюшку. Онъ разсказалъ еще, сколько труда ему стоило отучить своихъ прихожанъ надѣвать на умершихъ мужчинъ шапки. Теперь они по крайней мѣрѣ въ церковь не вносятъ покойниковъ въ шапкѣ, а только кладутъ ее сбоку.

Бесѣда наша была прервана приходомъ крестьянина, съ которымъ батюшка началъ говорить о какихъ то дѣлахъ и горячился. Крестьянинъ, повидимому, требовалъ отъ батюшки какого то противозаконнаго поступка (впослѣдствіи оказалось, что онъ хотѣлъ женить сына, которому еще не вышли года). Въ концѣ концовъ батюшка прочиталъ ему строгую нотацію и посовѣтовалъ лучше не доводить его до злости. Крестьянинъ предобродушно замѣтилъ на это, что ему нѣтъ никакого расчета ссориться съ батюшкой и что не даромъ говорится пословица: „Бога не гнѣви, а чорта не дразни“... Это мудрое житейское правило, примѣненное такъ некстати, готово было вызвать бурю. Но тутъ я вмѣшался въ разговоръ и, между прочимъ, замѣтивъ, что у крестьянина какой то очень болѣзненный видъ, сталъ разспрашивать его о здоровьѣ, при чемъ узналъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о взглядахъ народа на нѣкоторыя болѣзни. Оказалось, что крестьянинъ стра-

даетъ изнурительной хронической лихорадкой, и что именно его болѣзненность и заставила его думать о ранней женитьбѣ сына, хотя его хлопоты по этому дѣлу остались тщетными.

Въ вопросѣ о взглядахъ бѣлорусса на разныя болѣзни интереснымъ является олицетвореніе ихъ. Очень многія болѣзни бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ человѣческомъ образѣ, и этимъ объясняются нѣкоторыя странныя отношенія его къ той или другой болѣзни, какъ, напримѣръ, желаніе обмануть болѣзнь, схитрить передъ нею или, наконецъ, запугать ее. Лихорадку, напримѣръ, бѣлоруссъ представляетъ себѣ въ образѣ холодной красавицы или наоборотъ въ образѣ злой, безобразной старухи. Тетка-лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, выходитъ изъ подъ земли, именно весною, и шатается всюду, пока не наткнется на когонибудь спящаго на весеннемъ солнышкѣ. Если это ей удастся, то она подкрадется къ спящему, поцѣлуетъ его и уже не разстанется съ нимъ. Проснувшись, онъ чувствуетъ, что спалъ особенно сладко, и только впослѣдствіи непрошенная гостья начинаетъ заявлять свои права. Поэтому заботливыя матери, выводя своихъ дѣтей весною на солнце, предостерегаютъ ихъ главнымъ образомъ, чтобы они не заснули. Тутъ уже, безъ сомнѣнія, сказывается не одно только суевѣріе бѣлорусса, но и практическій опытъ. Нѣтъ ничего обманчивѣе первыхъ теплыхъ лучей весенняго солнышка, когда выглянетъ наружу изъ-подъ снѣга земля, протекутъ говорливые ручьи вешней воды, начнетъ показываться травка, въ воздухѣ раздастся веселая трель жаворонка. Сколько опьяняющаго въ этомъ возвращеніи весны! Такъ и клонитъ васъ ко сну подъ ласкающими лучами солнца. Вы готовы повалиться на ожившую мать-сыру землю, прильнуть своею полно-дышащею грудью къ ея груди и забыться въ сладкомъ упоеніи. И дѣйствительно вы засыпаете; солнышко, какъ бы подкрадываясь къ вамъ, нѣж-

но лобзаетъ васъ своими лучами, но эти лобзанія предательскія; они заставляютъ васъ забыть, что подъ вами земля, еще полная вредныхъ испареній, еще недостаточно осушенная отъ излишней сырости, и тогда-то къ вамъ незамѣтно, потихоньку прильнетъ страшное порожденіе этой земли, прикинувшись красавицей-незнакомкой. Такая лихорадка всего страшнѣе. Конечно. она можетъ пристать и при другихъ обстоятельствахъ, но самая неотвязчивая она бываетъ тогда, когда вы ее „приспите" и какъ-бы признаете своею. „Приспать" болѣзнь, по западно-русскому повѣрью, вообще очень опасно. Поэтому часто бываетъ, что когда кто начинаетъ жаловаться на недомоганіе, на головную боль и т. п., то стараются не дать ему заснуть не въ урочное время, авось скорѣе переможется.

Поселившись въ человѣкѣ, лихорадка очень неохотно оставляетъ его. Для того чтобъ ее выжить, употребляются разныя внутреннія средства, отличающіяся особенною горечью или противнымъ вкусомъ. Пьютъ, напримѣръ, крѣпкій настой полыни на спирту, настой изъ воробьинаго помета и т. п. Внутреннія средства употребляются именно въ томъ убѣжденіи, что лихорадка сидитъ внутри человѣка. Но есть и наружныя средства, напримѣръ, упомянутая выше нитка съ 12 узлами, служащая впрочемъ болѣе предохранительнымъ талисманомъ. Совѣтуютъ также носить на шеѣ освященное пасхальное яйцо, пока оно не засохнетъ; вмѣсто него употребляется также первое яйцо, снесенное насѣдкою послѣ того, какъ она бросила своихъ цыплятъ. Двѣнадцать узловъ на ниткѣ, конечно, стоятъ въ непосредственной связи съ народнымъ вѣрованіемъ въ существованіе 12-ти сестеръ-лихорадокъ, именуемыхъ дочерями царя Ирода, который и самъ представляется трясущимся, въ пословицѣ: „трасетца, якъ тэй Иродъ"; такъ говорятъ объ очень сердитомъ человѣкѣ, а также о скрягѣ. Двѣнадцать лихорадокъ на весь свѣтъ — это

слишкомъ мало. Имъ приходится постоянно переходить отъ одного къ другому по очереди, и вотъ почему лихорадка часто оставляетъ паціента, а потомъ опять является въ опредѣленный срокъ. Пользуясь этими ея отлучками, можно иногда избавиться отъ нея хитростью. Разсказываютъ про одного, который, ожидая въ урочный часъ свою неотвязную гостью, вздумалъ притвориться мертвымъ, легъ подъ образами, а домашнимъ велѣлъ причитать, какъ по умершемъ. Лихорадка повѣрила, что онъ умеръ, и больше къ нему не возвращалась. Другой сыгралъ съ нею еще лучшую штуку. Ко времени ея возвращенія онъ забрался подъ квашню, перевернутую вверхъ дномъ, а сверху на дно велѣлъ налить воды. Вдругъ слышится стукъ у двери — пришла. Домашніе кричатъ въ окно: „его нѣтъ дома"; но она все-таки вошла въ избу и окликаетъ старика. Онъ отзывается подъ квашней то съ одной стороны, то съ другой, а потомъ и затихъ. Лихорадка ходила—ходила кругомъ, ища его, наконецъ посмотрѣла сверху, видитъ—вода: утонулъ значитъ, бѣдняга. Такъ и ушла, оставивъ старика на всегда въ покоѣ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что теткѣ-лихорадкѣ съ родни, должно быть, родимчикъ, который мучитъ дѣтей: его тоже легко надуть. Когда онъ является въ гости, ребенокъ начинаетъ кричать, а ему это и любо. Тогда нужно поскорѣе высадить ребенка за окно. Родимчикъ, услыщавъ за окномъ его крикъ, пойдетъ его искать, а пока онъ будетъ выходить въ дверь, ребенка слѣдуетъ взять обратно и закрыть окно. Родимчикъ и будетъ его все искать на дворѣ, потомъ пойдетъ по другимъ избамъ, пока не облюбуетъ себѣ другого. У великороссовъ вмѣсто этого накрываютъ ребенка въ такомъ случаѣ съ головою скатертью со стола, можетъ быть, тоже съ цѣлью спрятать его отъ родимчика, или „крикая," какъ его называютъ иначе. Скатерть тутъ могла получить особенную силу и отъ хлѣба, считающаго

ся святымъ; такую-же силу получилъ и столъ, который, напримѣръ, играетъ важную роль въ лѣченіи отъ коклюша: нужно больному проспать по одной ночи подъ всѣми столами, какіе имѣются въ домѣ, и кашель пройдетъ, коли совсѣмъ не задушитъ. Высаживаніе кричащихъ дѣтей за окно напоминаетъ намъ еще одно суевѣрное средство, къ какому прибѣгаютъ крестьяне гродненской и сѣдлецкой губ. въ томъ случаѣ, когда ребенокъ кричитъ съ—перепугу. Тогда отодвигаютъ отъ стѣны „лаву", т. е. скамью, приподнимаютъ немного тотъ ея конецъ, который прилегаетъ къ окну, и высаживаютъ подъ нею три раза ребенка противъ окна, чмокая каждый разъ губами и сплевывая въ сторону. Предпочитаютъ производить это поближе къ камину, такъ что здѣсь можно еще усматривать остатокъ почитанія домашняго очага, какъ хранилища огня, считавшагося и считающагося до сихъ поръ священнымъ и очистительнымъ. Бѣлоруссъ и теперь не позволитъ себѣ непочтительно отозваться объ огнѣ; плевать въ него или производить надъ нимъ какое бы то ни было безчинство также считается великимъ грѣхомъ.

Но вернемся еще къ лихорадкѣ. При всей своей глупости, она къ тому же еще большая трусиха. Она, напримѣръ, боится ружейнаго выстрѣла хуже всякой женщины. Какъ только почувствуется холодъ вслѣдствіе ея приближенія, стоитъ только неожиданно выстрѣлить такъ, чтобы самого больногопередернуло, и она уйдетъ и больше не вернется. Вмѣсто ружья можетъ быть употреблено и другое подобнаго рода запугивающее средство, напримѣръ: стукъ, крикъ и т. п. Кромѣ указаннаго взгляда, что лихорадка сидитъ внутри человѣка, есть у бѣлоруссовъ и другой взглядъ, по которому она будто бы живетъ подъ ногтями; по крайней мѣрѣ, она прежде всего забирается туда, вслѣдствіе чего при наступленіи лихорадки первымъ дѣломъ синѣютъ ногти. Когда она заберется туда, ее никакъ

нельзя выжить, развѣ что ногти остричь при самомъ тѣлѣ; да и то все-таки найдется тамъ такой уголочекъ, въ которомъ она притаится, а потомъ и начнетъ подергивать все дальше да больше; отъ ногтей она разойдется потихоньку по всему тѣлу, и какъ доберется до нутра, тутъ и начнется трясъ.

По мѣстному повѣрію, и морозъ тоже забирается подъ ногти, и у кого они велики, у того скорѣе зябнутъ ноги и руки, начиная съ кончиковъ пальцевъ. Большіе ногти очень удобная защита для лихорадки, и потому великоруссы совѣтуютъ для устраненія этой болѣзни остричь ногти и сжечь ихъ. Но бѣлоруссъ, конечно, жечь ихъ не станетъ, потому что онъ знаетъ, что на томъ свѣтѣ спросятъ даже про самую малѣйшую частицу тѣла, и если чего не будетъ доставать, то пошлютъ разыскивать. А гдѣ-же тогда найдешь сожженные ногти? Такъ и будешь бродить весь свой загробный вѣкъ, разыскивая свои собственные ногти, словно древній грекъ или римлянинъ, умершій безъ погребенія. Поэтому, обстригая ногти, необходимо ихъ завертывать въ тряпочку и складывать въ опредѣленномъ мѣстѣ, напримѣръ, подъ печкою: когда понадобится, пришелъ и взялъ, какъ свое.

Такъ-же слѣдуетъ поступать и съ выпавшими или выдернутыми зубами. Впрочемъ зубы не всегда сберегаются. Часто ребенка, у котораго выпалъ зубъ, подводятъ къ печкѣ, велятъ ему бросить свой зубъ подъ печь, приговаривая: „Мышка, мышка, на табѣ косцяный, дай мнѣ зелѣзный!“ Это дѣлается для того, чтобы выросъ новый зубъ, болѣе крѣпкій, не уступающій мышиному. Такъ какъ мышь въ состояніи разгрызть почти все, что угодно, то зубамъ ея приписывается необыкновенная крѣпость и здоровье. Поэтому даже мышинымъ огрызкамъ придается нѣкоторое цѣлительное и предохранительное свойство: нужно съѣсть, не брез-

гуя, то мѣсто въ хлѣбѣ или въ чемъ нибудь еще, гдѣ надгрызла мышь, и зубы не будутъ болѣть.

По поводу зубовъ мнѣ вспоминается одинъ курьезъ. При раскопкахъ кургановъ въ Игуменскомъ уѣздѣ, мнѣ удалось вырыть нѣсколько человѣческихъ череповъ съ прекрасно сохранившимися зубами. Я взялъ эти черепа и велѣлъ одному парню отнести ихъ на мою квартиру. Парень отказался, и когда я самъ поклалъ ему въ полу эти головы, онъ даже заплакалъ отъ страха. А другіе ещеего пугаютъ:

— Сцяражись, Ясюкъ, кабъ яны къ табѣ у начи ня пришли по гэты головы; тагды яны и табѣ галаву знимуць.

Я успокоилъ парня, что отвѣтственность падетъ на меня, и мы кое-какъ принесли эти головы домой. Спустя нѣсколько минутъ, являются ко мнѣ бабы и именно желаютъ видѣть черепа. Меня удивила такая смѣлость. Но мало того: осмотрѣвъ черепа, онѣ начали меня упрашивать, чтобы я имъ далъ хоть по зубочку.

— Зачѣмъ вамъ мертвецкіе зубы? спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Барыньку, яны-жъ дужа помоцны: кажуць, якъ у каго зубы баляць, то поцярець гэтымъ зубомъ, такъ и занѣмѣюць". Дѣлать нечего, пришлось пожертвовать нѣсколькими зубами, пускай трутъ. Хотя я и старался увѣрить бабъ, что это вздоръ, но мои убѣжденія, конечно, не подѣйствовали.

Какими умозаключеніями дошелъ народъ до этого симпатическаго средства, это ясно изъ слѣдующихъ малорусскихъ заговоровъ противъ зубной боли, вѣроятно извѣстныхъ и въ Бѣлоруссіи, въ томъ или иномъ видѣ: 1) „Мисяць у неби, *Мертвець у гроби*, камень у мори: якъ три браты до купы зберутця и будуть бенкетъ робыты, тоды у мене зубы будутъ болиты". 2) „Ты мисяцю, Адаме, молодыкъ! пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болять? — *У мертвого*

зубы николы не болять: кости здубилы, зубы занимилы, николы не будуть болить. Даруй, Господы, щобъ у мене раба Божого нароженого, молытвенного, крещоного *(имя)* зубы занимилы, николы не болилы!“ Стало быть: какъ мертвецъ не можетъ встать изъ гроба, такъ пусть никогда не болятъ мои зубы; какъ у мертвеца задубѣвшіе и занѣмѣвшие зубы не могутъ болѣть, такъ пусть не болятъ и у меня. Эти эпическія сравненія и подали поводъ къ дѣйствительному употребленію зубовъ мертвеца противъ зубной боли.

Еще въ той-же болѣзни, говорятъ, помогаетъ „громничная“ (срѣтенская), страстная и вообще освященная свѣча: нужно ее кусать больнымъ зубомъ, и боль утихнетъ. Когда понадобится кусочекъ воску отъ святой свѣчки (напр. для писанія яицъ), то никогда ее не рѣжутъ, а всегда откусываютъ, сколько надо. Концы такихъ свѣчей, имѣющихся въ каждомъ домѣ, всегда изгрызены. Эти слѣды зубовъ на святыхъ свѣчахъ бываютъ, впрочемъ, иногда совсѣмъ иного происхожденія. Дѣло въ томъ, что эти свѣчи вѣшаютъ также въ хлѣвахъ для предохраненія скота, особенно коровъ и лошадей, отъ вѣдьмъ и домовыхъ. Завидѣвъ такую свѣчу въ хлѣву, вѣдьма со злостью бросается на нее и грызетъ, не для того, конечно, чтобы полѣчить зубы, а потому, что освященный предметъ служитъ ей помѣхой при выдаиваніи коровъ и т. п. Причину зубной боли приписываютъ маленькому червячку, который точитъ зубъ.

Другія болѣзни приносятся вѣтромъ съ моря или изъ-за моря, изъ горъ, изъ лѣсовъ по волѣ Божьей или же по насланію колдуновъ и чаровницъ. Съ вѣтромъ приходятъ, кажется, только эпидемическія болѣзни, почему народъ и называетъ ихъ „повѣтріемъ“; таковы: моръ, чума, холера, оспа, и т. п. Эти болѣзни являются въ деревню въ видѣ женщинъ, которыхъ однако рѣдко кому случится видѣть. Прикинувшись красавицей, такая болѣзнь обыкновенно останавливается за се-

ломъ на кладбищѣ и оттуда въ сумерки и предъ восходомъ солнца помахиваетъ на село краснымъ или чернымъ платочкомъ, и отъ этихъ взмаховъ люди мрутъ, какъ мухи; ночью она въ томъ или иномъ видѣ ходитъ и по домамъ, хотя иногда бѣжитъ отъ собакъ. Въ одномъ селѣ Бобруйскаго уѣзда во время послѣдней холеры по всѣмъ избамъ умирали, а у батюшки всѣ были здоровы: это потому, что сердитыя собаки не пустили холеру къ священнику во дворъ. Село это раздѣлено на двѣ слободы рѣчкою. Разсказываютъ, что холера началась въ одной слободѣ и долго не перебиралась черезъ рѣчку. Крестьяне будто бы рѣшили и совсѣмъ не пустить ее въ другую слободу и устроили на мосту караулъ. Въ одну темную ночь видятъ они, пробирается черезъ мостикъ холера въ видѣ черной коровы; они налетѣли на нее съ дубьемъ и убили. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, холера прекратилась; другіе-же утверждаютъ напротивъ, что и въ другой слободѣ послѣ этого начали умирать, потому что крестьяне по ошибкѣ убили настоящую корову вмѣсто холеры и, успокоившись на этомъ, сняли карантинъ. Приведу здѣсь кстати слѣдующій весьма интересный случай, хотя онъ имѣлъ мѣсто уже въ другой губерніи. Появилась холера въ одномъ селѣ Сѣдлецкой губ. Константиновскаго у. Чего-чего только не придумывали мѣстные малоруссы, чтобы ее изгнать, ничто не дѣйствуетъ. Наконецъ, кто-то надоумилъ сдѣлать вотъ что: бросить одного изъ умершихъ, въ могилу не опрятывая, не одѣвая, безъ гроба, безъ отпѣванія, да еще лицомъ книзу, и засыпать землею. Такъ и сдѣлали. Была въ этомъ селѣ какая-то шляхтянка безъ роду, безъ племени, притомъ, кажется, старая дѣвушка. Жила она въ церковномъ домѣ, занималась шитьемъ покрововъ для аналоевъ, вышиваніемъ ликовъ для хоругвей, починкой ризъ, дѣланіемъ искусственныхъ цвѣтовъ для иконъ и т. п. Умираетъ эта женщина отъ холеры, и ее-то обрекли

міромъ какъ бы принести въ жертву холерѣ: бросили въ яму, какъ попало, не посмотрѣли даже на ея добродѣтельную и благочестивую жизнь, зарыли, — и холера прекратилась: этой жертвы, стало быть, ей только и нужно было. Въ древнія, болѣе грубыя времена холера, можетъ быть, захотѣла бы живой жертвы, и тогда эту женщину, вѣроятно, зарыли бы живьемъ въ землю; теперь нравы стали далеко мягче, и человѣческія жертвы вышли изъ употребленія... Да вышли ли? .. Посмотрите въ наши захолустья, хотя бы въ Бѣлоруссіи: сколько тамъ здоровыхъ силъ, сколько жизней уноситъ смерть ежедневно! Какъ иначе назовемъ мы этихъ несчастныхъ, если не невинными, напрасными человѣческими жертвами? Оставленные безъ медицинской помощи на произволъ судьбы эти захолустные жители мечтаютъ о томъ, чтобы хоть собаками или дубинами прогнать отъ себя болѣзни. Это не смѣшно, а грустно и больно. . . . .

Прерывая на этомъ наши бѣглые очерки, мы воздержимся отъ какихъ бы то ни было общихъ выводовъ и заключеній. Основанные на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ подобные выводы были бы, съ одной стороны, слишкомъ скороспѣлыми, а съ другой стороны, можетъ быть, не представили бы ничего новаго.

III (*прибавленіе*).

Бѣлорусскія народныя пѣсни Минск. губ.

Въ видѣ сырого, необработаннаго научно матеріала предлагаю народныя пѣсни Минской губ., отчасти записанныя мною лично, отчасти собранныя при посредствѣ другихъ лицъ, изъ которыхъ считаю должнымъ назвать здѣсь двухъ съ выраженіемъ моей искренней признательности: 1) Петръ Александровичъ Гарднеръ, казенный лѣсничій, нынѣ умершій, прислалъ мнѣ 22 пѣс-

ни, записанныя имъ въ Любоничахъ Бобруйскаго уѣзда въ 1882—83 гг.; 2) Маркъ Ѳедоровичъ Давидовскій, народный учитель въ м. Городкѣ Бобруйскаго уѣзда, доставилъ мнѣ въ 1886 г. 60 пѣсенъ [1]) изъ м. Городка, въ томъ числѣ 21 съ напѣвами. Имена этихъ собирателей обозначены въ своихъ мѣстахъ подъ пѣснями буквами Г и Д. Остальныя пѣсни записаны мною въ 1886—87 гг. въ разныхъ мѣстахъ Минской губ. съ образцами нотъ; онѣ обозначены буквою Я съ указаніемъ мѣста записи. Что касается точности записей со стороны языка, то я лично старался по возможности сохранять особенности говора; тексты же, доставленные другими, я не счелъ себя въ правѣ измѣнять, исключая нѣкоторыя явныя неточности и ошибки, которыми въ особенности погрѣшилъ П. Гарднеръ, какъ великороссъ, не вполнѣ освоившійся съ бѣлорусскимъ языкомъ. Обѣ упомянутыя рукописи, доставленныя изъ Бобруйскаго уѣзда, не различаютъ дифтонговъ *іе* (=ѣ, е, и,), у̀о(=о), *ю̀о* = ё) подъ удареніемъ, между тѣмъ въ иныхъ мѣстахъ этого уѣзда эти дифтонги слышатся довольно ясно. Въ пѣсняхъ, записанныхъ мною, буквы *ѣ*, *е*, *и*, *о*, *ё*, произносимыя въ качествѣ указанныхъ дифтонговъ, отмѣчены курсивомъ, причемъ надо замѣтить, что дифтонгъ *іе* въ началѣ слова и послѣ гласной произносится какъ јіе; буква *у*, стоящая на мѣстѣ *л* и *в*, произносится въ ползвука.

Ноты прилагаемыя особо въ количествѣ 39 номеровъ *) (для 45 пѣсенъ), надѣемся, будутъ имѣть свою цѣну хотя бы въ виду того, что въ печати этого матеріала до сихъ поръ появилось очень мало. Отдѣльные

---

[1]) Двѣ изъ нихъ не печатаются, какъ совершенно сходныя съ великорусскими (*Сизенькій голубчикъ сидѣлъ на дубочкѣ* и *Не велятъ Машѣ за рѣченьку ходить*).

*) № 36 записанъ въ Сѣдлецк. губ. (съ малор. словами) и помѣщенъ здѣсь кстати потому, что слова сходны, а мотивъ къ нимъ изъ Минск. г. мнѣ неизвѣстенъ.

бѣлорусскіе мотивы можно найти только въ сборникѣ г-жи З. Радченко, въ „Матеріалахъ“ П. В. Шейна, да кое-что у г. Славянскаго. Другіе собиратели пренебрегаютъ этой частью, забывая, что пѣсня безъ музыки все равно, что тѣло безъ души. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ музыкантовъ имѣютъ собранія бѣлорусскихъ мотивовъ, напримѣръ, обыватель Минскаго уѣзда Михаилъ Ельскій; будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени эти лица познакомятъ насъ со своими матеріалами и тѣмъ помогутъ спасти бѣлорусскую музыку отъ забвенія и отъ пренебреженія къ ней.

Подъ вліяніемъ искусственной музыки въ нашемъ образованномъ обществѣ установился далеко невыгодный взглядъ на народную музыку вообще: она обыкновенно представляется намъ скучною, а величественные обрядовые мотивы считаются монотонными, однообразными. томительными. И бѣлорусская народная музыка едва ли не болѣе всего подвергается этимъ упрекамъ. А между тѣмъ сколько въ ней можно найти красоты, силы, граціи! Вслушайтесь, напримѣръ, въ какую угодно весеннюю пѣсню, которую молодая бѣлорусская дѣвушка поетъ гдѣ нибудь въ полѣ, среди разцвѣтающей природы: это сплошное ликованіе, неудержимо льющееся изъ груди, полной радости, любви и нѣги; это дѣйствительно гимнъ веснѣ, къ которому вамъ такъ и хочется присоединить свой слабый голосъ, если бы не боязнь внести дисгармонію въ эти веселые, полные жизни и силы звуки.

И эта настоящая непосредственная поэзія изсякаетъ, гибнетъ годъ отъ году непризнанная нами. Ее замѣняетъ поэзія пошлаго пошиба, проникающая даже въ самые глухіе закоулки черезъ посредство желѣзныхъ дорогъ, отставныхъ солдатъ, лицъ отправляющихся на заработки и т. д. И не удивляйтесь если въ какой-нибудь бѣлорусской деревушкѣ вы услышите варіантъ подмосковной фабричной пѣсни (напр. „Нидзѣ дружка я не

вижу“=„Кто повѣритъ моей скукѣ“). Отъ городскаго населенія и къ простому народу переходитъ тотъ уродливый взглядъ, что старинныя народныя пѣсни смѣшны, некрасивы, и пѣть ихъ при другихъ стыдно. Когда я спросилъ однажды своего ямщика, не знаетъ ли онъ какихъ-нибудь пѣсенъ, онъ отказался спѣть что-нибудь. говоря, что я самъ буду смѣяться надъ ихъ пѣснями, а то еще, пожалуй, завезу куда-нибудь къ „панамъ“, и они будутъ насмѣхаться надъ глупыми пѣснями и надъ тѣми, кто ихъ поетъ. Мало того, поинтересовавшись, зачѣмъ я записываю простыя пѣсни, онъ высказалъ даже предположеніе, что, должно быть, з̀а нихъ наложатъ штрафъ и не велятъ пѣть. Впрочемъ, и безъ того, прибавилъ онъ, ихъ уже мало поютъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Да и до пѣнія ли тутъ, когда ѣсть нечего и на душѣ скребетъ...

---

1. Свадебныя пѣсни. *)

а) Изъ с. Язылл, Бобр. уѣзда.

1. Прилецѣли гусочки а зъ раю,
Ци уже караваю посаджали?
Ци уже караваю посаджали?
Чаму насъ гусочекъ не звали?
Мы бъ вамъ караваю посаджали
Да своими лапками announced.

(Я.)

2. Откуль каравайницы, 2.
Ци зъ Мира, ци зъ Несьвижа?
Ци зъ Мира, ци зъ Несьвижа, 2.
Ци зъ Языльского села?

---

*) Сравнительныя примѣчанія см. въ концѣ.

Откуль да воду брали, 2.
    Каравай расчи́няли?
Ни зъ Мира, ни зъ Несьвижа, 2.
    Но зъ Языльского села.
Съ калодзяя да воду брали, 2.
    Каравай расчиняли.

(Я.)

3. Да съ суботоньки на недзѣленьку гадзи́на.
Зъѣжджалася Марцинкова радзина.
Звязли, знясли двѣ бочки муки на каравай.
Хвалиць Бога, вяликъ будзе нашъ каравай.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли кваску масла на каравай.
Хвалиць Бога и пр.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли два вѣсы соли на каравай.
Хвалиць Бога и пр.
Да съ суботоньки и пр.
Звязли, знясли яецъ три копѣ на каравай.

(Я.)

4. Черезъ поле да широкее,
Черезъ мѣсто да великее,
Туды бъ ишли каравайницы,
А слуцкіе мѣщаночки.
Нясли муку пшаничную,
Ены йдучи да гаварили:
Станьмо мы да паслухаймо,
Дзѣ музыченьки играюць,
Тамъ аны каравай пякуць
Ручками да бяленькими,
Перстнями залаценькими.

(Я.)

5. Чія бъ жана каравай мясила,
Каравай мясила да Бога прасила:

Ой дай же Боже што дзень, то сьвята,
Што нядзѣлю, то вясѣля.
Кобъ я малада канапель не брала,
Кобъ мае личенько да пыломъ не упало,
Да пыломъ не упало, не упылилося,
Кобъ я малада не утамилася.

(*Я.*)

6. Въ са́дзѣ гальѐ висиць,
Тамъ Марцинковъ каравай мѣсяць,
Боярье избы топяць,
Шоуковые да дымы йдуць,
Съ Кіева купцы ѣдуць,
Залаты обручъ вязуць;
Залаты обручъ вязуць,
Да на нашъ каравай кладуць.

(*Я.*)

7. Добре табѣ, Марцинка,
Што твой баценько багаты,
Да родзиць пшаница въ навинѣ,
Да каравайко на сталѣ;
Сталовыя ножки пагнутца,
Да людзи караваю дзивятца.
Сталовыя ножки згибнули.
Да людзи караваю здзивили.

(*Я.*)

8. Злеталиса пташечки
На чирвону калину,
На салодку малину,
Не сядзѣце, пташечки, не сядзѣце,
Озьмѣце малиночку, обламѣце.
Озьмѣце малиночку, обламѣце,
Сабѣ ягодки обярѣце.
Да збирауса родъ къ роду,
Да старыя бабки на параду,

Маладые молодочки къ караваю.
Не сядзѣце, молодочки, не сядзѣце,
Озьмѣце каравай усадзѣце,
Сабѣ гарѣлочки зарабѣце.

(Я.)

9. Нихто не угадае,
Што у нашумъ караваю.
Лучиночка (*или* свѣчечка) погасиласа,
Целя съ хвастомъ умясилоса.
Целя было не лапо́е (=малое)
Да на лѣто на другое;
Целя было куртате (=куцее)
Да на лѣто на пяте;
Целя было бесхвосте
Да на лѣто на шосте.

(Я.)

10. Хадзѣмъ же мы до коваля,
А скуймо мы да востры м*е*чъ,
Порубаймо мы камяную п*е*чъ,
Откуль каравайка убираци,
Съ п*е*чечки да у вѣчечко,
Да й поставимъ на жицѣ,
Дай Боже маладымъ на жице.

(Я.)

11. Да хвалиць цябе, Боже,
Усё дзѣло зрабила,
Уже каравай усадзила
Ручками да бяленькими,
Перстнями залаценькими.

(Я.)

12. Ѣхала Кацяринка до вѣнца,
Зламала бяр*о*зку съ коренца;

Росьци, мая бярозка, безъ верха,
Бо уже я малада безъ вѣнка. *)

(Я.)

13. Ѣхау Марцинко рѣкою,
Обняу Кацяринку рукою:
Сѣдзи, мая Кацяринка, не дрижи,
Я твой Марцинко, не чужи.
Прошу цябе, конику, подбѣсьци,
Дамъ табѣ аброку подъѣсьци.
Добре табѣ, Марцинко, ѣхаци,
Якаво мнѣ конику бѣгаци.
Добре табѣ, Марцинко, подъѣжджаць,
Што ты будзешъ у сьцилка начевацъ,
Да й за новою скамнею,
Съ Кацяринкою сваею.

(Я.)

14. Выйдзи 2. мая матко, съ сьвичами,
Мы твае дзицятко звинчали
Да съ тымъ чалавѣкомъ, што учора буу,
А сягодня рано прiѣхау 2.
Привёзъ госьцинцы—арѣхоу.
Да не бяри-жъ, Кацяринка, арѣхоу,
Бо тые цябе арѣшки сподманяць,
Отъ роднои матухны отманяць,
Да къ лютому сьвекратку приманяць.

(*Я.*)

15. Ой знаци, знаци, што чужая маци:
Вывернула кажуха, хоче спужаци.

(*Я.*)

16. Ой попе, попе, гардзѣю,
Не звони раненько у недзѣлю,
Зазвони раненько у суботу,

*) Поется и въ м. Урѣчьѣ, Бобр. у.

Кабъ кидали дзѣвочки работу.
Одна наша Кацяринка пышна была,
Да кинула гребенецъ подъ столецъ,
Да кинула гребенецъ подъ столецъ,
Сама ена пошла подъ вѣнецъ.
Верниса, Марцинко, по гребенецъ!
Я табѣ, Кацяринка, да не маладзецъ,
Я табѣ, Кацяринка, да не маладзецъ,
Кобъ я табѣ варочауса по гребенецъ.
Есьць у цебе дружечка—служечка.
Ена табѣ вернетца по гребенецъ.
Ена табѣ вернетца по гребенецъ,
Расчесаць кусочки подъ вянецъ.

(*Я.*)

17. Завивала ее дзядзинка да не жалослива,
А сястрица якъ узяласа,
Такъ слёзками облиласа.

(*Я.*)

18. Не давайса, Кацяринка,
Русое косы расплетаць.
Рада бъ же я да не даласа,
Да скубуць да нибо мясо.

(*Я.*)

19. На дварѣ сонейко заходзиць,
Кацяринка Марцинка праводзиць
За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный.
Верниса, Кацяринка, верниса,
На травѣ росочка роситца,
На цябе бацюхна грозитца.
Я жъ тую росочку отрошу (отрушу?),
Я своего бацюхна упрашу. (2)
Таки своего Марцинка проведу.

За той садочокъ вишнёвый,
За той гаёчокъ зялёный

(Я.)

20. Не жалосливы жъ бацюхна,
Што процивъ ночи вонъ жене,
Мнѣ проводничка не дае,
А ни самъ со мною не ѣдзе.
Пошлабъ же я сама—боюся,
Дарога вялика—утомлюся;
Да на той дарозѣ сторожи,
Тые-жъ мене сторожи сцоймаюць, (2)
По русой касѣ познаюць;
Отъ родного бацюхна отманяць,
Да къ лютому сьвекратку приманяць.
Дзѣ мнѣ маладзѣ ночъ ночеваци:
Ци мнѣ-жъ маладзѣ на вадзѣ;
Ци на поповуй синожаци,
Ци у Марцинковуй караваци?
Да не на поповуй синожаци,
Да у Марцинковуй караваци.

(Я.)

21. Да казала маци: не збуду дзицяци,
Ажно мое дзицятко да само збулоса.
Въ суботу зъ-вечера да не вечерало,
А въ недзѣльку рано да не абѣдало;
А яжъ думала, што волы погнало,
Ажно мое дзицятко да на вѣкъ забрано.
А яжъ думала, што короуки доиць,
А маи коровы да стояць въ обори.

(Я.)

22. Цябе повязуць, а я тутъ буду,
Цябе по...ць, а я такъ буду.
Цябе повязли, отъ и конь пристау,
Мене по..ли, отъ и х..не встау.

(Я.)

23. Выйду я замужъ да подумаю:
Кали добре будзе, я замужемъ буду,
А кали не добре—я назадъ вернуса...

(Я.)

24. Гуляйце, братцы, гуляйце,
Моего сорома не знайце;
Ще я сорома не дойшла,
Сличною панною къ вамъ пришла,
Да на ложу упала дзявою,
А зъ ложи устала жаною.

(Я.)

25. Стояла Кацяринка на ганку,
Кроила чирвону китайку
И послала бацюхну подарку:
Ѣдзь, м*о*й бацюхна, не б*о*йса,
Въ чирвоные чоб*о*тки обуйса,
Сядзь саб*ѣ*, бацюхна, на куц*ѣ*,
Будзе таб*ѣ* гар*ѣ*лочка у сы*цѣ*.

(Я.)

26. Што зъ лугу, зъ лугу да хмарочка встала,
Наша Кацяринка зъ Марцинкомъ спала;
Ена думала, што соромъ будзе,
Ажъ на ёй сорома да никольки нема.
Е*е* бацюхна да на покуць вядуць,
Да на покуць вядуць, червонцы кладуць,
Да виномъ частуюць, словцемъ шануюць,
Виномъзелененькимъ,словцемъвѣрненькимъ.
Дзякую, бацюхна, за твое дзицятко,
Хоць ано маленьке, абы ано добреньке;
Хоць ано не величке, абы румяне личко.
Ци на нашуй улицы рабятъ не было?
Да были рабята, да усё хлопята;
Стояли москали, къ ёй не пристали;

Стояли жоунеры, къ ёй не посьмѣли;
Якъ пришла пора, то й сама дала.
(Я.)

27. Зъ виннаго да калодзязя
Тамъ Кацяринка да воду брала,
Въ свой край да позирала:
Ци не ѣдзе мой бацюхна,
Ци не вязе мнѣ госьцинчика,
Госьцинчика—моего кубличка.
Я не рада госьцинчику,
Тульки рада своему бацюхнѣ.
Ѣдзь, (2) мой бацюхна,
Бо я тутъ не знаюса,
Кажному поклонюса,
И старому, и малому,
И своему Марцинкови маладому.
Кацяринко, дзицятко,
Старому поклониса,
Маладому не схисниса,
Бо стареньки похвалиць,
Маладзеньки сподманиць.
(Я.)

28. Чіибъ тые да приданочки блудзили,
Въ чистумъ поли да дорожечку згубили,
Да пыталиса славнаго села Языля.
Съ подъ нового двора да вышло паненя:
Да сюды, сюды, маи приданочки, до двора;
Это-жъ тое подворье, што вамъ быць,
Это-жъ тое застолейко, што медъ - вино пьюць.
(Я.)

б) Изъ с. Юревичъ, Игум. у.

29. Ходзиць рай по улицѣ,—раю мой,
А за раемъ Иванкова мамочка,—раю мой,
За раемъ ходзиць и Бога просиць,—раю мой:

Ко мнѣ, раю, ко мнѣ, Божи, ко мнѣ у дворъ!
Я сына женю и Бога хвалю,—раю мой,
Веселейко на дубейко, (?) раю мой.

(Я.)

30. Тадорчина матка 2.
По улицы ходзиць,
По улицы ходзиць 2.
Да сусѣдочекъ просиць:
Сусѣдочки мои, 2.
А ходзице-жъ вы ко мнѣ 3.
А не ко мнѣ—къ дзицяци 3.
Коровай учиняци.
Ручками бяленькими, 2.
Персценьками золоценькими.
Милые сусѣдочки. 2.
Чи вы дзѣтокъ не маце, 3.
Што ко мнѣ не бываце?
Кобы вы дзѣтки мѣли, 2.
Вы бы ко мнѣ присьпѣли.

(Я.)

31. Ишла дзѣвочка на посадъ,
Махнула хустою напередъ:
Встаньце, бояра, усѣ у радъ,
Будзе ици Марулька на посадъ,
Будзе шукаць батьку мижъ бояръ.
Низенько галовочку клонючи
Свого батьку ищучи.
Усѣ бояре перейшла,
Родного батька не нашла;
Вся моя голова у квѣци,
Нема мого таточка на сьвѣци.

(Я.)

32. Забращали кованы возы на дварѣ,
Зазвонили кубки, талерки на сталѣ,
Защебетали два салавейки на окнѣ,
Да забили маладые свахи у долони,
Заплакала маладая дзѣвочка у комори.
Не отдай 2, мой таточка, отъ себе,
Останетца мая руточка у цебе.
Да и вставай мой таточка раненько,
Паливай мою руточку часценько:
Не паливай маеи руточки водою,
Да паливай маю руточку сытою:
Отъ воды мая руточка желцѣе,
А отъ сыты мая руточка зеленѣе.

(Г.)

33. А паѣдземъ мы, браточка, да дому,
Да повеземъ невольницу съ собою,
Пусцимъ ее въ своёмъ домѣ по волѣ,
Дадзимъ ей золотый ключъ отъ каморы,
Да будзе ана поцихусеньку хадзици,
Да будзе ана аццу й матоццѣ гадзици.
Да вставайце, пышные бояре, уже свѣтъ,
Паѣдземъ у каралевщину на привѣтъ.
Будземъ ѣхаць чатыри мили борами,
А пятую цихусенькимъ Дунаемъ.
На томъ Дунаѣ дзѣвочка хусты бѣлила;
Она бѣлила, вѣрненько Бога прасила:
Принеси, Боже, таго паничка, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.

(Г.)

34. Умненькiй да разумненькiй дзѣцина:
Привязау каня къ зелёному явору,

Самъ пошоу сивой зязюли слухаци.
Мнѣ здаетца, сива зязюля кукуя,
Мая дзѣвочка хусточку рубитъ, спѣвая:
Принеси, Боже, того панича, што люблю,
Дарую ему эту хусточку, што рублю.

(Г.)

35. Да по мору, по синему озеру
Малады дзѣцинка на лебёдочку стрѣляя,
Да правымъ очкомъ на дзѣвочку взирая.
Да по комъ же ты, мая дзѣвочка, удаласа,
У старое золото у ковалёвъ *) поясъ увиласа.
Пусцила сваю касу по кованому поясу:
Нехай косочка зъ буйными вѣтрами лялѣе,
Нехай мамочка по маей косѣ жалѣе.
Да годзи, годзи маей косонцѣ лялѣци,
Годзи матонцѣ по маей косѣ жалѣци.

(Г.)

36. Постаяла староженька у браду,
Да и сама сѣла у вишнёвому саду.
Да аткель ясенъ мѣсяцъ изыйдзе?
Да аткель-же маладый дзѣцинка придзе?
Зыйшоу ясенъ мѣсяцъ зъ зорами,
Прiѣхау маладый дзѣцинка съ сестрами.

(Г.)

37. Ты кланяйса, мае дзиця, не пыжиса,
Пашлюць цебе къ цихаму Дунаю по воду
И скажуць людзи: разумныя маточки, научены бацюшки...

(Г.)

38. На дворѣ дощъ, мяцелица, пляхота,
Нашему дзѣцинкѣ жанитца ѣхаць ахвота.

---

*) =кованый?

Его бацюшко въ варатахъ стаицъ—не вялицъ:
Не ѣдзь 2, мой сыночокъ жанитца!
Ты сваи вараны кони потопишь,
Да ты сваи дарагія шубы помочишь,
Да не журися, мой таточка, обо мнѣ:
Есць у моего сцилухны (тестя) зелёный яворъ
на дварѣ.
Я подъ яворомъ вараныя кони напасу,
А на яворѣ дарагія шубы посушу.

(Г.)

39. На гарѣ два браценька ячмень жнуць,
Да у далинѣ двѣ Кацярины пшаницу.
Дзѣвочка умна, вышла изъ гумна, гукнула:
Принеси, Боже, панича, што люблю,
Дарую ему хусточку, што рублю.

(Г.)

40. Зажуриуса дзѣцинка у дорозѣ,
Што не кованъ его коникъ у возѣ.
Да зачула тое дзѣвчинка:
Да не журиса, дзѣцинка.
Есьць у мене залатыя персценьки,
Будуць тваему конику подковки.
Есць у мене маладыя (?) плёточки,
Будуць тваему конику вожжечки.

(Г.)

41. Ударили лютые марозы на дварѣ,
Замарозили маладую дзѣцинку на канѣ;
Да выходзила его дзѣвочка съ церема
Вынасила кубочекъ вина, мёду два.
Напейса, развеселиса.
Ты самъ маленькій, твой конь старенькій,
Дакъ ты и замёрзъ.
Не журиса, дзѣвочка, не правда твая:

Я самъ маладый, конь мой вараный—
Я не замёрзъ.

(Г.)

42. Разгарѣласа калина,
Да у цёмнумъ лѣсѣ стоючи.
Тушиу вѣтричекъ—не утушиу,
А больше искры разнасиу.
Я цебе, калина, не утушу,
Да утушитъ цебе добры (=дробны?) дощъ.
Расплакаласа дзѣвочка
Предъ сваимъ бацюшкомъ родненькимъ.
Сунимау бацюшко, да не суняу,
Большей жалосци ей поддау:
Я цебе, дзицятко, не суйму,
Да униме цебе канчучокъ,
Да утре слёзочки ручничокъ.

(Г.)

43. Гдзѣ наши очечки глядзѣли,
Што свае дзиця утопили
Да у это село дурное,
За эты мужики-дураки,
Што мѣняюць коней безъ цаны,
Да бьюць жонокъ безъ вины.
По самыя вороты—болоты
А по качережникъ—березникъ.
Братки маи родные,
Берице тапорики острые,
Прорубице, братки, шире дворъ, (=боръ?)
Штобъ обачила бацьковъ дворъ.

(Г.)

г) Изъ д. Строчицъ, Минскаго уѣзда

(отъ гг. Срочинскихъ).

44. Да ляцѣли гусачки циразъ садъ,
Крикнули, гукнули на уесь садъ: (2)

Пара табѣ, Кацяринка, на пасадъ.
Да што-же вамъ, гусачки, да таго?
Есьць у мяне панойцы для таго.
Яны у мяне да шлюбу выправяць.
Братко мяне на пасадъ пасадзиць.

(Я)

45. Памажи Боже вянки виць,
Дай Боже маладымъ доуга жиць.
Ня стой же Боже подъ акномъ,
Да идзи Боже у хату.
Сядзь сабѣ Боже на куцѣ,
Дай Боже долю сирацѣ.
Да я и у сѣнцахъ пастаю,
Сирацину доляй надзялю.

(Я.)

46. Отъ табѣ, Кацяринка, уся надзѣя.
Што твой Марцинка да рабиць ня умѣя,
Ни ораць, ни сямѣнька сѣяць,
Да тольки у карчомцѣ кватерки мѣраць.

(Я.

47. Отъ табѣ, Марцинка, уся надзѣя,
Што твоя Кацяринка да робиць ня умѣя,
Ни шиць, ни прасьци, ни красенкоу ткаци,
Да тольки па улицѣ зъ малаццами гуляци.

(Я.)

48. Сьцерва свацця, сьцерва,
На што касу сцерла,
Змяла, счесала,
Подъ чапецъ схавала.

(Я.

---

2. Родинныя и крестинныя.

Изъ Городка, Бобр. уѣз.

49. Хто у насъ, хто у насъ повночи ходзиць?
Иванка голубчикъ повночи ходзиць,
Ёнъ своей бабочки хорошенько просиць:
Бабочка, голубочка, ходзи ты ко мнѣ.
Иванка, голубчикъ, чаго-жъ я пайду?
Бабочка, голубочка, жена-жъ моя да недужа.
Иванка, унучекъ, чаго-жъ ена да недужа?
Бабочка, голубочка, животочекъ болиць.
Иванка, унучекъ, помолимся Богу и Духу Святому,
Дасць намъ сына, ци дочухну.
Коли сынъ — господаръ будзе,
Коли дочка голубочка — госцина моя.

(Д.)

50. Учора зъ-вечера на родзинкахъ была,
А сегодня поранесенько на хрисцинки пришла.
Закладзице, запражице двананцаць верабьёу,
Отвезице отправацьце бабусю дамой.
Ницъ не поможе, (2) двананцаць верабьёу:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе бабуся дамой.
Учора зъ-вечера и проч.
Закладзице, запражице двананцаць паръ волоу,
Отвезице, отправацьце кумусю дамой.
Ницъ не поможе, (2) двананцаць паръ волоу:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе кумуся дамой.
Учора зъ-вечера и проч.
Закладзице, запражице вороного коня,
Отвезице, отправацьце молодого кума,
Ницъ не поможе, (2) вороненькій конь:
Якъ не захоче, такъ не поѣдзе мой кумочекъ дамой.

(Д.)

---

3. Посидѣлочныя *).

Изъ с. Язылл. Бобруйскаго уѣзда.

51. Сѣдзѣла Рында да на печищи—Рында, 2.
Задрала ноги да на градзище—Рында, 2.
Пришли къ Рындзѣ женихи, взяли Рынду ворухи—
Рында 2.
Ой пошла ана по сусѣдочкахъ—Рында 2.
Да сусѣдочки, маи матушки—Рында 2.
Ой дайце мнѣ по сарочеццѣ—Рында 2.
По сарочеццѣ, по наметоццѣ—Рында 2.
Не спаць було Рындзѣ Пилиповой ночи—Рында 2.
Продзирацъ було дзеркачемъ вочи—Рында 2.
Чортъ-же васъ бери, маи сусѣдочки—Рында 2.
У маего бацька да берэзъ много—Рында 2.
Да здзеру-же я бересьциночку—Рында 2.
Да пошiю-жъ я хвартушиночку—Рында 2.
Пазьдзёрочкомъ подпережуса—Рында 2.
Передъ сваимъ женишкомъ якъ наражуса—Рында 2.
Накрыюса я мѣшкомъ, не мнѣ соромъ—женишкомъ—Рында 2.

(*Я.*)

52.**) Запрагу я бугая, куды людзи, туды й я,
Да гаю, гаю,—куды людзи, туды й я. ***).
Да насѣку жъ я да вазокъ пруцья.
Загараджу агародъ на чатыри углы.
Да у первумъ углѣ посѣю я моркву,
А у другумъ углѣ да посѣю бурака,

*) «Пяюць у Пилипоуки, сѣдзячи на кудзели».

**) „Дзѣучата хлопцамъ“.

***) Такъ повторяется половина каждаго стиха.

А у трецюмъ углѣ да посѣю постернякъ,
А у чецьвёртумъ углѣ да посаджу рѣпу,
Серодъ агароду—чирвоную рожу.
Кому тая морковъ? Да Марцинку морковъ.
И у хату йдзе—скребетца, и съ хаты йдзе—скребетца.
Кому той бурачокъ? Да Пилипу бурачокъ.
И у хату йдзе чирвоны, и съ хаты йдзе чирвоны.
Кому той постернякъ? Да Еухиму постернякъ.
И у хату йдзе—постаиць, и съ хаты йдзе—постаиць
Кому тая рѣпа? Да Павлюку рѣпа.
И у хату йдзе -лупитца, и съ хаты йдзе—лупитца.
Кому тая рожа? Да Ивану рожа,
Кабъ я яму была да дзѣвочка гожа,
Да гаю, гаю,—да дзѣвочка гожа.

(*Я.*).

а) *Юревичи. Игум. у.*

53. А у поли, у поли зялёная елочка,
Сьвятый вечёръ *)—зялёная елочка.
Подъ тою елочкою—зялёная далинка,
А на той далинцѣ вараны конь ходзиць,
А на томъ кони—залатое сядзелце,
А на томъ сядзелцы—залатое стременце,
А на томъ стременцы—маладый паничикъ.
А на томъ паничику вишнёвая шапочка,
А на той шапоццѣ—чирвоная квѣточка,
А на той квѣтоццѣ—яровая пчолочка.
То-жъ ня квѣточка—его дзѣвочка,
То-жъ ня пчолочка—его жоночка.
Мнѣ съ квѣточкою только дзень быци,
А зъ жоночкою треба вѣкъ жици,
Святый вечоръ—треба вѣкъ жици.

(*Я*)

54. Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
Святый вечоръ *)—чоуночокъ плыве.
А у т*о*мъ чоуночку—малады паничикъ.
Приплывае ёнъ къ царскому двару.
Выносяць яму полмисокъ грошей.
В*о*нъ шапки ня зняу и грошей ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у т*о*мъ чоуночку—малады паничикъ;
Приплывае ёнъ къ панскому двару.
Выводзяць яму вараного каня.
Ёнъ шапки ня зняу и коня ня узяу.
Да на синюмъ мори чоуночокъ плыве,
А у т*о*мъ чоуночку—маладый паничикъ;
Приплывае ёнъ къ сьцёвому двару:
Выводзяць яму маладую панну.
Ёнъ и шапку зняу, и панну, соб*ѣ* узяу.
Сьвятый вечоръ,—панну соб*ѣ* узяу.

(*Я*)

б) С. Горки, Бобр. у.

55. Щодры вечеръ добрымъ людзямъ,
Ци дома дома самъ панъ господаръ?
Ой дома дома самъ панъ господаръ:
Сѣдить онъ соб*ѣ* у конца стола.
Позвольте (ци позволять) нашему козлу по-гуляць...
Ну-ну-ну, козёлъ, поворочайся
Да и на н*о*жечки, да и на р*о*жечки,
На копыцики на золотые.
Тыжъ гаспадынька не будь такая,
Якъ тая была барабаниха.
А будь ласкава, запали ск*ѣ*почку,
Запали ск*ѣ*почку, да падзи у кл*ѣ*точку,
Да набери мачку на тарилочку.

---

*) Послѣ каждаго стиха.

Нашему козлу не много треба:
Семъ печъ перяпечъ, решето овса,
Решето овса, на верхъ колбаса,
На ресьцѣ мачку хоць на тарелочку,
Було-бъ намъ маладзёнамъ на гарелочку.
Судзи тобѣ Боже сынки женици,
Сынки женици, дочки оддаваци, (2)
Да й насъ молодыхъ на веселе зваци.

(*Я*

в) С. Языль, Бобр. у.

56. Кому вечеръ, кому вечеръ,
А мнѣ вечерище 2.
Да усимъ дзѣукамъ по казаку,
А мнѣ овчарничка 2.
Да й погнау мой овчарничка
Да у поле овечки 2.
Да й загубиу овчарничка
Малое ягнятко 2.
Была у мене жуковинка
Съ трема́ каменцами 2.
Нема моего овчарничка
Исъ поля съ овцами 2.
Кали-бъ же я щука-рыба,
То-бъ я помырнула 2.
Таки-бъ же я своего овчарничка
Къ серцу пригорнула 2.
Кали-бъ же я крыла мала,
То бъ я палецѣла 2.
Таки-бъ же я своему овчарничку
Въ очки поглядзѣла 2.

(*Я*)

57. При дарозѣ дзьвѣ берозѣ,
Сарока зависла 2.

Кличе маци вечераци,
Вечера покисла 2.
Да вже-жъ бо мнѣ, моя матка,
Вечера не мила 2.
Не бачила, моя матка,
Съ кимъ я говорила 2.
Якъ бачила у середу,
Жанучи череду 2.
Якъ бачила у вувторокъ,
То уже недзѣль сорокъ 2.
Да выйду я на улочку,
Рассыплю я карты 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе жарты 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я иглы 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе игры 2.
Ой выйду я на улочку,
Рассыплю я рѣшки 2.
Минаютца, моя матка,
Дзѣвоцкіе сьмѣшки 2.

(Я)

5. Масляничныя.

Юревичи, Игуменск. уѣзда

58. Я маладзенька не угадала,
Цы было лѣто, цы не было.
Мамка на вулку не пускала,
Въ каморочку замыкала,
А въ камороццы — океничко,
А на океничку — кватерочка.
А я выбью вокенечко,
Зярну, гляну на вулечку:

На вулеццы дзѣуки ходзяць;
Дзѣуки ходзяць и гуляюць, (2)
А мой нелюбый передъ водзиць.
А бодай ёнъ таночку не зводзиу,
Якъ я вѣночка не зносила.

(*Я.*)

59. Кароука мыче, вясну кличе;
Воликъ бушуе—вясну чуе.
(Курка кудахче—ѣсьци хоче);
Дзѣвочка плаче—замужъ хоче.
Не мычъ, кароука, намычисся,
Не бушуй воликъ, набушуесся (2)
Не плачъ, дзѣвочка, наживесся

(*Я.*)

---

6. Великодныя.

а) Юревичи, Игуменск. уѣзда.

60. А на рыночку проти ганочку,
Зялёны яворъ, зялёны. (прип.)
Тамъ сядзѣла да паненочка,
Да паненочка—молода Ходорка.
У правой руцѣ да кубокъ несе,
А у лѣвой руцѣ—уциральничекъ.
А тудой ишоу купецкій сынъ,
Проситъ кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Ни дала кубка умывацися,
Уциральничка уцирацися.
Хоць купецки сынъ, да не роуня мнѣ.
А на рыночку... и пр.
Тудою ишоу мужицкій сынъ

Проситъ кубка... и пр.
Хоць мужицкій сынъ, да ты роуня мнѣ.
Дала кубочка умывацися,
Уциральничка уцирацися.

(Я.)

61. У гародзи за клѣткою,
Росла рожа исъ квѣткою.
Хтожъ тую рожу щипаць будзе?
Молода паненка защипала,
Защипавши у рукавецъ клала,
Зъ рукавца брала, къ лицу ровновала:
Кобъ мое лицо да такое было,
Не пошла бъ я за богатого,
А пошла бъ я за сенатора,
Што съ коника не ссѣдае,
Меча съ плеча не скидае,
Пуховой шапки не знимае.

(Я.)

б) Новыя Дороги, Бобр. у.

62. У городчичку на трасочничку
Да не макъ—рожа расцвѣтала,
Христосъ воскросъ на увесь сьвѣтъ! (**прип.**)
Вышла—выцекла красна паненка,
Красна паненка, молода Кацеринка,
Тую рожу сощипала,
Къ своему лицу ровновала:
Кобъ маё лицо таково было,
Не вышла бъ я ни за селянина,
Ни за селянина, ни за дворанина,
А вышла бъ я за такого пана,
Што съ коника не ссѣдае,
Съ стременъ ножекъ не выймае.

(Я.)

7. Весеннія.

а) С. Языль, Бобр. у.

63. Волъ бушуе, весну чуе;
Воронъ краче, сыра хоче;
Дзѣука плаче, замужъ хоче.
Не бушуй, воликъ, найоресса;
Не крачъ, воронъ, нажересса:
Не плачъ, дзѣука, наживесса.
Волъ бушуе, найоравшиса;
Воронъ краче, нажравшиса;
Дзѣука плаче, сына мѣуши.

(*Я.*)

64. На муравѣ на туравѣ
Лежитъ цѣло, якъ дзень бѣло.
Прилецѣло три пташеки...
Одна сѣла у головочкахъ,
А другая блиско серца,
А трецяя у ножечкахъ.
Што у головкахъ—матка яго,
Блиско серца—сестра яго,
А у ножкахъ—жена яго.
Матка плаче вѣкъ одъ вѣку,
Сестра плаче годъ одъ году,
Жена плаче до й-обѣду.
По й-обѣдзѣ други ѣдзе:
Якъ гай, дакъ гай наймилѣйши,
Цебе у голоу, у мене лѣпши.

(*Я.*)

8. Купальскія

М. Городокъ, Бобр. уѣзда.

65. Ой мала ночка Петровочка,
Ня выспалася молодочка,
Да сукала шнуры шоукȍвы
Да на черевички замшȍвы,
Сяму таму запродала,
А своему милому й такъ оддала.

(*Я.*)

66. Да плавау чоуночокъ по рѣчеццы,
Да плакау Донатко по дзѣвоццы;
Содрау лычечко съ крапивочки:
Хоць задавѣце безъ дзѣвочки.

(*Я.*)

67. Да на Купалья ночка мала,
Ой яжъ молодзенька не доспала,
Да сукала шнуры шоуковые,
Да рубила хусты рипсовые,
Да сему тому продавала,
Молодому Гардзѣйку даромъ давала.

(*Д.*)

---

9. Жнивныя и покосныя.

Строчице, Минск. уѣзда.

(Отъ гг. Срочинскихъ).

68. Я думала—зажалася,
Ажъ зноу съ хвастомъ засталася:
Я думала—скрипки йграюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ вядуць;

Я думала—пирогъ даюць,
Ажъ мяне зноу за хвостъ лаюць.

(*Я.*)

69. Да я у полѣ жита жала,
Ажъ мянѣ у дому бяда стала:
Звалилася сьвякроу съ тыну,
Да у жижкую крапиву.
Ня шкода жъ мнѣ сьвякровачки,
А шкода жъ мнѣ крапивачки.
Бо сьвякроу сама зноу устане,
А крапиука зноу завяне.

(*Я.*)

70. Кациуся вянокъ съ поля,
Да прасиуся ёнъ да пакоя:
Пусьци мяне, панокъ, да пакоя,
Да ужо жъ я у полѣ настаяуся,
Да мяне вѣтрикъ намахауся,
Да мяне дощикъ накрапляуся.

(*Я.*)

б) Юревичи, Игумен. уѣзда.

71. Ишоу Богъ дарогою 2.
А за Богомъ нашъ паночокъ:
Ка мн*ѣ*, Боже, ка мн*ѣ*, 2.
До маёго гуменца.
Маё гумно вяликое 2.
Азяроды высокіе.
Маё гумно великое 2.
Переплёты широкіе.
Есьць дзѣ азяредзиць,
Е дзѣ копы класьци.

(*Я.*)

72. Пора домоу, пора,
Сьцюдзёная раса пала.

А першая Боговая,
А другая дожджовая, 2.
А трецяя снѣговая.
Мы першую будземъ пици,
А другою лицо мыци, 2.
А трецюю топтаць будземъ.
Боговую будземъ пици,
Дожджовою лицо мыци 2.
Снѣговую топтаць будземъ.

(*Я.*)

73. Пойду я дарогою,
Пущу голосъ дубровою;
Нехай голосъ голосуе.
Нехай же мой татка чуе,
Нехай же мой татка чуе,
Дзѣ мое дзиця ночуе.
Колижъ мое дзиця пѣе,
Нехай воно домоу идзе:
Коли вона невѣхночка,
Нехай болѣ пожинае,
Мого поля повидае,
Къ моему полю привыкае,
(Къ моёй ячной лусьци,
Къ нясолоный капусьци),
Къ моему полю далёкому
Къ моёй нивѣ да широкуй.
Мое поле далёкое,
Моя нива широкая.

(*Я.*)

в) с. Язылъ, Бобр. уѣз.

74. Нашъ панъ баранъ, баранъ, 2.
Не пускае домоу зарань.
Наша пани овечая, 2.
Дзержитъ жнеекъ до вечера.

Пусьци, пани, до дому 2.
Старыхъ бабокъ ручки зябнуць,
Молодочекъ дзѣтки плачуць, 2.
На дзѣвочкахъ вѣнки вянуць.

(*Я.*)

75. Говорила гарѣлочка 2.
Да на своихъ пивоварувъ:
Коли мене не уварице, 2.
То вы мене не удзержице
Ни у дубовыхъ бочечкахъ, 2
Ни у залѣзныхъ обручикахъ.
Говориу же Марцинка 2.
На своего бацюхна:
Коли жъ мене не женице, 2.
То вы мене не удзержице
Ни у цёмнуй цямницы, 2.
Ни у сьвѣтлуй сьвѣтлицы.

(*Я.*)

76. Да вишенька цярашенька
На дворъ налягае,
А съ-пудъ тое вишеньки
Сивы конь убѣгае;
Не самъ же ёнъ убѣгае,
Да паничикъ уѣжджае.
На ёмъ кудры маюць,
Да на ёмъ шубы зяюць.
Паничикъ молодзеньки,
Хто кошулю вышивау?
Шила матка старенька,
А сестрица маленька:
Шила матка, вышивала,
Сестрица злотомъ укладала, 2.
Да на мене ускладала.

(*Я.*)

77. Великъ нашъ боръ, великъ
Надо усѣми борами,
Богатъ нашъ панъ, богатъ
Надо усѣми панами.
Нема таки пана дома,
Поѣхаў онъ у въ Шклово
Чарочекъ покупаци,
Жнеечекъ частоваци.
Наши жнейки маладые,
И(**ихъ?**) серпочки залатые,
По мѣсячку жито жали
И серпочки поламали.

(*Г.*)

78. Лѣтомъ, дзѣвочка хороша,
Я улюбиуса у цебе.
Я улюбиуса у нещасцье,
Намъ съ табою не владаць.
Не имѣу нидзѣ я щасцья,
Сизы бъ крылушки сабѣ:
Стрепенууса, полецѣў бы
У размашистъ, зелёный садъ;
Сѣу бы, пау бы я Машенькѣ,
Сѣу бы на правое плечо,
Посмотриу бы я Машенькѣ
Во румяное лицо.
— О чёмъ, о чёмъ, раз-Машенька,
У лицѣ худа и блѣдна?
— О томъ, о томъ, разголубчикъ,
Тосковала о табѣ.

(*Г.*)

79. Жена мужа пробовала,
На попари припинала.
Ой мой мужу татарину,

Да ѣшь траву попарину,
Да пи воду луговую,
Люби мене молодую.

(Д.)

80. Коля коля рѣчки
Да ходзила паненочка,
Да сѣяла руту—мяту.
Росци, росци, рута мята,
И тонкая, й высокая,
Съ кореньейка глубокая.
Якъ у восень за—мужъ пойду.
Такъ я цебе свинямъ порву;
Якъ у свойго татки буду,
Такъ я цебе полоць буду;
Якъ у восень за—мужъ пойду,
Нехай цебе кони стопчуць,
Да коники гарцуючи,
Молойчики танцуючи. (Д.)

10. Лѣтнія *).

Изъ м. Городка, Бобр. у.

81. Зелёная дубровочка,
Чаго рано зашумѣла,
Жоутымъ листомъ зажауцѣла?
Ой якъ же мнѣ не шумѣци,
Жоутымъ листомъ не жауцѣци?
Церезъ мене дубровочку
Да битая дорожечка:
Да што дзень купцы ѣдуць,
На коники дубцы рѣжуць,
На кореняхъ огни кладуць.

*) Такъ значится въ рукописи г. Давидовскаго.

Съ—подъ каменя воду беруць.
Везуць соби волыночку,
Молодую украиночку;
Да за ею погонъ идзе—
Ее родный ойченько.
Вернися, волыночка,
Вернися, дзиця моё!
Вернися, мой ойченько,
Вернися, не томися:
Ты мене не догонишь,
Только ножки потомишь.
Да кали мнѣ добро будзе,
То я къ табѣ листы пришлю,
А кали мнѣ лихо будзе,
То я къ табѣ саму приду.
У виръ, дзиця, галавою,
А не ко мнѣ удавою! (*Д*)

82. Да гула пчолка, гула, (2)
По бору летаючи,
Да медокъ збераючи:
Горки мой медочку
Да безъ цебе, мой бортничку.
Да плакала удовочка,
Да по двору ходзячи,
Да дровца збираючи,
Да обѣдъ готуючи:
Горкій мой обѣдзе
Да безъ цебе, мой миленькій.
Сама сяду на покуци,
А дзѣтками осаджуся,
Слёзками обольюся.
Дзѣтки жъ мои маленькія,
Слёзки мои дробненькія;
Дзѣтки мои побольшали,
Слёзки мои погоршали.

(*Д*)

11. Историческія.

а) Изъ Слуцкаго уѣз.

(по рукописи гимназиста г. Н. Береснева)

83. Изъ—за Слуцка, изъ - за Клецка
Будзе дружба молодзецка,
Отъ княжати мѣста Пинска,
Мѣста Пинска воевати, (2)
Отъ ляховъ обороняти.
Хоть пришли, не дали рады,
Погинули уси одъ здрады.
А я пойду у постъ велики
До Турова до владыки,
Щобъ молебень отслужити,
Да й покаюсь за грѣхи.
День и ночъ буду молити,
День и ночъ буду просити,
Щобы згинули ляхи.

(*Я*)

б) Изъ м. Городка. Бобр. уѣзда.

84. Ой мяцежница Варшава,
Бунтовщица издавна.
Збунтовалися поляки,
Черци стары оборваны,
Всѣ косцёлы поламали,
Хресты, звоны познимали, 2.
Саби пушки поуливали.
Якъ поуливали саби пушки,
Пошли всякій дзень пирушки...

(*Д.*)

12. Разныя *).

а) Изъ д. Строчицъ, Минск. уѣз.

(Отъ гг. Срочинскихъ).

85. Парасла крапива выше гарадзища,
Кабъ не наши паничи, не былобъ игрища.
Пагарѣли хамуты, пагарѣли лямцы.
Пагалѣли дзѣцюки, не съ кимъ исьци у танцы.
А я тыхъ хамутоу тушици ня буду,
А я тыхъ блазноу просици ня буду.
Чи я у маци не дочка, чи я не дачушка,
Руса коса да пояса, червоная устужка.
У гародзѣ на градзѣ три каливы мяты.
А хто мене пацалуе, не вылѣзе съ хаты.
У гародзѣ на градзѣ три каливы бобу.
А хто мене пацалуе, не выбудзе году.
Сѣю руту, сѣю мяту, рута зеляненька.
Еще замужъ не пайду, еще маладзенька.
А я той руцѣ-мяцѣ вяршки посьцинаю.
Еще замужъ не пайду, еще пагуляю.
Еще сабѣ пагуляю, якъ рыбачка па Дунаю,
Туды-сюды повярнусь и никого не баюсь.

(*Я*)

б) Изъ г. Минска.

(отъ г. Г—га).

86. Ишоу Тодоръ и съ Тадорой,
Знайшоу лапоць и зъ аборой:
Ой ты Тодоръ, я Тадора,
Табѣ лапоць, мнѣ абора.

(*Я.*)

---

*) Поются, когда угодно; нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно рекрутскія и солдатскія.

87. Ишли дзѣуки баразною,
Нашли [redacted] зъ барадою.
Адна каже: рѣжмо!
Друга каже: ѣжмо!
Третця каже: ня псуймо,
Да па разу усуньмо!

(*Я.*)

88. Нашъ татулька упиуся,
На матульку узбиуся;
А матулька лихая,
Татулька спыхае.

(*Я.*)

89. А што жъ гэто за Лявониха была!
Не салёную капусту дала,
Не салёную, не вареную,
Толька трошки перяпареную.
А дзѣ-жъ тые кавалёчики,
Што куюць тапарочики.....

(*Я.*)

Изъ с. Юревичъ, Игум. уѣз.

90. Ай на морѣ волма бье,
Салдатъ на войну идзе;
Дзѣука плаче а рыдае,
Хустой слёзы уцирае.
Ня плачъ, дзѣука, не рыдай,
Хустой слёзы не уцирай;
Тогда, дзѣука, заплачешъ,
Якъ на войнѣ обачишъ.
Ай салдацкая ѣда—
Сухари да вода,
А салдацкая посьцель—
Мундирикъ да шинель.
Мундирикъ подъ бочокъ,

Шинеликомъ обкрыуся, 2.
Слёзками облиуся.
Вы слёзки мо*и* гарачіе,
Откацицеся отъ мене,
Я на чужой старан*ѣ*,
Прикацицеся къ тому,
Хто зъ жаною у дому.
Да пріѣхау бѣлый царъ,
Нашъ бацюшка государъ.
— Харашо вамъ, ребята,
На страженіи стаяць?
Ай харашо, харашо,
Нашъ бацюшка государъ:
По капыты у крыв*ѣ*,
По кал*ѣ*ни у труп*и*.
А царица, наша мацъ
Стала ребятъ абучацъ:
Ой вы, дз*ѣ*тушки ма*и*,
Вы рабятушки ма*и*,
Мы у крѣпосьцъ забяромся,
Тогда съ туркамъ подзяромся.
Наши кулюшки идуцъ,
Та-дыкъ (такъ какъ) пчолушки гудуцъ.
Салдатъ идзе на Капкасъ,
Мужикъ *ѣ*дзе на кирмашъ;
Салдатъ идзе съ Капкасу,
Мужикъ *ѣ*дзе съ кирмашу.
Салдатъ празника дажжотца,
Серце кроую оболлётца;
Мужикъ празника дожжотца,
Какъ сьвинья водки нажротца;
Закотитца за жану,
Какъ за камянну сьцяну.
Салдатъ идзе *на восьпи*, *)

---

*) „Въ калавуръ", пояснилъ пѣвецъ (отставной солдатъ). Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть, *осецъ* овинъ? Есть

Мужикъ ѣдзе у госьци;
Салдатъ идзе зъ восьцéй,
Мужикъ ѣдзе зъ госьцей;
Мужикъ ѣдзе пахаць,
Салдатъ жонку у караваць.

(*Я.*)

91. За Дунаемъ за рѣкой,
Тамъ малойчикъ гуляу,
Полынь-трóвушку зрывау,
На конюшню брасау,
Своего коня напасау...

(*Я.*)

г) Изъ с. Языля, Бобр. у.

92. Ляжиць камень надъ (*sic*) водою, 2.
Енъ не разобьецца;
Стоиць милый съ чужой жаной 2.
Енъ не разойдзецца.
Яжъ молода коло ихъ ишла, 2.
Яжъ ихъ ни чипала;
Только тяжко моёму серцу, 2.
Што я присягала.

(*Я.*)

93. Оддау мене бацько замужъ молодую,
Ой дау же мнѣ Гóспудъ долечку лихую.
Была у мене коса, коса до пояса,
Вырвау яе милый усю до волоса.
Ой уу поли у поли стаитъ садъ зелёны,
А у томъ садочку дзѣучина гуляла,
Проколола ножку на калючу розку.
Балиць моя ножка, балиць оченъ болно,
Нагуляуся баринъ зъ дзѣукою доволно.

еше *осци,-ей* (острога), которое больше подходило бы по формѣ, но меньше по смыслу.

Запражице яму да новые санки,
Поѣдзе нашъ баринъ до свае коханки;
Запражице яму да новый вазочокъ,
Поѣдзе нашъ баринъ у новый гарадочокъ.
А за имъ дзѣучина, за имъ у слѣдочокъ:
Гнала ена гнала, никакъ не догнала:
Заболѣли еи воченъ болно ножки,
Стала ночоваци ена упоудорожки.
Ѣхали казаки яны съ украины,
Стали пробужаци прекрасной дзѣучины:
Уставай, дзѣучина, устань и ѣдзь изъ нами,
Устань и ѣдзь изъ нами, зъ нами казаками.
Дзѣучиночка устала, цяженько здыхнула,
Цяженько здыхнула, жалко заплакала.

(*Я.*)

д) Горки, Бобр. уѣзда.

94. Выхадзила дзѣучиночка за новыя ворота,
За новыя, кляновыя, за решетистыя,
Вынимала исъ кармана тонкой бѣленькой платокъ,
Воцерала любезному свему горкія слёзы.
А уцёрши горки слёзы, на крутую пошла горушку,
А на тую гору крутую, дзѣ скончаласа любовъ.
Наша любовъ не большая, вотъ разлука цяжела,
Разлучила насъ неволя, чужедальня сторона.

(*Я.*)

е) Новыя Дороги, Бобр. уѣзда.

95. Соловейко маленьки,
Твой голосокъ тоненьки,
Леци у нашу старану,
Накажи роду моему,
Што я бѣдна сирота,
Што у мене роду нема,

Тольки адзинъ дзядзько,
Якъ родны мой бацько.

(Я.)

96. И сёгодня не быу, и учора не быу:
Видно мой милы на мене забыу.
О, не забыу, хиба забуду,
Якъ пойду, семъ годъ не буду.
О, есьць у мене муляри свои,
Отмулюю я милого къ собѣ.
Отмулюю его хоць на дощеццѣ,
Да й поставлю его у концы стола,
Поставлю его у концы стола,
Да й буду смотрить, якъ на сокола.
Ой зачимъ соколъ смуценъ не весёлъ?
Ой якъ-же мнѣ весёлому быци:
Учора зъ-вечора уточка была,
А сёгодня разстрѣляная.
Не жаль бы було, кабъ ее на водзѣ,
А то у лузѣ, у черецѣ.
Ой чому козакъ смуценъ, не весёлъ?
А якъ-же мнѣ весёлому быци:
Што учора зъ—вечора дзѣвочка была,
А сёгодня засватана.
Не жаль бы мнѣ было, кабъ ена далёко,
А то за сусѣдочку:
У клѣць идзе, добраночъ дае,
Исъ клѣци йдзе, добрыдзень дае.

(Я.)

ж) Городокъ, Бобр. уѣзда.

97. Эхъ, не могу я зъ гора разгуляцца,
Эй да тоски, скуки свае разогнаць.
Пойду зъ гора на быструю рѣчку,
Ой да сама сяду на крутъ бережка.
Ни одна тутъ я здзѣси на рѣццѣ:

Эхъ виджу—бачу свой цѣнь на водзѣ.
(Цѣнь пустая, цѣнь холодная,—да,
Эхъ цѣнь не грѣе мене ничово;
Цѣнь не грѣе мене ничово,
Эхъ, при мнѣ здзѣси нѣту никово).
А съ—пудъ лѣсу ой да поцихеньку,
Ой бачу ѣдзе милый на кони.
Здраствуй, милая моя красаука (забаука)!
Ахъ я нарочно просьцитца зайшоу.
Езьли дасьцъ Богъ—назадъ повернуса,
Эхъ, три подарки тобѣ привезу:
Первый подарокъ, ты моя красаука,
Ой на голову да шалёвый платокъ;
Други подарокъ, ты-жъ моя забаука,
Ой да на шiечку замша—замшушка;
А треци подарокъ, ты-жъ моя красаука,
Ой да на ручечку злоты персьценёкъ.

(*Я.*)

98. Была я у бацьки на выгодзѣ,
Сѣяла орѣшки въ огородзи;
Росцице орѣшки выше плоту,
Отдау мене бацька за блазноту.
Чужiе молойцы пьюць, гуляюць
А моей блазноты не примаюць.
Бодай вамъ, молойцы, лиха у грудзи,
А зъ моей блазноты будуць людзи.

(*Д.*)

99. Якъ мнѣ тошненько, якъ мнѣ нудненько,
Сама не знаю чего.
Эй, ой пойдзице-жъ вы, приведзице мнѣ,
Кого я вѣрно люблю: *)

---

*) Для слѣдующаго куплета повторяется 2-я половина предыдущаго (безъ *эй*): *Ой пойдзице и т. д.*

Эй, черномазаго, черноглазаго,
Русы кудзерки у его.
Эй, ёнъ чау (-чесау) кудри, ёнъ чау русы,
До барыни поспѣшау.
Эй, церезъ рѣченьку, церезъ быструю
Мостовинушка лежиць;
Эй, о по той же да мостовинушкѣ
Другъ любезный проходилъ;
Эй, мостовинушка возыбнулася,
Другъ сердечный утонулъ.
Эй, о пойду же я молодёшенька
Всё й по крутымъ бережкамъ,
Эй, ци не сустрѣну, ци не споткаю
Рыбалойцау молойцоу.
Эй, вы молойчики рыбалоуники,
Закидайце невода!
Эй, ци не зловице, не споймаеце
Мойго милаго дружка.
Эй, коли зловице и споймаеце,
Буду рѣчку вспоминаць;
Эй, якъ не зловице, не споймаеце,
Буду рѣчку проклинаць:
Эй, да бода рѣчка, да бодай быстра
Жоутымъ пескомъ заплыла,
Эй, якъ же ты мойго милаго дружка
Въ цихій Дунай занесла.

(Д.)

100. Ой скучно мнѣ, скучно,
Якъ былинцы въ поли,
Нихтожъ не разважиць
Мене молодои.
Яжъ тую развагу
Я й сама разважу,
Посцелю посцельку,
Сама спаци лягу.

Посцелькаька, бѣл
Сама моленька, а,
Подушка пуходзенов
Сама черноброва.
Устану раненько,
Умыюся бѣленько,
Сяду подъ оконце,
Навсходъ ясна сонца.
Ёще ясенъ мѣсяцъ,
Ёще не заходзиць,
Да уже мой миленьки
По рыночку ходзиць, (2)
Молодушекъ водзиць.
Ахъ, мой ты миленьки,
Якій не вѣрненьки!
Гардуешь ты мною,
Якъ вѣцеръ горою, (2)
Туманъ долиною,
Такъ и ты да мною,
Мною молодою.

101. Была саби удова,
Породзила сыны два;
Породзила повила,
Въ колыбелюшку вшила, (2)
Въ цихій Дунай пусцила.
Ты, Дунайчику мой,
Ты досматривай ихъ.
А вы, цихія волны,
Покалыхивайце!
А вы, ницыя лозы,
Содзѣвайце вы ихъ!
А вы, жоутые пески,
Накармляйце вы ихъ!
На пятнадцатомъ году

Пошла удова по воду,
Стала удова воду брацъ,
Стау каребчикъ приплывацъ,
А на томъ же карабцы
Два удалые молойцы:
Одзинъ сѣдзиць на брусу,
Чеше русую косу;
Другій сѣдзиць на долу,
Поглядая на удову.
Ой, ты, удова молода,
Да ци любишь ты мене, (2)
Да ци пойдзешь за мене!
Я за цебе пойду,
За другого дочь отдамъ.
Штобъ же ты така мацъ
Наскрозь землю прошла,
Штобъ за роднаго сына
Сама замужъ пошла.

(Д.)

102. Калина—малина
У лузи стояла,
У лузи стояла,
Стоячи совяла.
Ци вѣтру боишься,
Ци дождҗу жадаешь?
Вѣтру не боюся,
Дождҗу не жадаю.
Дзѣучина—рыбнина,
Чаго смутна ходзишь?
Ци свѣтъ у неволи,
Ци горкая доля?
Мнѣ свѣтъ не у неволи,
Ни горкая доля.
Не дай же мнѣ, Боже,
Заслужнаго хлѣба.

Бо хлѣбъ той заслужный,
Вельми ёнъ потужный:
Якъ я стану кроиць,
Пани гордо мовиць;
Якъ я его укушу,
Заплакаци мушу.
    Ой тамъ да на горѣ
    Церковка стояла,
    Тамъ же любезная
    Зъ нелюбымъ шлюбъ брала;
Брала-жъ ена брала,
Да у шлюба пытала:
Ой шлюбе мой, шлюбе,
Скажи щиру праудуǃ
Ци горы копаци,
Ци зъ немилымъ шлюбъ браци?
    Горы копаючи,
    Водзицы напьешься,
    Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши,
    Слезьми обольешься;
Горы копаючи,
Сядешь, сопочинешь,
Зъ нелюбымъ шлюбъ узяуши,
Навѣки загинешь.

(Д.)

103. Прилецѣла галка,
Чужая землянка,
Сѣла ена, пала
Да на сухой соснѣ;
    Сѣла ена, пала
    Да на сухой соснѣ,
    Да на сухой соснѣ,
    Спѣвая жалосне:
„Не хилися, сосна,
Бо мнѣ вельма тошно,

Што я въ чужомъ краю
Дармо пропадаю,
Безъ ойца, безъ матки,
Безъ роднаго братки.
Прiѣдзь, братка, въ госци,
Прiѣдзь голубочекъ!
Прiѣдзь, голубочекъ,
Хоць разъ у годочекъ;
Прiѣдзь, прiѣдзь, братка,
Хоць не умывавшися;
Хоць не вмывавшися,
Хоць не вциравшися:
У мене водзица
Съ подъ саду крыницы;
Вода у кубочку,
Ручникъ на колочку:
Возьми, братка, умыйся,
Ручничкомъ утрися;
Ручничкомъ утрися,
Богу помолися,
Богу помолися,
Да й спаци ложися!
А вы, соловейки,
Вы не пѣйце рано,
Вы не пѣйце рано,
Не будзице пана!
Нашъ панъ маладзенькiй,
Мой братка родненькiй,
Учора зъ—вечора
Поздненько прiѣхау,
А сегодня рано
Да уже отъѣжжая,
Мене молодую
Одну покидая.

(Д.)

104. Ой у поли, поли
Вѣцеръ калину колыша,
А братъ до сестрички
Часто листы пиша.
Ци привыкла, сестра,
На чужой сторонцы?
Я хоць не привыкла,
Треба привыкаци,
Треба тое знаци,
Што чужая маци.
Матка-жъ моя, матка!
Дзѣ мнѣ цебе узяци?
Ци мнѣ заслужици,
Ци мнѣ заробици, (2)
Да й матку купици?
Моляры молююць,
Матку одмалююць,
Да все не такую,
Якъ матку родную.
Моляры молююць,
На личко бѣленько,
Да не одмалююць
На словцо вѣрненько.
Моляры молююць
Съ черными бровами,
Да не одмалююць
Вѣрными словами.

(Д.).

105. Жалко было вечерочка,
Што не была учора; (2)
А змѣнився голосочекъ,
Якъ цихая мова.
Голосочекъ у лѣсочекъ,
Циха мова розна. (2)
Не гнѣвайся, мой миленькій,
Што я хожу позно.

Я хожу, гуляю,
Добрый розумъ маю; (2)
Коля рѣчки, коля гаю
Коня наповаю.
Конь вороный воды не пье,
Ёнъ дорожку чуя, (2)
Ой Богъ зная, Богъ вѣдая,
Дзѣ милый ночуя.
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Ночуй, обдымайся! (2)
Жена твоя молодая
Слезьми обливайся.
Ци всѣ тые сады цвили,
Што мы поливали? (2)
Ци всѣ тые вѣнчалися,
Што залецалися?
Половина саду цвице,
Половина вяне; (2)
Половина свѣту скаче,
А другая плаче.

106. Не знала дзѣучина,
Што ёй будзе лиха,
Пусцила жаунѣра
Въ каморочку циха.
Жаунѣръ тамъ побыуши,
Причину зробиуши,
Коника сѣдлая,
Зъ двора выѣжжая;
Зъ двора выѣжжая,
Дзѣучина рыдая;
Дзѣучина остается,
Слезьми обольется.
Не плачь ты, дзѣучина,
Годуй мойго сына!

Назадъ ворочуся,
Съ тобой оженюся.

(*Д.*)

107. Ой, калина—малина,
Да што цебе ссушило?
Ссушили мене буйные вѣтры
И лютые морозы.
Ой, казаче—бурлаче,
Да што цебе ссушило?
Ссушила мене тая дзѣучина,
Што съ чорными очима.
Ты, дзѣучиночка моя,
Да й сухотонька моя,
Выйдзи, дѣвчина, серце, рыбчина,
Поговоримъ съ тобою.
Ой рада бъ я выходзици
И съ тобою говорици.
Лежиць немилый на правой ручицы,
Я боюся пробудзици.
Ты боишься пробудзици,
Я его мушу забици.
Да ци забьешь, ци не забьешь,
Только зъ свѣту изведзешь;
Бери коня, зъѣжжай зъ двора:
Ты не мой, я не твоя.

(*Д.*)

108. Бѣлая береза похилилися,
Жена по мужу зажурилася,
По зелёномъ саду похожаючи,
Свойго милаго побуждаючи:
Устань, миленькій, уже свѣтъ бѣленькій;
Ой по подворку пѣтушки пѣюць,
Да по городахъ барабаны бьюць,
Мойго милаго у пріёмъ ведуць;
Хоць его ведуць, его не здадуць,

Его не здадуць, ему кару дадуць.
Пойду я молода на высоку гору,
Зирну я молода зъ горы у далину:
Ажно у далинѣ да сивый конь стоиць,
Подъ тымъ коникомъ мой братка лежиць,
Надъ имъ сестрица родная стоиць.
Ци я не казала, да мой браточка:
Не бери жены съ чужой стороны,
Ой возьми жену у своёмъ селѣ,
У своёмъ селѣ хоць сусѣдочку,
Хоць сусѣдочку сироциночку.

(*Д.*)

109. Прилецѣли два сизые голубы,
Сѣли, пали у удовушки на дворѣ,
Крыльячками подворьечка подмели,
Очечками свѣцёлышку свѣцили,
Голосами удовушку будзили:
Устань, устань, молодая удова,
Да послухай, да ци шумиць доброва,
Да ци стогне широкая дорога,
Да ци ѣдуць козаченьки изъ войны.
Шумиць, шумиць зелёная доброва,
Стогне, стогне широкая дорога,
Ѣдуць, ѣдуць козаченьки изъ войны.
Ведуць, ведуць миленькаго на кони:
Рубашечка вся же кровью излита
И пулями вся же она избита.
Вотъ цеперь же я на вѣки удова,
Дѣтки-жъ мои да на вѣки сироты.

(*Д*)

110. Ой выйду я на гору, (2)
Посмотру я на рѣку.
Ой на быстрой на рѣцѣ (2)
Нова лодочка стоиць,

Ой у той же лодоццѣ (2)
Страшна смертхуна сѣдзиць.
Ой ты смерць ты моя, смерць, (2)
Приплыви къ моему дому, (3)
Замори мою жену.
Яжъ такъ даромъ не хочу, (2)
Сребромъ золотомъ заплачу.
Не поспѣла ена умерци, (2)
Полотномъ вочи накрыу, (3)
Самъ до дзѣвушекъ пошоу.
Усѣ дзѣуки хороши, (2)
Одна дзѣука лутше всѣхъ,
Што зачесана коса,
Што заплаканы глаза,
То моей жены сестра.

(Д

111. Чимъ дубъ не зелёный?
Ци туча побила?
Козакъ не весёлый,
Лихая годзина.
Якъ мнѣ молодому
Весёлому быци?
Я любиу дзѣучину,
Не могу забыци, 2.
Бо сватали людзи:
Знаць мнѣ молодому
Пареньки не будзе;
Только всее пары.
Што воченьки кары,
Только всей любови,
Што чорныя бровы.
Чорны бровы маю,
Да не оженюся,
Ой пойду я зъ жалю
Въ рѣчку утоплюся.

Не топись, козаче,
Марне душу сгубишь;
Пойдземъ звѣнчаемся,
Кали вѣрне любишь.
Ѣдземъ же мы поле,
Ѣдземъ и другое,
На трейцее поле
Стау конь спотыкаться,
Вернемся, дзѣучина,
Ни будземъ вѣнчаться
Вернемся, дзѣучина,
Нема попа въ дому:
Ци твое нещасце,
Ци моя недоля.

(*Д*)

112. Охъ, не спится, не дремится
И сонъ мене не бероць;
Пошоу бы я до дзѣучины.
Самъ, не знаю дзѣ живець;
Да спрасиу бы товариша,
Пущай мене заведзе,
Такъ товаришъ краснѣй мене,
Ёнъ дзѣвушку отобье.
Ночью дзѣвушка уснула,
Видзѣла дружка во снѣ;
Я уснула, воздыхнула,
Закипѣла кровь во мнѣ.
Чимъ я цебе огорчила,
Скажи миленькій мой мнѣ.
Коли вѣрно не любила.
Отправляй мене домой;
А не хочешь отправляци,
Возьми у ручки пистолетъ.
Узяуши у ручки пистолецикъ,
Разстрѣляй же грудзь мою,

То я буду тымъ довольна,
Што ты укончилъ жисць мою.

(Д.)

113. На гуляньи у канпани
Барынь дзѣвушку обняу,
А дзѣучонкѣ стыдно стало,
Покацились слёзы зъ глазъ,
А мальчишку жалко стало,
Стау дзѣучонку унимаць:
Полно, полно, дзѣучоночка,
Табѣ плакаць и рыдаць.
Заболѣло мое сердце,
Возьму замужъ за себе.
Ты богатый, а я бѣдна,
Не пойду я за цебе.
Хоць ты бѣдна, я богатый,
Не покину я цебе.

(Д.)

114. Мацъ моя, маци,
Мацъ моя родима,
Не оддай мене за рудаго,
Бо я чорнобрыва.
Отдай мене за того,
Што чорные очи;
Ёнъ вочима заморгая,
А я засмѣюся.
Мацъ мене не слушала,
Отдала за рудаго,
Еще ена приказала
Шановаци его.
Я-жъ его не люблю,
Шановаць не мушу,
Ой Боже мой, Боже,
Прими его душу.
. . . .

Черезъ боръ да въ контору
За писара пошла.
Бодай тому писару
Три болячки въ лысину,
Кабъ ёнъ письма писау
И болячки чесау.
Ой тамъ за горою
Цыгане стояли,
Ой тамъ за другою
Шацёръ напинали.
Охъ у той шацёръ
Дѣвокъ зазывали
. . . .
Охъ у сади, у сади
Трава зеленѣя,
За хорошимъ человѣкомъ
Жена молодзѣя.
Охъ у сади, у сади
Трава посыхая,
За поганымъ человѣкомъ
Жена пропадая.
Въ огородзи мята,
За городомъ мята,
На улицы гарны хлопцы,
Молоды дзѣучата.

(*Д.*).

115. Въ рѣцѣ вода лялѣя,
Писаръ гуси гоняя.
Эй, эй, о—хо—хо,
Писаръ гуси гоняя. *)
Писаръ гуси гоняя,
На дзѣвушекъ моргая.

*) Припѣвъ къ каждой строфѣ съ повтореніемъ 2-го стиха.

Вы дзѣвушки—красотушки,
Накажице паненцы,
Накажице паненцы,
Што въ чирвоной сукенцы,
Пущай мене не жде,
Пущай замужъ иде,
Нехай мене не любиць
Своихъ лѣцеу не губиць.
Дзѣука тое зачула,
Въ вишнёвый садъ скочила,
Накопала коренья
Съ—подъ бѣлаго каменя,
Перемыла у рѣцѣ,
Приставила въ молоцѣ,
Присунула до жару,
Кипи корень помалу.
Еще корень не укипѣу,
Писаръ къ дзѣуцы прилецѣу.
А чего-жъ ты прилецѣу?
А ты-жъ мене не хацѣу.
А што цебе принесло,
О ци човенъ, ци весло?
Мене привёзъ сивый конь
Къ красной дзѣвушкѣ въ покой.

(*Д.*)

116. Ой да не спится не дремится,
Голова моя болиць,
Ой никого мнѣ не жалко,
Жалко тройки вороной;
Жалко тройки воли вороной,
Молодого ямщика.
Ямщикъ у доми не бывая,
По Россіи поѣжжая.
Всю Россіюшку Ваня проѣхау,
Лутшей Маши не нашоу.
Ёнъ зъ Россіи вороциуся,

Живой Маши не застау.
Лежиць Маша у свѣтлицы,
У свѣтлицы подъ окномъ:
Вся головушка у цвѣты убрана,
Грудзь накрыта китаёмъ.
Я китаечку открыю,
Хоць на Машу посмотру,
Въ ручки, въ ножки поцѣлую,
Въ ея бѣлое лицо,
Пущай Маша не жалкуя,
Што быу Ваня подлецомъ.

(*Д.*)

117. Да усѣ хмарочки да по парочки,
Одна хмара розна.
Да свариць мене моя мамочка,
Што я хожу позно.
О хоць ты свари, о хоць не свари,
Ты мене не научишь.
Кого вѣрно люблю,
Ты мене не разлучишь.

(*Д.*)

118. Росла, росла трава зеленая,
Расцилалась по земли.
Расцилалась по земельцы,
По круценькимъ бережкамъ.
Нихто травушки ни косиць,
Нихто ее не сожнець;
Нихто дѣвушки не любиць,
Нихто замужъ не берець.
Якъ я была у малыхъ лѣтахъ,
Зъ ойцомъ, зъ матушкой спала,
А цеперь я пребольшая,
Пожалуйце молойца...
Хмары цёмны, тучи грозны
Всё й подъ небесахъ идуць,

Хороши наши ребята—
На ученье сами йдуць;
Ены идуць машеруюць,
Сами съ собой говорацъ:
Трудно, трудно намъ, ребята,
Пребольшой городъ узяць,
Еще-жъ было потруднѣй-же,
Якъ подъ пушки подбѣжаць.
Якъ подъ пушки подбѣжали,
Разкричалися мы вразъ.
Михаилъ нашъ князь великій
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
Вы палице, братцы, не робѣйце,
За морами знаюць насъ!
Окаянные прaнцузы.
Покарицеся вы намъ!
Якъ не будзеце карится,
Мы порубимъ васъ, побьёмъ;
Мы порубимъ васъ, побьёмъ,
У Россію жиць сошлёмъ.

(*Д.*)

119. Поглядзице, братцы, за моремъ погодушка.
За моремъ погодушка, сильна безуремене.
Уже намъ, братцы, горе надокучило,
Жоутые пески зъ мора вытаскаючи,
Крутые береги, братцы, выроуняючи.
Тамъ да гуляла красная дѣвушка,
Красная дѣвушка—душа Палагеюшка.
Ена гуляла, ена умывалася,
Лицу свойму бѣлому дзивовалася:
Кому-жъ, мое личико, кому-жъ призастанешься?
Ой ци тому ся, братцы, полковничку,
Ой ци тому ся, братцы, невольничку,
Што сѣдзиць въ корчмѣ, сѣдзиць напивается,
Придзе до дому, со мной разбивается,

Своимъ родомъ выхваляется:
Ой мой родзе съ панами ѣдзе,
А твой родзе съ старцами ходзиць.

(*Д.*)

120. Сторона моя, старонка,
Развесёла сторона,
Што по табѣ по старонцы
Росли зелены лужка.
Што по тыхъ же лужочкахъ
Разливалася вода,
Разливалась, напоунялась
Ровно съ крутымъ бережкомъ.
Зроблю я нову лодку,
Переѣду я къ милой
Переѣхауши къ милой,
Устрою церемъ цесовой;
Устроиуши цесовъ церемъ,
По садочку похожу;
Походзиуши по садочку,
Разны цвѣты разсажу;
Разсадзиуши разны цвѣты,
Русы волосъ расчешу;
Расчесауши русы волосъ,
Вижу дѣвушку въ глаза.
Здраствуй, здраствуй, красавица,
Давно я цебе видалъ,
Якъ думау я женицися,
Намѣронъ я васъ узяць, 2.
Не посмѣю вамъ сказаць.
Женись, козакъ, женись, бурлакъ,
Женись, удалый молодецъ.
Вотъ не може тому статься,
Штобъ я была за тобой.
Якъ я была въ малыхъ лѣтахъ,
Насмѣуяся ты зъ мене;

Якъ цеперь же уразумѣла.
Отыдзи прочь отъ мене.

(*Д.*)

121. Граю, граю на гитары,
Граю, граю, веселюсь.
Нихто горесци не зная,
Якъ я зъ милымъ разстаюсь.
Запалю я лампу—свѣчку
На всю млода цёмну ночь.
Гари, гари, лампа—свѣчка.
Гари, гари, не згасай.
Ты жъ, мой дружокъ любезный,
Часто въ госци заѣжжай;
Накажи мойму батюшку,
Што я въ горесци живу
За сцѣною каменною,
За рѣшоткой драцяной.
Ой вы, ракитовы кусточки,
Прихилицеся къ земли;
Вы, звѣри мои, соболёчки,
Выходзице вы ко мнѣ,
Расцерзайце цѣло бѣло
По ракитовымъ кустамъ,
Разолице кровъ гарачу
Всё по жоуценькимъ пескамъ.
Положице моё серце
На серебранный подносъ,
Занесице моё серце
Къ мойму милому дружку.

(*Д.*)

122. Унадзиуся, унадзиуся, унадзиуся
Да соколъ до чайки,
Да што у ее горѣлки ни чарки.
Гэта табѣ, чаечка, за тое,

Да што твое крыльейко рябое,
Гэта табѣ, чаечка, заплата,
Да што твоя голоука чубата.
Ой тамъ дзѣука, ой тамъ дзѣука
Пшениченьку жала
И къ зелёному дубу позирала.
Яжъ думала, яжъ думала,
Што дубъ зелененькій.
Ажно вышоу козакъ молодзенькій.
Козаченьку, козаченьку, козаченьку,
Господъ Богъ съ тобою,
Выведзь мене младу на дорогу.
Коли будзешь вѣрнымъ дружкомъ зваци,
Велю хлопцамъ дорогу указаци.
Хоць я буду у лузи ночеваци,
А не буду вѣрнымъ дружкомъ зваци.
Помолюся я святому Богу,
Ци не выйду сама на дорогу,
Поклянуся я святой Миколи,
Што не пойду по грибцы николи.
Бодай тые грибцы не родзили,
Кабъ дзѣучата по ихъ не ходзили,
Да по цёмныхъ лужкахъ не блудзили.

(*Д.*)

123. Не шуми дуброва,
Не шуми зелёна,
Не задавай серцу жалю,
Што я у чужомъ краю.
Ой я у чужомъ краю,
Якъ на пожаринѣ,
Нихто жъ мене не жалѣя
При лихой годзинѣ.
Нихто мене не жалѣя,
Ни оцецъ, ни маци,
Только-жъ мене той жалѣя,
Хто захоче узяци.

Плыви, плыви, сѣра утка
Процивъ воды хутко,
Да не кажи мойму роду,
Што я тутъ горую,
Да скажи ты мойму роду,
Што я тутъ пануую:
Мое панованье—
Цяжкое вздыханье.
Выжъ мои раскошечки—
Дробныя слёзочки.
Да говорацъ людзи,
Што я не журуся:
Якъ выйду я за ворота,
Такъ зъ вѣтру валюся.
Да говорацъ людзи,
Што я не плачу,
А якъ выйду на улицу,
Сцежечки не бачу.

(Д.)

124. Бероза, бероза, зелёная, кудрава,
Што цебе, бероза, сѣкуць да рубаюць?
Мене молодую хто хоче ругая.
Ой нудно мнѣ, тошно да на моемъ серцу,
Што мой миленькій со мной не говорицъ;
Со мной не говорицъ, по вечоркахъ ходзицъ,
И къ бѣлому свѣту да дому приходзицъ.
Ёнъ ложится спаци вперокъ короваци,
На хату вочима, а къ сцѣнѣ плечима.
Устань, устань, милый, я цебе раззую,
Я цебе раззую, въ личко поцѣлую.
Оступися, жонка, оступися, шельма,
Я не съ такими ночку пересѣдзяу,
Ночку пересѣдзяу, на ихъ переглядзяу.
Хоць у цебе, милый, и три и четыры,
Но я старшѣйшая надъ ими усими:
Я съ тобою, милый, въ косцели стояла.

Въ косцели стояла, персцёнки мѣняла,
Персцёнки мѣняла, Богу присягала.
(*Д*).

125. Горе горе, пребольшое:
Зъ гора ноженьки не ходзяць,
Ручки дзѣленька не робяць,
Сонъ головушку хиляя,
Мене милый покидая,
Самъ на войну уѣжжая,
Мене въ гори покидая
Всё зъ дробными дзѣточками.
Дзѣтки мои дробненькіе,
Служки мои вѣрненькіе,
Безъ поры мене ссушили,
Серце мое выкрушили,
Красоту зъ лица змѣнили.
Красота моя прекрасна,
Только доленька нещасна.
Выйду млода за ворота,
Ажно лецицъ воронъ чорный,
Воронъ чорный, бѣлокрылый,
Пытается: дзѣ твой милый?
О, мой милый у забоци,
У государа на рабоци:
У дзень ходзицъ—ружьё носицъ.
Въ ночи ходзицъ—калаурицъ,
Калаурицъ, люльку курицъ.
Люлька моя золотая,
Жонка моя молодая,
Я покинуу цебе у гори,
Якъ уточку у синемъ мори.
(*Д*.)

126. Ой што-жъ кому да за дзѣла,
Што я зъ милымъ сѣла.
Вотъ я сѣла посидзѣла,

Пѣсеньку запѣла:
Развивайся, клёнъ дзиравый.
На четыре листы,
Любиу барыпь трохъ дѣвчонокъ,
Ёнъ не мѣу корысци.
Одна пошла зимой замужъ.
А другая у лѣтку,
А трейцея черноброва
У лѣсъ по чернушку.
Чернушечки не набрала,
Ой Боже-жъ мой милый,
Што у той же дзеревенцы
Казакъ чернобривый.
Его шапочка боброва,
Голоука съ кудрами,
Его личинько бѣленько,
Сапожки сафьяны.

(*Д.*)

127. Доня моя милая,
На што глупа здзѣлала?
Любила Ваню, бросила.
Матка моя родная,
Якъ же мнѣ его любиць,
Коли мое серце не церпиць.
Што дзень вижу пьянаго:
Ёнъ за столикомъ сидзиць,
Зелёное вино пье,
Молодая жонка йдзе.
Ступай, пьяница, домой!
Пропиу мое имячко,
Пропиу бѣлое личко,
Изъ головушки платокъ,
Съ правой руки перснёкъ.

(*Д.*)

128. Цёмна ночка да не видная
Головочка моя бѣдная!
Дзѣжъ я буду да ночеваци,
Што я буду да вечераци?
Вечерацьму да щуку—рыбу,
Щуку—рыбу да й осетрину.
Коня пущу да на долину,
А самъ лягу да й отпочину.
Ой тамъ дзѣука да жита жала,
Жита жала да пшениченьку,
Меня будзиць да пьяниченьку:
Устань, милый, бо татары йдуць,
Татары йдуць, коня возьмуць.
Коня возьмуць, конь другій будзе,
Цебе забьюць, то намъ жаль будзе.
Ой дзѣучина, серце, рыбчина,
Ци ты мене да такъ вѣрно любишъ,
Што ты мене да заране будзишъ?
Штобъ я цебе да не любила,
То бъ я цебе да не будзила.

(Д.)

129. О, ты поле, поле чистое,
Поле чистое, неуродливое,
Только породзило кустъ ракитовый.
Ой на кусцику—соловеюшко,
А подъ кусцикомъ—салдатъ молодой.
Посцелька его—шоукова трава,
Въ головахъ у его—шляпа чорная,
У грудзи его—пуля быстрая,
А при боку его—шабля вострая.
Въ головахъ стоиць сивый конь его.
Ой, ты конь мой, конь, ты товаришъ мой,
Отвези жъ ты поклонъ къ ойцу мацери моей
Не кажи жъ ты, коню, што я убитый лежу,
Да скажи ты, коню, што я въ войску служу,

Што я въ войску служу, я жениться хочу
Оженила мене куля быстрая,
Одружила мене шабля вострая.
(Д.)

130. Выйду, выйду за ворота,
Покачу ведзерце.
Выйдзи, выйдзи, душа радосць,
Да поцѣшь мое серце.
Да мое серце вельма мляво,
Лучше-бъ я его не знала.
Да коля луга, да коля цёмна
Сизъ голубъ летая;
Ёнъ летая, ёнъ пытая,
Да голубки шукая:
Да сизые два голубчики,
Ци не видзѣли да мае голубки?
Да скажи, скажи, да голубчику,
Якая твоя голубка?
Да сама сиза, да бѣлы крылья,
А личко, якъ калина.
Полецѣла да твоя голубка
У чистое поле;
Сѣла, пала да голубочка,
Коля синяго мора.
Да вмывается да голубочка
Морскою водою,
Да уцирается да голубочка
Русою косою.
Расци, коса, до пояса,
Я буду чесаци.
Да любиу барынь дзѣуку,
Да стау покидаци.
Да любиу три годы й недзѣльку,
Якъ пришлося браци,
Такъ стау покидаци. (Д.)

131. Коля луга хожу, свойго друга гляжу.
Ой, друже мой, друже, любилися дуже;
Любилися дуже да четыре года,
А не бачилися четыре недзѣльки,
А въ одну недзѣлю разомъ заболѣли.
Казаченько лежиць у зелёной дубрави,
Дзѣучиночка лежиць у новой каморы.
Дзѣучиноццы носяць ѣсци, пици досыць,
Казаченько лежиць, зимной воды просиць:
Земля моя земля, дай воды напиться,
Ци ни покинуу бы по дзѣучинѣ журиться.
Да у недзѣлю рано звоны зазвонили,
Дзѣучиночка бѣдна своей матки просиць:
Послухай, матка, ци усѣ звоны звоняць.
Коли усѣ звоняць, казака хороняць;
Коли у половинѣ, будзе й по дзѣучинѣ.
Дзѣучиночка бѣдна своей матки просиць:
Поховай насъ, матка, да въ одной могилѣ,
Положи насъ, матка, впоручъ головами,
Штобъ была размова на томъ свѣцѣ зъ нами.

(*Д.*)

132. У поли калина
Зъ вѣтромъ говорила:
Повѣнь вѣцеръ, повѣнь буйны,
Штобъ я не совяла.
У поли дубочекъ
Зродзиу желудочекъ,
Якъ не вижу миленькаго,
Болиць животочекъ.
Ой у поли хвойка
Изломила голька.
Якъ не вижу миленькаго,
Такъ болиць голоука.
Ой у поли жито
Зелёное збито,

Подъ бѣлою березою
Казаченько убитый.
    Ой убитый, убитый,
    Да укинутый у жито,
Чирвоною хустынькою
Оченьки накрыты.
    Ой пришла дзѣучина
    Съ черными очима,
Да подняла хустыночку
Да й заголосила.
    Ой пришла другая,
    Совсѣмъ не такая,
Да подняла хустыночку
Да й поцѣловала,
Неживому казаченьку
Всю правду сказала:
    Ой устань, казаче,
    Устань, молодзенькій,
Ходзиць, блудзиць по дубровѣ
Твой конь вороненькій.
    Ой нехай ёнъ ходзиць,
    Хоць и заночуя;
Ёнъ до маи миленькои
Дороженьку чуя.
    Ой нехай ёнъ ходзиць,
    Покуль напасется;
Нехай моей миленькой
Лёгонько икнется.

(*Д.*)

133. Пошла дзѣука къ цёмному броду по воду,
Приблудзила къ цихому Дунаю и къ бору.
А жъ тамъ звощикъ, перевощикъ молодой.
Ой ты звощикъ, перевощикъ молодой,
Перевези да й да матушки родной.
То я табѣ за перевозъ заплачу.
Дамъ я табѣ всё й ядбабненькій платокъ,

Еще къ тому атласовый поясокъ.
Не хочу твойго ядбабнаго платка,
Не хочу твойго й атласна пояска,
Только хочу съ тобой подъ шлюбомъ стояць
И серебранны персцёнки помѣняць.
Лутше буду я у мори потопаць,
Якъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць:
Лутше буду кременны горы копаць,
Чимъ съ тобою подъ шлюбомъ стояць.
(*Д.*)

134. Малолѣтна дѣвчоночка
Научилася страдаць.
Страдай, страдай дѣвчоночка,
Еще въ лѣтахъ молода.
Въ гэтыхъ лѣтахъ будзешь вѣдаць
Всѣ любовныя дѣла.
Мнѣ подружки говорили,
Што милого очень жаль,
А я свойго миленькаго
Запросила ночеваць:
Ночуй, ночуй, мой миленькій,
Хотя ночку у меня.
Ой радъ бы я, моя мила,
И двѣ ночи ночеваць,
Да боюся, моя мила,
Штобъ до свѣту не проспаць.
Не бойсь, не бойсь, мой миленькій,
Я сама рано встаю,
Я сама рано встаю,
Цебе дружка обужу.
Й обудзила, проводзила,
Дзѣ сканчалася любовъ.
Дзѣ скончалась, распрощалась,
Такъ тамъ рѣчка процекла.
Молодая дѣвчоночка

Пала грудзью на воду:
Празъ цебе я, мой миленькій,
Празъ цебе я утону.

(Д.)

135. Вечеръ цёмный, (2)
А ночка видная;
Бацька добрый, (2)
А матка лихая,
Не пущая на улицу,
Што я молодая.
Пусци, маци, (2)
Я не забаулюся,
Только хлопцамъ доброночъ дамъ.
И назадъ вернуся.
Да расчесау барынь кудри,
А дѣвчина косу,
Да пожану сивы волы,
На раннюю росу.
Пасицеся, сивы волы,
Не бойцеся воука,
А я пойду до дѣвчины,
Бо болиць голоука.
Напасвились сивы волы
И усѣ у радъ постали:
Да дзѣ тые оратые,
Што нами орали?
Пошли наши оратые,
Пошли у косарину,
Покосили руту—мяту,
Погребли на сѣно.
Бодай сѣно коломъ сѣло,
Коса зломилася,
Якъ у мойго миленькаго
Ручка утомилася.

(Д.)

136. Ой, волы мои все й половые,
Чаму сами не ореце?
Ой лѣта мои молодзенькіе,
Чаго марно йдзеце?
Ой я на волы повью поводы,
А на коники пута.
О кали бъ не ты, серце дѣвчина,
То бъ не быубы я тута.
Ой взыдзи, взыдзи, ясенъ мѣсячикъ,
Якъ млиновое коло.
Ой выдзи, выдзи, серце дѣвчина,
Поговоримъ мы съ тобою.
Ой рада бъ я выйць, рада бъ говориць,
Объ насъ людзи говорацъ.
Ой нехай судзяць, нехай говорацъ
Хоць по цѣлому свѣту.
Я цебе любиу и цюбиць буду,
Мой ты дороги квѣту.
Мала пташечка маленькая
По былиноццы скаче,
Дурна дѣвчина неразумная,
По казаченьку плаче.
Ой я не плачу, я и не тужу,
Сами слёзоньки льются,
Што отъ милаго листочка нема,
Отъ немилаго шлютсся.
Ой кали бъ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣда за бѣдою,
То бъ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Хоць я й за водою.
Ой калибъ табѣ, якъ цеперь же мнѣ,
Да бѣдонька докучила,
Тобъ ты пріѣхау, мене отвѣдау,
Штобъ я тутъ не скучила.

(Д.)

137. Зъѣздзиу коня, зъѣздзиу вороного,
Да скажи, серце, правду,
Да ци будзе што съ того,
Да ци будзе, да ци не,
Да не суши серца мнѣ.
Да покинь, дѣвка, годзи жартоваци,
Да пойдземъ до косцёла
Съ тобою шлюбъ браци.
Да свяжуць намъ ручки стулою,
Да будземъ жици съ тобою.
Да цеперъ ты кажешъ, што зоронька ясна,
А потымъ ты скажешъ: долечка нещасна.
Да цеперъ берешъ и дужу й здорову,
Самъ же ты видишъ по очкахъ весёлу,
А бронь Боже недуги,
То ты помыслишъ о другихъ.
Скарай мене Боже на души, на цѣли,
Коли я помыслю объ иншихъ цебе.
Скарай мене Боже найвысшій,
Коли я помыслю объ иншихъ.
Да не скажешъ ты, то маци:
Было мене бѣдной не браци,
Бо у мене посагу не было й не будзе,
Бо у мене посагу я сама,
Якъ на небѣ ясная зара.

(*Д.*)

138. За моремъ далёкимъ,
Межъ горъ высокихъ,
Гдѣ моя любезная Машенька живець,
Ой съ той стороны воздухъ пріятный несець.
Ой радъ бы я засцигнуць, правды распытаць.
Когда любишъ вѣрно, люби ты мене;
А когда не любишъ, убью самъ себе,
Самъ себе убью, въ сыру землю йду.
Пущай людзи скажуць, што я боленъ быу,

А того не знаюць, што серце скрушиу.
Бо старые людзи не разсудливы:
Знаць ены молодыми знаць не бывали,
Знаць ены любови знаць ены не знали;
Только ены знаюць, што я веселиуся,
А того не знаюць, што серцемъ скрушиуся.

(Д.)

139. Быу у матки одзинъ сынъ
Да й той матки не слухау,
Да на войну поѣхау.
Матка сына провела
И зъ жалосци прокляла:
Бодай сынокъ яворомъ,
А коничекъ каменемъ,
А шапочка купинкой,
А хусточка рѣченькой,
А поясокъ сцежечкой!
Тудой ишла дзѣвочка...
Ой явору, явору,
Я съ тобою говору:
Будзе на цебе дробный дожджъ,
Еще къ тому зъ вѣтрикомъ,
Твойго голья надломиць,
Твое лисцья обгониць.
Ой дзѣвочка, дзѣвочка,
Цеперъ же ты у бацюшки,
Цеперъ же ты молода,
Цеперъ же ты хороша;
А якъ пойдзешъ ты замужъ,
Будзе табѣ лихій мужъ:
Твое личко надобье,
Твоихъ косокъ надорве,
Твоихъ слёзокъ надолье.

(Д.)

140. Долина (з) широкая,
По табѣ, долинушка,
Туманъ разсцилается,
Сонце выкатается,
Зара занимается.
У недзѣлю раненько
Выйду я на улицу,
Стану, подумаю,
Кого я любиць буду.
Любила бъ я женатаго,
Жена будзе сердится;
Любила бъ холостого,
Холостой оженится,
Любощъ перемѣнится.
Буду любиць прежняго,
Солдата военнаго.
Солдатъ будзе у войску служиць,
А я буду здзѣся жиць;
Солдатъ будзе воеваци,
А я буду гореваци;
Солдатъ будзе съ пушекъ биць,
А я буду слёзы лиць.

(*Д.*)

141. Ой крапива, ты крапивица,
Чаго рано позаивлевала?
Ни сцежечки, ни дорожечки,
Нима миленькому проходочки.
Мой милый су походу йдзе,
За собою пару лошадей ведзе.
Конь буланый попереду йдзе,
Помижи ножекъ буйну голову несе.
Коню, конь буланый мой,
Чимъ на табѣ я цежело сѣджу?
Не сами вы цежелы,
Цежела мнѣ муница ваша.

(*Д.*)

142. Ходзиу, блудзиу молодой молодчикъ по крутой горы,
Расчесая русы кудзерки по всей головѣ,
Русые кудзерки расчесаючи,
На чужія на хорошія заглядаючи.
Што чужія да хорошія, якъ рожевый цвѣтъ,
Процивъ мои невдашечки въ бѣломъ свѣци нѣтъ.
Возьму я невдашечку за бѣлу руку,
Поведу невдашечку на круту гору,
Кину, брошу невдашечку у виръ головой,
Еще трошка почекауши и самъ за тобой.
Остается конь вороненьки, сѣдзелышко,
Только сѣсци да поѣхаць икъ сцю на совѣтъ.
Дзень добрый, мой цесцюхно, да й на добрый дзень.
Здоровъ, здоровъ, мой зяцюхно, да й на довги вѣкъ.
Отдау дочку да невдашечку только на семъ лѣтъ.
Трудно, трудно, мой цесцюхно, безъ невдашечки,
Десятая да недзѣлечка безъ рубашечки.
Бодай же ты, мой зяцюхна, семъ лѣтъ не дабыу,
Якъ ты мою паненочку изъ свѣту згубиу.

(*Д.*)

143. Возлѣ рѣчки, возлѣ гаю,
Возлѣ цихаго Дунаю,
Берёза кудрявая
Надъ рѣчкою стояла.
Тожъ не берёза, } *прип.*
Тожъ не кудрява
Надъ рѣчкою стояла.
Ой тамъ казакъ, ой тамъ млоды
Стаду коней наповау. Береза и т. д.
Стаду коней наповау,
На красну дѣвку моргау. Береза...
Поможи, поможи, красна дѣвка,
Стаду коней мнѣ загнаць. Береза...
Ой рада бъ я помощи,

Да боюся бацюшки. Береза...
И боюся бацюшки,
И худой славушки. Береза...
Мене бацюшка не пабьёць,
Худа слава такъ пройдёць. Береза...
Худа слава такъ пройдёць,
Нихто замужъ ни возьмёць. Береза...

(*Д.*)

144. Скука мнѣ, досада,
На улицу не йду.
Ёнъ шельма не зная, } 2.
Што я его люблю.
Не любиць зломучицель,
Чаго мнѣ больше ждаць?
Кацицеся, горки слёзы, } 2.
Кацицеся изъ глазъ.
Напрасно я страдаю,
Журу сама себе;
Я про гэта знаю, } 2.
Не любиць ёнъ мене.
Якъ у поли вѣцеръ
Всё одно цвердиць,
Такъ ёнъ зъ моей доли } 2.
Смѣется и шуциць.
Смѣйся ты, безсовѣсный,
Смѣйся надо мной,
Богъ цебе накаже } 2.
Нещасною судьбой.
Нещасною судьбой,
Невѣрною дружбой,
Невѣрною дружбой, } 2.
Нелюбою женой.

(*Д*)

145. Нихто того не вознау,
Да хто у мене ночевау;

Ночевау же папоу сынъ,
Даровау же коней семъ.
Дурна была не брала:
Шесцёркою катала-бъ,
А семаго продала-бъ,
Да звощика наняла-бъ.
Звощикъ, баринъ молодой,
Ведзи коня да й напой,
Дзѣ криничная вода,
Тамъ дзѣучина молода.
Ой, дзѣучина молода,
Люби мене молойца.
Хозь я хаты не маю,
Женицися думаю.
Роби хату зъ лебеды,
Да у чужую не ходзи:
Чужа хата не своя,
Гоняць съ хаты гультая.
Вѣцеръ дуба хиляя,
Дзѣука воду цягая, (2)
Баринъ дзѣуки пытая.
Не пытай ты мене,
Не кохау ты мене;
Кохау мене татка
И родная матка.
Давелося дураку
Руки поцираци.
Поцирай, негодзяй,
Коли давелося,
А мнѣ млодзѣ—молодзѣ
Такъ и осталося.

(*Д.*)

146. Охъ ты моя бражечка зелёная,
А хто жъ цебе бражечку будзе пици?
Поѣхау Иванечка въ городочекъ
На малое времячко, на часочекъ,

За имъ, за имъ Машечка во слѣдочекъ.
Гнала, гнала Машечка, не догнала,
Въ вишнёвый садочекъ забѣжала.
Въ вишнёвумъ садочку вишня зелёная,
На вищанцы яблачко чирвоное.
Гнула, гнула Машенька, не нагнула,
Пріѣхавъ Иваночка, дакъ не чула.
Устань, устань, Машенька, пробудзися,
На мою колясочку подзивися,
Што моя колясочка не простая,
Што моя колясочка золотая.

(Д.)

147. Дѣвушка моя прекрасна,
Лицомъ бѣла и хороша.
Жисць наша съ тобой нещасна,
Што влюбиуся я въ цебя;
Улюбиуся, укахауся
Въ твое бѣлое лицо.
Колько съ тобой я не знауся,
Знаць тобою не владзѣць.
Не мѣу бы я лѣпшаго щасця—
Сизы крылушки у себе:
Встрепенувся, полецѣу бы
У вишнёвый садъ гуляць.
У вишнёвумъ садочку
Дѣвушки гуляли,
Распрекрасну, расхорошу
Пѣсеньку играли.
Сѣу бы я, посѣдзѣу бы
На твое право плечо,
Посѣдзѣу бы, посмотрѣу бы
На твоё бѣло лицо.
Посѣдзѣуши, распросиу бы
Про здоровье про твоё,
Ци жива и здорова,
Ци весёленько живешъ,

Когда мене, любезная,
Къ сабѣ въ госци зазовешъ.
Я дужа и здорова,
И весёленька живу;
Когда придзе часъ—уремя,
Тогда въ госци зазову.

148. Ой лецѣла пава,
Середъ двора пала,
Траву разгортала,
Сокола шукала.
Соколе мой ясный—
Молодецъ прекрасный.
Козаче до хатки,
Пытается у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя"?
—„Пошла моя донька
Пшениченьку жаци".
Козакъ до пшеницы,
Не нашоу дѣвицы;
Козаче до хатки,
Пытается у матки:
„Матуленька моя,
А дзѣ донька твоя"?
— „Пошла моя донька,
Пошла до коморы,
Пошла до коморы
Посцель бѣлу слаци".
Козакъ до коморы
И знашоу дзѣвицу:
„Дзѣвица сиротка,
Не сцели широка!
Посцели узенько,
Полягамъ близенько.

Будземъ говорици,
Якъ на свѣцѣ жици,
Будамъ размовляци,
Якъ ночъ коротаци".

(Д.)

з) Любоничи. Бобр. уѣзда.

149. Бѣлая берозочка голья опусцила,
Чаго мене молодую замужъ покруцила!
Я у своего татуля не упила, не уѣла,
Я не упила, не уѣла, хорошо не походзила.
Только лѣты молодые свае потрацила.
Ой выду я молодая за вороты,
Покочу я два тарали (=талера) по дорозѣ.
Одзинъ тараль покациуся, другий призостауся,
Гдѣ мой милый, другъ любезный зъ другойраспознауся.
Што мене молодой милый очурауся.

(Г.)

150. Да выду я за вороты,
Ажно луги да болоты;
Да выду я за другіе,
Ажно мое серце ные,
Ано ные, понывае,
Любиць милый, покидае.
Да на дворѣ снѣгъ бѣленькій,
Ѣдзе, ѣдзе мой миленькій.....
Яка дзѣука чорноброука
У вороцяхъ стояла?
Охъ ты дзѣука—гордовница,
Не гордуй ты мною,
Будзе твоя руса коса
Подъ моей нагою,
Будзе твоя бѣла посцель
Въ моей новой камори. ....
Будзе твоя посцель слатца,

Да слёзы ко мнѣ вливатца.
Будзешъ мои ножки мыць,
Да тую воду будзешъ пиць.

(*Г.*)

151. Гориць серце, разгарае,
Любиць милый, покидае,
Не могу я жиць,
Безъ милаго быць.
Милый по улицы йдзе,
Зъ гора пѣсенку пѣе.
Выхадзила свѣтъ—надзежа
Да изъ новаго двора,
За ручку взяла,
У горницу увяла.
Посадзила на кровацъ,
Стала его спрашивацъ:
Цы ты будешь со мной, милый,
Ночку ночевацъ?
Онъ ничово не говоритъ,
Посцель слацъ не велитъ.
Только говоритъ
Его проводзицъ.
Я съ таго свѣта не устану,
Проводзицъ цебе не стану,
Боюся цебе,
Обманешъ мене.
Ты же мене молода обманешъ,
Маю родню осмѣешъ.
Нельзя варацицъ
Къ атцу, къ матушкѣ.
Любилъ, любилъ - не буду,
За полчаса позабуду.

(*Г.*)

152. Сынку мой, Иване,
Серце мое кохане,

Ти мнѣ тебе жаниць,
Ти мнѣ тебе въ войско подаць?
Якъ я тебе ожаню,
Сама себе узвеселю;
Якъ я тебе въ войско оддамъ,
Сама сабѣ жалю поддамъ.
Выкупи мнѣ, мамонька,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Три трубы мѣдзяныхъ,
Чецьвёрту золотую.
У перву трубу затрублю,
Коника сѣдлаючи;
У другу трубу затрублю,
Зъ двора выѣжджаючи;
А у трецюю затрублю,
Серодъ войска стоючи;
У золотую затрублю,
Салдатоу воюючи,
Галауки сцинаючи,
У поле брасаючи.

(*Г.*)

153. Ходзиць Маша по дубровѣ,
Разчорныя у Маши брови.
Сама Маша говорила,
Пастушка дружка манила:
„Сюда, сюда, пастушочекъ,
Сюда, миленькій дружочекъ,
Не спокинь мене сирацины
При широкой при далинѣ (*)
Въ лужку однае“......
За частые кусцики хоронилася.
Пущай мужъ прійдзецъ....
Не сцерпѣлося сердзечко,
Я промолвила словечко:

*) Дальнѣйшіе стихи сильно испорчены.

Я Машенька здзѣсь.
Онъ началъ звацъ......
Онъ цалуе, размилуе,
Сваей женой называе:
Ты жена жъ моя, жонушка,
Жена, вѣрная служанка,
Не жджи ночевацъ;
Не жджи мене порою,
Да вечернею зарею,
Я къ тебѣ приду, усю правду скажу.
Что жъ, Маша, что жъ ты, хороша,
Ты Ванюшу любишъ, мене кинула?
Ваня часто разчасценько ходзицъ,
Да госцинчики мнѣ носицъ,
А ты никогда.

(*Г.*)

154. Журуся, журуся, не знаю чаго;
Съ миленькимъ разлука, очень цижало.
Разлучила судьба, судьба далеко,
Судьба далеко, далеко и высоко.
Оттуль вѣтричокъ дуе, пріятно дуецъ,
Дзѣ моя кралечка, кралечка живецъ.
Когда будуцъ слыхи, слыхи про нее,
Возьму ее замужъ, замужъ за себе,
А слыховъ не будзе, забью самъ себе;
Я самъ себе забью, у сыру землю пойду.
Пущай людзи судзяцъ, што я боленъ быу;
А того не знаюцъ, што вѣрно любиу.
Пущай людзи судзяцъ, што сестра была,
А того не знаюцъ, якъ жена была;
Пущай людзи судзяцъ, што рожоная;
А того не вѣдзяцъ, што сужоная.

(*Г*).

155. Соловейка мой размалюсенькій,
Голосочекъ твой растонюсенькій,

Ты не щебячи, угору летучи,
Не обивай росы, згоры летучи.
Буду щебятаць, сестрица моя,
Обобью росу сестрица моя.
Ти есць у цебе хлѣбъ, ти купляетца?
Ти есць у цебе родъ, ти признаетца?
Есць у мене хлѣбъ, онъ купляетца;
Есць у мене родъ—не признаетца.

(*Г.*)

и) Борисовск. у.

(отъ свящ. Павла Вуколовича**).

156. Ахъ вы сотнички, полковнички,
Вы чините свою волю, што я вамъ позволю.
Выведите коня вороного и усю его збрую,
Ти не заржеть конь вороной хоть разъ надо мною.
Ти ни услышить отецъ мати съ каменной палаты...
Ти ня той же конь вороной по полю гуляить?
Ти ня той же казаченько, што роду ни маить?
Померъ, померъ казаченька у воскресенье рано...
Положили казаченьку у сьвѣтлицѣ на лауцѣ,
Прилетѣла кукушечка, стала куковати:
Устань, устань, казаченька, устань, мой миленькій!
Ой радъ бы, радъ бы я устати,—голоуки ни узняти.
Дубовыя да усё дошки притиснули ножки,
А жаутые усё пясочки притиснули животочка.

(*Я.*)

157. Ай рѣка, рѣка, рѣка быстрая,
Отчаго жъ рѣка такъ смутна стала?
Чаму жъ мнѣ рѣцѣ не смутитися?
Надо мной рѣкой три роты стоить.
А у первой роти сивый конь иржеть,
Сивый конь иржеть, дарожку чуить.

А у другой роти малайцы пяють,
Малайцы пяють, у паходъ идуть.
А у третей роти шабельки зьвинять.
Шабельки зьвинять голоуки стинать,
Дявица плачить: у палонъ беруть.
Не плачъ, дѣвица, не плачъ, молода:
Коли жъ буду я да и женитися,
Возьму жъ я тябе за жану свою".

(*Я.*)

158. Якъ паѣхау Данилушка во на Русь навойну, *)
Мати яго родитялка листъ па листу писала:
„Твоя жана Катярина свою волю узяла:
„Коній твоихъ вороненькихъ позаганивала,
„Мяды тваи салодкіе пораспаивала,
„Сукни тваи бялёвыя позанашивала,
„Служакъ тваихъ вярнюсенькихъ позымѣнивала,
„Дѣтокъ твоихъ драбнюсенькихъ пораски дывала".
Вотъ вярнуузя жъ Данилушка во со русской войны,
Жонка яго маладая пала у ноги яму.
Вотъ вынуу же Данилушка свой сувострусенькій мечъ,
Ды й сняу же имъ Катяринѣ головушку съ плечъ.
Якъ пашау же Данилушка во да стаеньки сваей.
Ажъ кони яго вороные пазастаивали.
Якъ пашоу же Данилушка во да клѣти своей.
Ажъ мяды яго салодкіе пазаплѣсьнивали 2.
Сукни яго бялёвыя пазапыливали.
Якъ пашоу же Данилушка да пакоевъ сваихъ,
Ажъ служки яго вярнюсеньки усѣ тихонька сидять 2.
Да на ручкахъ драбнюсенькихъ дѣточекъ диржать.
Богъ-дай тябе, моя мати, сыра зямля убила,
Якъ ты маю жонку Катярину со сьвѣту згубила.

(*Я.*)

---

*) 2 раза каждый стихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Нѣкоторые варіанты къ напечатаннымъ здѣсь пѣснямъ находимъ въ сборникахъ: 1) *Шейна*, Бѣлор. пѣсни, С.-Пб. 1870 (въ сокращеніи—Ш.): 2) *Шейна*, Матеріалы для изуч. быта и яз. рус. населенія зап. края. С.-Пб. 1887 (въ сокр.—Ш. Мат.); 3) *Безсонова*, Бѣлор. пѣс. (Бзс.); 4) *Романова*, Бѣлор. сборникъ, I, вып. 1 и 2 (Рм); 5) *Czeczota*, Piosnki Wiesniacze, Wilno, 1846, и др.

Ограничиваемся указаніемъ главнымъ образомъ бѣлорусскихъ параллелей, хотя можно было бы привести и множество другихъ, въ особенности малорусскихъ.

№ 3. Ш. стр. 292 и 340, № 611. — **№ 5**. Ш. № 616. — **№ 14**. Рм. 342, № 21. — **№ 16**. Ш. 290 и 464, № 37. -- **№ 29**. Ср. жнивныя, № 71. – **№ 30**. Ш. № 610. — **№ 33**. Ср. ниже, № 39.– **№ 48**. Рм. 341, № 14.–**№ 50**, Ш. Мат. № 18 — 20.—**№ 51**. Рында - прозвище лѣнивой, нерадивой, неумѣлой женщины, какъ и у Ш. Мат. № 135; не можемъ утверждать навѣрное, то-ли же это слово, что и въ малорус. загадкѣ: „секунда скаче, рында рые" (ворона и свинья). *Сементовскій*, Малор. заг. 1872, № 342, и *Закревскій*, Старосвѣтск. бандуристъ, 232, № 19. — **№ 52**. Ш. № 252.—**№ 53**. Бзс. 152, № 164.– **№ 54**. Ш. № 149 и 155. Бзс. 13, № 15.—**№ 55**. Поется, когда ходятъ съ козою. Существуетъ выраженіе: „пѣць козла"=щедровать. — **№ 56**. Ср. отчасти Малор. у *Лисенка*, Збірникъ II, № 31; ср. ниже № 126. — **№ 57**. Ш. № 426. Ш. Мат. № 350. Ср. мою „Малор. свадьбу" № 7 и примѣч. *).— **№ 58**. Бзс. 56, № 99; 157, № 170.—**№ 59**. Поется и какъ веснянка. Ср. № 63.—**№ 61**. Ср. № 62; Ш. № 165; Бзс. 15, № 20 — 1 и 59, № 105.— **№ 62** Ср. предыд. — **№ 63**. Ср. № 59.—**№ 64**. Ср. литовск. у *Куршата*, Grammatik der Lit. Sprache, 454, № 7 и примѣч. ib. 463, § 1672. Ш. Мат. № 379; Чечотъ 59, № 96, и друг. — **№ 65**. Ср. ниже, № 67. Ш. № 269, 270. Ш. Мат. № 204. Бзс. 49, № 89 и 90; начало ср. у Ш. № 241.—**№ 66**. Ш. № 127.—**№ 67**. Ср. № 65.—**№ 69**. Ш. № 305. Рм. 280, № 1.—**№ 70**. Ш. Мат. № 314.—**№ 71**. Ср. выше свад. № 29. Ш. № 357 -- 362. Ш. Мат. № 301 — 309. — **№ 72**. Рм. 284, № 15.—**№ 73**. Ш. № 316, 352. Ш. Мат. № 283. Рм. 443, № 40.—**№ 75**. Ш. № 100 и

---

*) Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест. Антроп. и Этнограф., . 48, в. 1.

377. - № 77. Ш. № 381—385. Ш. Мат. № 316—318, 326. Рм. 286, № 24.— № 78. Покосная. Ср. ниже № 147.—№ 79. Ш. Мат. № 289, 534—6. Рм. 18, № 34.—№ 80 Ш. № 32?. Ш. Мат. № 269, 274. — № 81. Рм. 87, № 40. Ш. Мат. № 173, 220, 263; начало ср. ниже № 124 и у Бзс. 58 № 103.—№ 82. Ш. № 312, 448, 451. Ш. Мат. № 505.—№ 84. Неоконч. Содержаніе напоминаетъ стихи о повстаньи; ср. у М. Дмитріева, Собр. пѣс., сказ., обряд. и обыч. крест. с.-зап. края, 113, Вильна 1869. № 85. Рм. 244, № 165 и 251, № 208.—№ 86. Ш. № 543.—№ 89. Ш. № 486.— № 90. Рм. 82, № 30. — № 91. Рм. 84, № 34.—№ 94. Рм. 130, № 76.— № 95. Ср. начало ниже, № 155 и у Рм. 40, № 75.—№ 96. Ш № 253 и мног. малор., нпр. Чубин. V, 242.—№ 99. Ср. нач. въ моей „Малорус. свадьбѣ", пѣс. 115, 171 и примѣч.; конецъ ср. у Рм. 122, № 57 и 420 № 162.—№ 100. Оконч. малор, ср мою „Малор. свадьбу", примѣч. къ п. 76.—№ 101. Ш. № 452. Ш Мат. № 507. Рм. 13, № 26.—№ 102 Ш. Мат. № 364. Бзс. 148, № 157.—№ 103. Ш. Мат. № 451—2. Малор. ср. нпр. Лисенка II, № 37.—№ 104. Малор., ср Чубин., 474, № 59. См. Потебни, Объясн. малор. и сродн. пѣс. II, 209.—№ 105. Малор., ср. начало и мотивъ у Лисен. III, № 20; оконч. ср. въ моей „Малор. свадьбѣ, примѣч. къ п. 257 и у Ш. Мат. № 401, 415. — № 106. Ш. Мат. № 424. Малор. ср. у Лисен. II, № 25.—№ 107. Ш. Мат. № 173, 220, 263. Рм. 5, № 13. Ср. ниже № 111.—№ 109. Ш. Мат. № 591, 598.—№ 110. Ш. 445. Ш Мат. № 463—4. — № 111. Ш. Мат. № 522. Малор. ср. у Чуб. V. 1208 и въ моей „Малор. свад.", прим. къ п. 296 Ср. выше № 107. — № 112. Рм. 416, № 156; нач. ib. 154,№ 126. Малор., нпр. у Чуб. V, 248. Великор. извѣстная: „Пошелъ бы я къ Сашѣ въ гости".— № 114. Отрывки изъ нѣсколькихъ пѣс. Малор. у Лисен. I. № 20, III, № 36. и друг.—№ 115. Ш. Мат. № 366. — № 118 Первые 12 стих. изъ другой пѣс. См. мою „Малор. свад.", прим. къ п. 167 (косить-любить) и къ п. 218.—№ 121. Рм. 67, № 7.—№ 122. Ш. Мат. № 287, 419, 425. Ср. Чуб. V. 160, 346—7; Kolberg. Pokucie II, № 194, 237; Zbiór wiad. do antrop. kraj. (Краковъ), II. 3, стр. 261, № 3; VII. 3, 190, № 16; VIII. 3, 12, № 19; Жегота Паули. II. 118; Kollár I. 322, № 10.—№ 123. Отдѣльные отрывки по-малор. у Лисен. IV. № 27; I. № 18, 9.—№ 124. Ш. Мат. № 473 — 4; нач. ср. выше № 81.—№ 125. Ш. Мат № 498. — № 126. Нач. ср. у Рм. 67, № 8; продолж. малор. у Лисен. II. № 31; ср. выше № 56—№ 128. Ш. Мат. № 387, 398.—№ 129. Чечотъ, 25, № 42; есть масса варіантовъ на другихъ языкахъ. — № 132. Ш. № 397 — № 136. Малор.; ср. Чубинск. V, 275, № 540 и 184 № 373; Максимовича, 1834 г., 169; Головац. I. 256; Вацл. зъ Ол. 201 и 434; Лисен. II. № 34. Ср. мою „Малор. свад.", примѣч. къ п. 61. — № 137. Ш. № 398. Малор. у Голов. I, 383.—№ 138. ср. № 154. — № 139. Для оконч. см. мою „Малор. свад.", прим. къ п. 76 и 269.—№ 141. Рм. 136, № 87.—№ 142. Рм. 19, № 36. — № 143. Рм. 341, № 13. — № 145. Ср. отчасти Рм. 258

№ 268; Ш. Мат. № 441. Малор. у Закревск., 95.—**№ 147**. Ср. выше № 78.—**№ 149.** Ш. № 431. Ср. Лисенка П. № 35.—**№ 154**. Ср. № 138.—**№ 157.** Три роты, ср. у Потебни. Малорус. пѣсня по спис. XVI в., Ворон. 1876 г. 33; Ш. Мат. № 602.—**№ 158**. Ш. Мат. № 533. Рм. 375, № 113; 400, № 161. Чечотъ, 49, № 85.

Ноты прилагаются для слѣд. пѣсенъ: 1, 2, 3, 44—47, 51—2, 56—7, 63, 66—9, 74—5, 85, 97—113, 128, 135—7, 144, 148, 156—8.

Н. Янчукъ.

Москва.
31 дек. 1888 г.

Бѣлорусскія пѣсни

Минской губ.

(приложеніе къ статьѣ Н. ЯНЧУКА.)

№ 1.

1. При-ле-цѣ-ли гу-сач-ки а зъ ра-ю, Ци вже ка-ра-ва-ю по-са-джа-ли.

(пѣс. 1.)

2. Ци вже ка-ра-ва-ю по-са-джа-ли, Ча-мужъ насъ гу-со-чекъ не зва-ли?

№ 2

1. От-куль ка-ра-вай-ни-цы, От-куль ка-ра-вай-ни-цы, ци зъ Ми-ра, ци зъ Не-сви-жа?

(пѣс. 2.)

2. Ци зъ Ми-ра, ци зъ Не-сви-жа, ци зъ Ми-ра, ци зъ Не-сви-жа, ци зъ Я-зыль-ско-го се-ла?

№ 3.

Да съ су-бо-тонь-ки да па не-дзѣ-лень-ку го-дзи-на

(пѣс. 3.)

Зъѣж-джа-ла-ся Мар-цин-ко-ва ро-дзи-на

ср. № 6. (пѣс. 44.) *)

№ 4.

Да_ля_цѣ_ли гу_сач_ки ци_разъ садъ кри_кну_ли гук_ну_ли на ўесь садъ

(пѣс. 45.)

№ 5.

По_мо_жи Бо_же вян_ки виць, вян_ки виць, дай Бо_же моло_дымъ до_вго жиць.

№ 6.

Отъ та - бѣ Ка - ця - рин - ка уся на - дзѣ - - я,

ср. № 4. (пѣс. 46 и 47.)

што твой Мар - - цин - ка да - ра - биць ня умѣ - е

(пѣс. 51.)

№ 7.

Сѣ_дзѣ_ла Рын_да да на_пе - чи_щи, Рын - да, Рын_да

№ 8.

За - пра - гу я бу - га - я, ку - ды лю - дзи, ту - ды я.

(пѣс. 52.)

Да га - ю, га - ю, ку - ды лю - дзи, ту - ды я

№ 9.

Ко - - му ве - - - черъ, ко - - му ве - черъ,

(пѣс. 56 и 57.)

а мнѣ ве - че - ро - чекъ, а мнѣ ве - че - ро - чекъ

№ 10.

Волъ бу - шу - е вес - ну чу - е, Волъ бу - шу - е,

(пѣс. 63.)

вес - ну чу - е, Во - ронъ кря - че, сы - ра хо - - че

№ 11.

Да пла - ваў чоў - - но - чокъ по рѣ - чец - цы,

(пѣс. 66 и 67.)

Да пла - - каў До - нат - ко по дзѣ - - воц - цы

(пѣс. 68 и 69.)

№ 12.

Я ду-ма-ла за-жа - ла-ся, Ажъ зноу съ хва-стомъ за-ста-ла-ся

№ 13.

Нашъ панъ ба - ранъ, ба - ранъ; Не пус - ка - е да - моў
за - - рань, Не пус - ка - е да - мо - - - ў за - рачь

(пѣс. 74 и 75.)

№ 14.

Па - рас - ла кра - пи - ва вы - ше га - ра - дзи - ща,
кабъ не на - ши, па - ни - чи, не бы - лобъ иг - ри - ща

(пѣс. 85.)

№ 15.

Ой да эхъ не мо - гу я зъ го - ра раз - гу - ля - тця, ой да то - ски ску - ки
сваі - е ра - зо - гнаць тос - ку ра - зо - гка - - ць ой да Пой - ду зъ го - ра
припѣвъ
на быс - тру - ю рѣч - ку ой да са - ма ся - ду на крутъ бе - реж - ка

(пѣс. 97.)

(пѣс. 98.)

№16. $\frac{3}{4}$ $(\frac{6}{8})$

Бы-ла я у бацьки на вы-го-дзѣ, Сѣ-я-ла о-рѣш-ки въ о-го-ро-дзѣ.

№17. $\frac{3}{4}$

Якъ мнѣ тош-нень-ко, якъ мнѣ чуд-нень-ко, са-ма не зна-ю отъ че-го.

(пѣс. 99.)

Эхъ ой пой-дзи-цежъ вы, при-ве-дзи-це мнѣ, ко-го я вѣр-но люб-лю.

№18.

Ой скуч-но мнѣ скуч-но, якъ бы-лин-цы въ по-ли,

(пѣс. 100.)

Ни-хтожъ не раз-ва-жиць ме-не мо-ло-дои
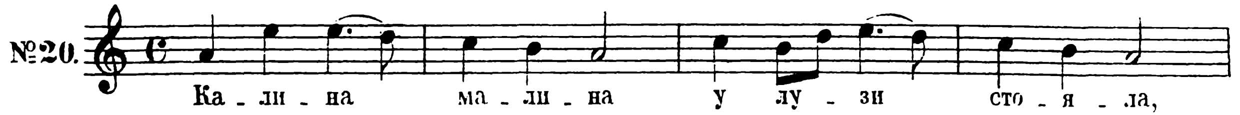
№19.
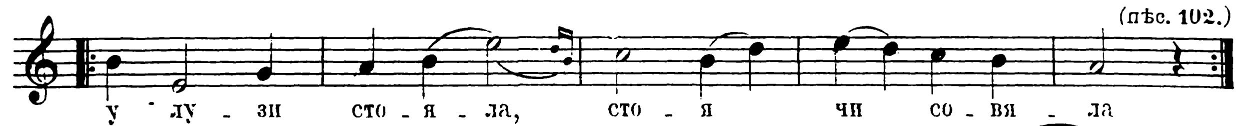
Бы-ла са-би у-до-ва по-ро-дзи-ла сы-ны два,
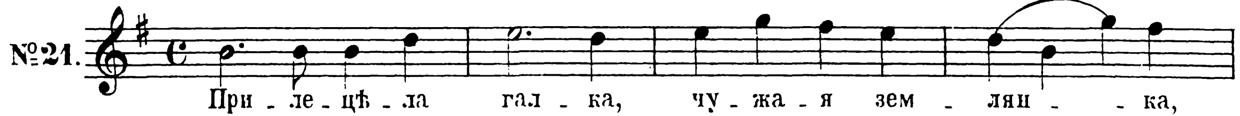
Ускор.
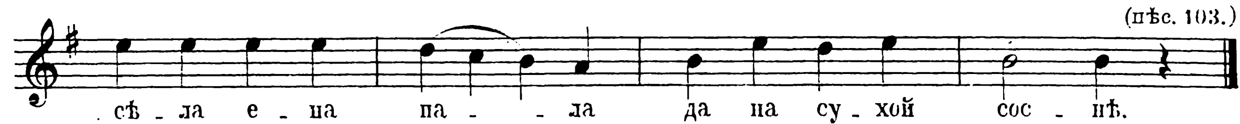
(пѣс. 101.)
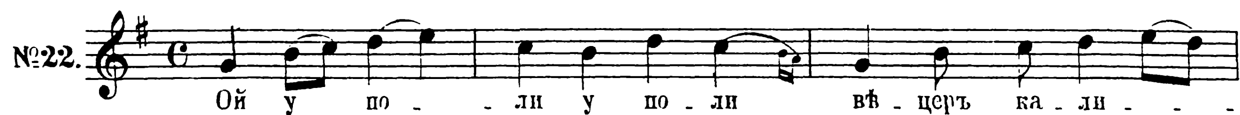
по-ро-дзи-ла, по-ви-ла въ ко-лы-бель-ку вло-жи-ла
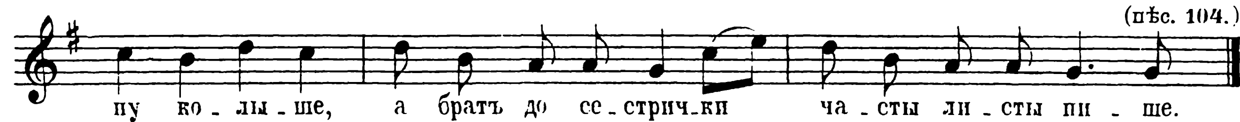

№ 20.
Ка - ли - на ма - ли - на у лу - зи сто - я - ла,
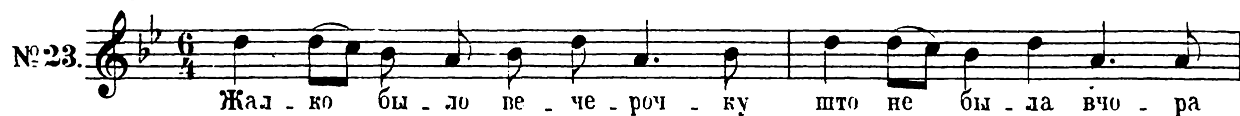

(пѣс. 102.)
у лу - зи сто - я - ла, сто - я чи со - вя - ла
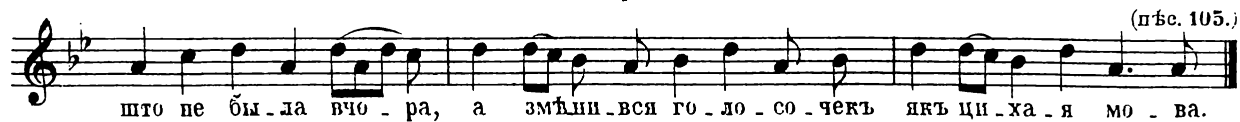

№ 21.
При - ле - цѣ - ла гал - ка, чу - жа - я зем - ляни - - ка,
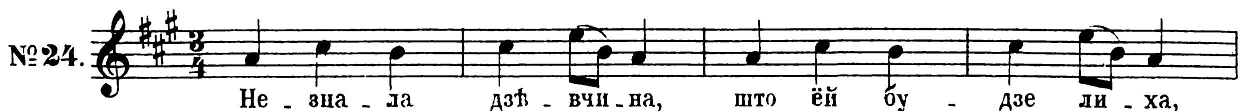

(пѣс. 103.)
сѣ - ла е - на па - - ла да на су - хой сос - нѣ.
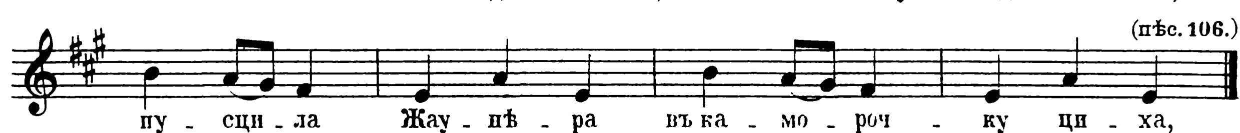

№ 22.
Ой у по - - ли у по - ли вѣ - церъ ка - ли - - -
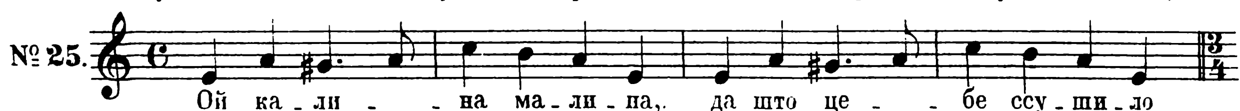

(пѣс. 104.)
пу ко - лы - ше, а братъ до се - стрич - ки ча - сты ли - сты пи - ше.

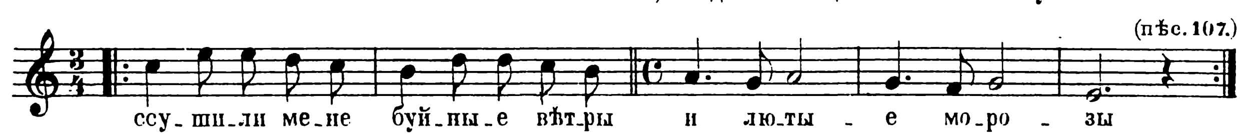

№ 23.
Жал - ко бы - ло ве - че - роч - ку што не бы - ла вчо - ра
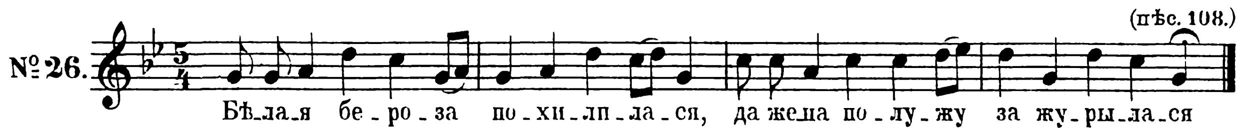

(пѣс. 105.)
што пе бы-ла вчо-ра, а змѣни-вся го-ло-со-чекъ якъ ци-ха-я мо-ва.
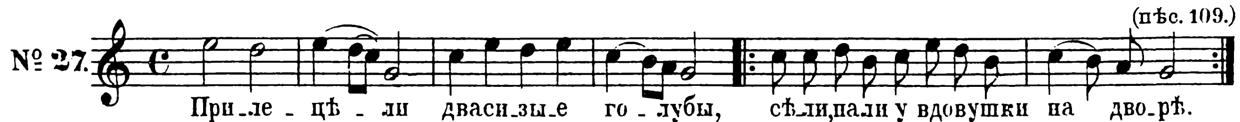

№ 24.
Не-зна-ла дзѣ-вчи-на, што ёй бу-дзе ли-ха,

(пѣс. 106.)
пу-сци-ла Жау-нѣ-ра въ ка-мо-роч-ку ци-ха,

№ 25.
Ой ка-ли- -на ма-ли-на, да што це- -бе ссу-ши-ло
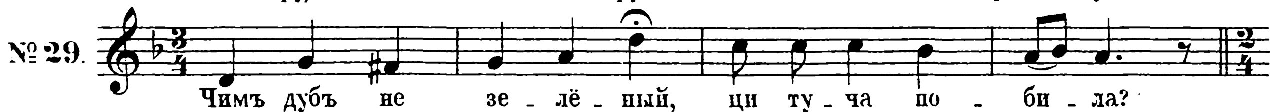

(пѣс. 107.)
ссу-ши-ли ме-не буй-ны-е вѣт-ры и лю-ты-е мо-ро-зы
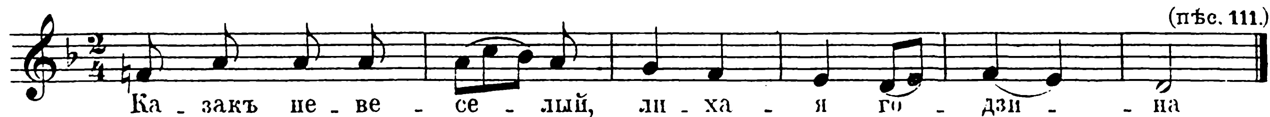

(пѣс. 108.)
№ 26.
Бѣ-ла-я бе-ро-за по-хи-ли-ла-ся, да же-на по-лу-жу за жу-ры-ла-ся
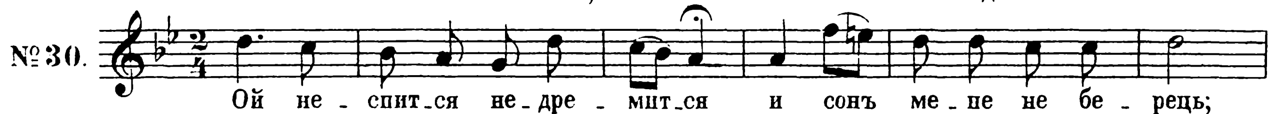

(пѣс. 109.)
№ 27.
При-ле-цѣ-ли дваси-зы-е го-лубы, сѣ-ли,па-ли у вдовушки на дво-рѣ.
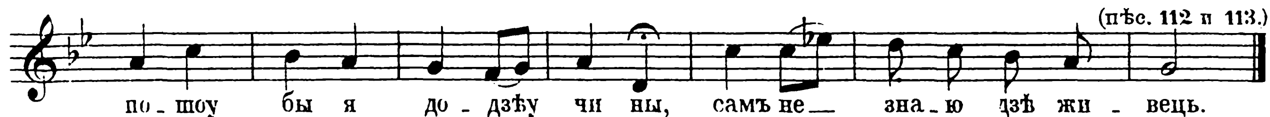

№ 28.
Ой вый-ду я на го-ру ой вый-ду я
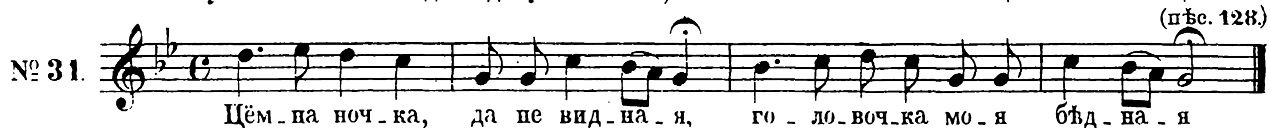

(пѣс. 110.)
на го-ру, по-смот-ру я на рѣ-ку

№ 29.
Чимъ дубъ не зе-лё-ный, ци ту-ча по-би-ла?

(пѣс. 111.)
Ка-закъ не-ве-се-лый, ли-ха-я го-дзи-на

№ 30.
Ой не-спит-ся не-дре-мит-ся и сонъ ме-не не бе-рець;

(пѣс. 112 и 113.)
по-шоу бы я до-дзѣу чи ны, самъ не-зна-ю дзѣ жи-вець.

№ 31.
(пѣс. 128.)
Цём-на ноч-ка, да не вид-на-я, го-ло-воч-ка мо-я бѣд-на-я

№ 32.

Ве_черъцёмный ве_черъ цём_ный, а ноч_ка вид_на_я,

(пѣс. 135.)

бацька добрый, бацька добрый, а маци лихая.

№ 33.

Ой волы мои все и половые чаму самы не оре_це?

(пѣс. 136.)

Ой лѣта мои молодзенькіе, чаго марно йдзеце?

(пѣс. 144.)

№ 34.

Скука мнѣ до сада, на улицу нейду, енъ шельма не знае, што я его люблю

(пѣс. 148.)

№ 35.

Сй лецѣла пава, середъ двора пала, середъ двора пала

№ 36.

Вы-из-дзивъ ко-ни-ка, вы-из-дзивъ дру-го-го, Ой чи що бу-де,
Пы-та-ю ди-вчи-но, чи що бу-де зъто-го,

(см. пѣс. 137.)

а чи не, не-ро-би за-хо-ду со-бѣ й мнѣ (Сѣдл. г.)

№ 37.

Ахъ вы сот-нички пол-ков-нич-ки, и што я вамъ по-зво-лю.
Ой чи-ни-тяжъ сво-ю во-лю

(пѣс. 156.)

Ой чи-ни-тежъ сво-ю во-лю и што я вамъ по-зво-лю.

№ 38.

Ой рѣ-ка, рѣ-ка, рѣ-ка быстра-я, от-че-гожъ рѣ-ка такъ смут-на ста-ла

(пѣс. 158.)

№ 39.

Якъ па-ѣ-хавъ Да-ни-луш-ка во-на Русь на вой-ну,